

ТОГО ЖЕ АВТОРА

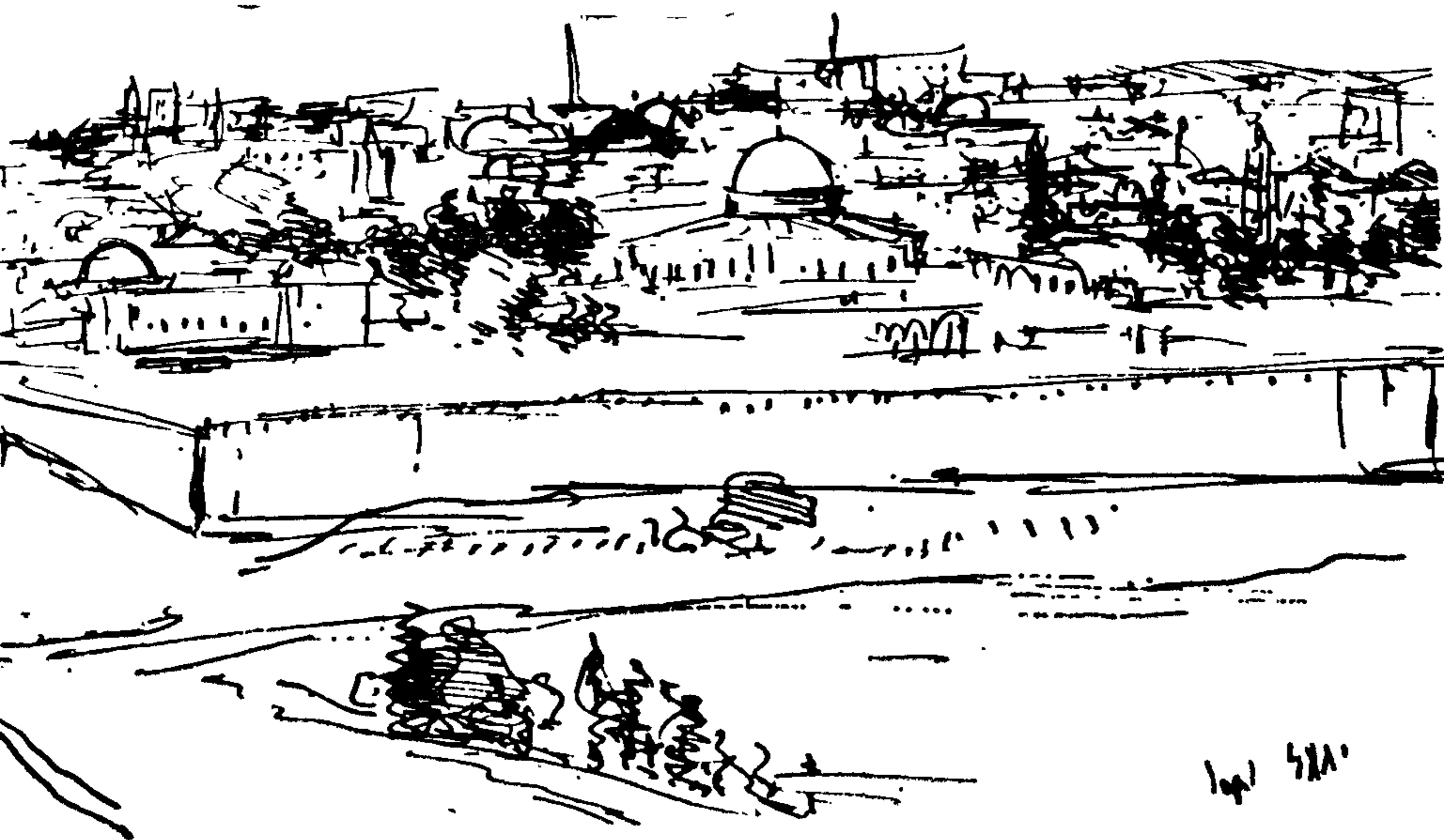
- Старый Париж.** — Изд. Я. Поволоцкого, Париж, 1926 г. С иллюстрациями Б. Гроссера. Распродано.
- Монмартр.** — Изд. Я. Поволоцкого. Париж, 1927 г. С иллюстрациями Б. Гроссера. Распродано.
- Париж ночью.** — Изд. «Москва», 1928 г. С предисловием А. И. Куприна. Обложка Ал. Яковлева. Распродано.
- Там, где жили короли.** — Изд. Я. Поволоцкого. Париж, 1930 г. Распродано.
- Там, где была Россия.** — Изд. Я. Поволоцкого, Париж, 1931 г. Распродано.
- Люди за бортом.** — Изд. О. Зелюка, Париж, 1933 г. Распродано.
- Дорога через океан.** — Изд. «Нового Журнала», Нью Йорк, 1942 г.
- Звездочеты с Босфора.** — Изд. «Нового Русского Слова», Нью Йорк, 1948 г. С предисловием И. А. Бунина. Обложка Р. Вай-Розена. Распродано.
- Сумасшедший шарманщик.** — Нью Йорк, 1951 г. Обложка Л. Михельсона.
- Только о людях.** — Нью Йорк, 1955 г. Издание «Нового Русского Слова».
- Далекие, близкие.** — Воспоминания. Нью Йорк, 1962 г. Второе издание.
- Замело тебя снегом, Россия.** — Рассказы. Очерки «Под небом Испании». Издание «Нового Русского Слова», Нью Йорк 1964 г.
- Земля Обетованная** — Очерки. Обложка Мане-Каца. Оформление Маргариты Гарвиной. Издание «Нового Русского Слова», Нью Йорк 1966 г.
- This Land of Israel.** Translated by Elizabeth Reynolds Hapgood. The Macmillan Company, New York; Collier—Macmillan Ltd. London, 1967.

АНДРЕЙ СЕДЫХ

ИЕРУСАЛИМ,

ИМЯ

РАДОСТНОЕ

1971 5/21/71

Оформление обложки — Маргарита Гарвина
Рисунок на внутренней обложке — Igal Geuga
Карта Синайской кампании — Нонна Белавина

Copyright 1969 by ANDREI SEDYCH

**...И будет для Меня Иерусалим радостным именем,
похвалою и честью перед всеми народами земли.**

**Пророк Иеремия
Гл. 33, 9**

**Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем,
все любящие его! Возрадуйтесь с ним радостью,
все сетовавшие о нем.**

**Пророк Исайя
Гл. 66, 10**

**Ибо от Сиона выйдет Закон, и слово Господне —
из Иерусалима.**

**Пророк Исайя
Гл. 2, 3**

ОТ АВТОРА

Все книги, посвященные Израилю, страдают одним существенным недостатком: они стареют в самый день своего выхода в свет. Положение на Ближнем Востоке меняется непрерывно, изо дня в день. То, что соответствовало действительности вчера, сегодня может быть опровергнуто событиями.

«Земля Обетованная» была опубликована в 1966 году. Я не предполагал, что через год будет Шестидневная война, в результате которой изменится весь облик Израиля, расширятся его границы, что рухнет стена, делившая Иерусалим на две части, и он снова станет единым городом. И никому не могло прийти в голову, что неслыханная военная победа не принесет еврейскому государству желанного мира.

Настоящая книга описывает Израиль после войны 67 года. Это не тот самый Израиль, каким он был до победы. Страна показалась мне более уверенной в своих силах, но и более озабоченной, готовой к новым жертвам и новым испытаниям. И на границах Израиля снова гремели орудия, как первые раскаты грома быстро приближающейся грозы.

По мере возможности, я пытался избегать повторов. Фактически эта книга — второй том «Земли Обетованной», продолжение необыкновенной истории, которая никогда не будет написана до конца.

Книга, предложенная вниманию читателя, преследовала тройную цель: описать паломничество по Святым Местам, которые раньше находились под контролем Иордании и были мне недоступны; кратко рассказать о военных действиях в июне 67 года, которые привели к победе без мира. И, наконец, дать обзор бесчисленных проблем, стоящих сейчас перед Израилем.

Но основная тема книги это — Иерусалим, вечный источник радости и стенаний. Ничто в мире не волнует так души человеческие, как вид древних стен Вечного Города... Иерусалим потрясает. У Дамасских ворот, перед тем, как войти в Старый город, я вспомнил слова, обращенные некогда Господом к пророку Иеремии:

— И будет для Меня Иерусалим радостным именем.

Иерусалиму радости, любви и всепрощения, городу вечного вдохновения, посвящается эта книга.

Нью Йорк
Январь 1969 г.

СТЕНА ПЛАЧА

ЭТО КАЗАЛОСЬ недостижимым: три года назад мы стояли на вершине Сионской горы и смотрели на старый Иерусалим, отрезанный от нас проволочными ограждениями и высокими стенами. В лучах заходящего солнца сиял золотой купол мечети Омара, построенной на месте разрушенного храма Соломона. Где то там, рядом с мечетью, невидимая для наших глаз была Стена Плача, величайшая святыня еврейского народа, и к ней не было доступа. И дальше шло нагромождение церковных куполов, минаретов, каких то зданий из желтого и розового иерусалимского камня. Все это было близко, рядом, почти физически осязаемо, и все это было для нас недоступно.

А теперь мой друг, израильский художник Игал Гейра, спокойно подъехал к Яффским воротам, и минутой спустя мы были уже внутри крепости, в Старом Городе. Никто не остановил нас, — границы больше не было. Машина осторожно продвигалась вперед, вдоль древних стен, воздвигнутых в шестнадцатом столетии султаном Сулейманом Великолепным. Вокруг была толпа, — шумный, певучий, гортанный Восток. Торговцы холодной водой позванивали в колокольчики, продавцы сладостей и открыток с видами Иеруса-

лима осаждали туристов. Проходили седобородые хаджи в белых чалмах. Спокойно и грациозно арабские женщины несли на головах корзины с базарной снедью. Их обгоняли евреи в черных кафтанах, в широкополых шляпах, бородатые хасиды, с закрученными пейсами, шедшие к Стене Плача. Они очень торопились, спотыкались на придорожных камнях, подпрыгивали, временами казалось, что они летели по воздуху, как шагаловские евреи, движимые какой-то неведомой силой.

Мы ехали недолго, всего несколько минут. Дальше надо было идти пешком, — начиналась гора Мориа, в центре которой высится мечеть Омара. Спутник наш показывал дорогу. Мы свернули на площадь, над которой ветер поднимал облака желтой пыли, и вдруг увидели перед собой высокую Стену, сложенную из громадных серых и желтых камней. В расщелинах, между каменными глыбами, каким то чудом рос кустарник, пучки сухих трав. У подножья Стены молились люди.

Вероятно, никаких специальных эмоций у христиан или у магометан Стена Плача не вызывает. Для христиан и мусульман это только историческая реликвия, чудом сохранившаяся с библейских времен. 48 метров в длину, 18 метров в высоту. 24 ряда камней ничем между собой не скрепленных, выдержавших испытание тысячелетий... Пять нижних рядов, и еще 19 рядов, скрытых под землей — это остатки первого храма Соломона. Израильские археологи сейчас ведут здесь раскопки... Для иноверцев это просто история. Точно так и евреи входят в мечеть Омара без особого волнения, с чувством уважения к чужой святыне, к ко-

торому примешивается известное любопытство. Но для евреев Стена Плача — это символ всей еврейской истории, — последние уцелевшие камни внешней стены храма Соломона, в скинии которой хранились скрижали Завета Моисея. Прошли тысячелетия, бесчисленные поколения «приобщились к роду отцов своих», но для евреев 12 колен Израилевых, рассеянных по всему свету, эта намоленная стена, источенная от прикосновения рук верующих, является символом единства еврейского народа, его истории, преемственности поколений. И ни один еврей не подойдет к Стене, не почувствовав комок в горле, и не мало людей, по существу далеких от религии, украдкой смахивают непонятно почему набежавшую слезу.

Как молились евреи у Стены Плача! Чернобородый человек в талесе, с тфилином*) на лбу, высоко над головой поднял развернутый свиток Торы. Он читал нараспев, как читают молитвы еврей-сефарды, и стоявшие вокруг вторили за ним слова молитвы, раскачиваясь всем телом. Глаза их были устремлены куда то в пространство, выше Стены, туда, где высилась когда то Святая Святых... В стороне увидел я трех солдат-парашютистов. За спинами их висели автоматы, с которыми они никогда не расстанутся, — ни в лагере, ни на прогулке, и эти трое, запыленные, загорелые, молились громко, били себя в грудь и плакали. И дальше, прижавшись всем телом к Стене, словно желая слиться с ней, войти в этот теплый камень, молились до само-

*) Тфилин, или филактерии, — кубики, покрытые черной кожей, которые верующие евреи надевают на голову и на руку во время утренней молитвы. В филактериях защиты части Пятикнижия.

забвения хасиды, и рядом с ними были иемениты с пергаментными, темными лицами, и алжирские, и бухарские евреи... За деревянной перегородкой, с правой стороны, отдельно, молились женщины. Жена позже мне рассказала: две девочки-иеменитки, лет восьмидесяти, стояли у стены с молитвенниками в руках и, подражая старухам, также били себя в детскую грудь и целовали древние камни.

В день разрушения Храма, в Девятый день месяца Ав, трагический в истории еврейского народа, плач и стенания стоят над этой толпой, читающей ламентацию:

Ради чертогов покинутых

Одиноко мы сидим и плачем.

Ради Храма разрушенного

Одиноко мы сидим и плачем.

Ради стен поверженных

Одиноко мы сидим и плачем.

Ради былой славы

Одиноко мы сидим и плачем.

Ради погибших наших мудрецов

Одиноко мы сидим и плачем.

Ради наших павших священнослужителей

Одиноко мы сидим и плачем.

Молим Тебя — умилосердствуй над Сионом

Собери чад Иерусалимских!

Поспеши! Поспеши, Искупитель Сиона

Замолви слово о Иерусалиме.

Да воцарится красота и величие Сиона.

Обратись милостью Твоей к Иерусалиму,

Верни Сиону царское его величие

Утешь плачущих об Иерусалиме.
Да будет мир и радость в Сионе
Да будет скипетр Твой направлен к Иерусалиму!

Есть древняя легенда: в канун Девятого дня месяца Ав, в глухую полночь, белый голубь спускается с небес и садится на Западную Стену, у подножья которой еврейский народ молится и оплакивает свою судьбу... Здесь не только молятся. Многие вкладывают в расщелины Стены записочки со своими пожеланиями — таков старинный обычай и, повинувшись этому обычаю, министр обороны Даян в день победы вложил в Стену свою записочку, на которой написал: «Да будет мир для Израиля!».

...Было жарко и ветренно. Чтение Торы кончилось. Чернобородый человек теперь громко повторял слова Кадыша, молитвы о мертвых:

— Исгадад, в'искадаш шмэ рабо...

**
*

Атака на Старый Город началась в понедельник 5 июня 1967 года, в 10 часов 15 минут утра. Иорданская артиллерия открыла ураганный огонь по израильским кварталам, вызвав многочисленные пожары. Население укрылось в бомбоубежищах. По пустынным улицам, среди горящих зданий, подтягивались на подступах к Старому Городу танковые соединения и батальоны парашютистов, которыми командовал полковник Мордехай Гур.

Задача была не из легких. Арабскую часть Иерусалима оборонял Иорданский Легион, укомплектованный из отборных профессиональных солдат, не боявшихся смерти. Легионеры были прекрасно вооружены

и буквально каждый дом в Старом Городе превратили в крепость. Задача осложнялась еще тем, что израильское командование не могло пустить в ход артиллерию, чтобы не повредить христианские и мусульманские святыни, — не мало парашютистов заплатили за это своей жизнью. В ночь с понедельника на вторник парашютисты атаковали и взяли полицейскую школу, потеряв в деле 40 человек. 106 арабских легионеров были при этом убиты. После полуночи командир центрального фронта ген. Юзи Наркисс разрешил полк. Гур с утра начать наступление на Старый Город. В первую очередь нужно было занять высоты над Иерусалимом.

Бой на подступах к Старому Городу продолжался два дня. 6 июня парашютисты уже были у Дамасских Ворот и около музея Рокфеллера, где легионеры оказывали упорное сопротивление. Вся дорога перед музеем была усеяна телами легионеров и израильских парашютистов. Бой продолжался даже внутри музея, солдаты бросали друг в друга гранаты и стреляли в упор. Выставочные залы были наполнены дымом. На полу, в осколках стекла из выбитых окон, корчились и стонали раненые... В первом зале музея лежала раскрытая книга почетных посетителей, в которой туристы расписывались на всех языках мира. Ворвавшиеся в зал парашютисты остановились у книги. И все, один за другим, расписались на иврите, открыв новую, свежую страницу. А затем, подхватив автоматы, двинулись очищать верхние этажи музея, откуда еще продолжали стрелять легионеры.

Наступила ночь. Гора Скопус, где расположены старый госпиталь Хадассы и первый Иерусалимский

университет, была уже в безопасности, — попытка иорданского командования захватить Скопус, все время остававшийся в израильских руках, не удалась. Темное иерусалимское небо было освещено заревом пожаров. Время от времени стучали пулеметы, с тонким свистом пролетали шальные пули. Наконец, наступило третье, историческое утро битвы за Иерусалим. В девятом часу утра «Мота» Гур отдал по радио приказ батальонам парашютистов, на которых была возложена честь взять Старый Город:

— Командирам всех частей. Мы идем на Старый Город, на гору Храма, к Стене Плача. Тысячи лет еврейский народ ждал этого момента. Израиль ждет нашей победы. Желаю всем удачи!

Мордехай Гур с несколькими офицерами сел в броневик и полным ходом, не обращая внимания на огонь легионеров, помчался к Львиным Воротам (св. Стефана). Броневик обогнул горевшую на дороге машину и врезался в чугунную решетку ворот, сорвав ее с петель.

Позже полковник Гур рассказывал:

— Мы подъехали ко вторым воротам. Посреди дороги стояла мотоциклетка. Мы были уверены, что под ней заложена мина. Я взглянул на моего шоффера, — это был замечательный человек, его звали Бен Цуран. Он посмотрел на меня и тогда я сказал: «Есть там мина, или нет, Бен Цур, — вперед!» Он пустил машину и отбросил мотоцикл в сторону. К нашему величайшему изумлению, дорога не была минирована.

Еще несколько десятков метров, и броневик застыл у входа в узкую, извилистую улочку. Гур взгля-

нул на эмалевую дощечку на угловом доме. На ней было написано по арабски и по английски:

— Виа Долороза. Скорбный Путь.

В конце Скорбного Пути была Голгофа и Храм Гроба Господня. Но Гур и бежавшие за ним парашютисты свернули влево и очутились на громадной площади, посреди которой высилась мечеть Омара.

Стрельба внезапно прекратилась. Парашютисты шли вперед, как во сне. Араб в белом халате показывал им дорогу. Группа арабских легионеров вышла из углового дома, подняв руки над головами. На них никто не обратил внимания. И вдруг один из парашютистов крикнул:

— Стена! Я вижу Стену Плача!

Высокая Стена из серых и бурых камней возвышалась перед солдатами. Одни подходили к Стене и целовали ее; другие опускались на колени, молились и плакали о товарищах, оставшихся лежать в придорожной пыли, на подступах к Старому Городу... И пока они молились, со Стены раздался одинокий выстрел легионера, и один солдат, читавший молитву, упал у Стены, широко раскрыв руки, уставившись в небо неподвижным, стеклянным взглядом... В день 20-летия Израильской Независимости, в доме мэра Иерусалима Тэдди Коллека, я встретил молодую женщину. Она сказала мне, что солдат, убитый у Стены, был ее братом.

На Стене уже развевался бело-голубой флаг со щитом Давида. Прошло еще несколько минут, и подошел главный раввин израильской армии, бригадный генерал Шломо Горен, — коренастый бородатый человек. Он вошел в Старый Город с первой волной атакующих солдат, не обращая внимания на огонь. К гру-

ди раввин прижимал свитки Торы. Подойдя к Стене, Шломо Горен сказал благодарственную молитву:

— Благословен Господь Бог наш, Владыка вселенной, который сохранил нам жизнь и поддержал нас и дал нам сегодняшней день.

Шломо Горен достал рог «Шойфер», в который трубят с синагогального амвона, возвещая наступление Нового Года или исторического события.

И у Стены Плача, снова возвращенной еврейскому народу, раздался прерывающийся, неровный, ликующий трубный звук.

Было 10 часов утра 7 июня 1967 года.

**
*

Позже писатель Эли Визел говорил об этом дне с полковником Гур:

— Скажите мне правду, вы тоже плакали?

— У Стены? Нет.

— Каким образом?

— Не знаю. Может быть потому, что я немного опоздал, пришел позже. Бой продолжался и у меня не было на это времени.

— Но вы первый поднялись на вершину Холма Храма?

— Совершенно верно.

— Вы были взволнованы?

— Как вы думаете?

— Вы плакали?

— Нет, не плакал.

— Почему?

— Не знаю. Я не люблю слез.

— Вы чувствовали слезы?

— Конечно. Как все. Но я не плакал.

— Что же вы чувствовали?

— Не думаю, чтобы я мог выразить это словами... Это было очень глубокое чувство.

— О чем вы думали?

— О мечте.

— О вашей мечте?

— О мечте. О давней и постоянной мечте...

Больше не было нужды спрашивать. Легко понять, о чем он говорил. Какой еврейский солдат не мечтал о дне, когда будет завоевана столица его народа».*)

В день взятия Иерусалима премьер-министр Эшкол торжественно гарантировал представителям иерусалимского духовенства абсолютную охрану Святых Мест и полную религиозную свободу для христиан и мусульман в объединенном Иерусалиме.

Я вспомнил об этом, осматривая развалины еврейского квартала. В Старом Городе с незапамятных времен было много синагог. Все они, без исключения, были арабами уничтожены. В 1948 году плохо вооруженные израэли не смогли удержать этот квартал в своих руках. Две недели горсточка его защитников оказывала Арабскому Легиону отчаянное сопротивление. Когда не осталось ни одной гранаты, когда не было больше пулеметных лент, 345 еврейских защитников Старого Города, оставшиеся в живых, вынуждены были капитулировать. По договору о перемирии иорданское правительство обязалось обеспечить евреям свободный доступ к Стене Плача. Никогда этот пункт дого-

*) Эли Визел «Мечта полковника Гур», «Едиот Ахронот», 14. 7-67.

вора не был выполнен. До 7 июня 1967 года ни один еврей не мог совершить молитвы у своей святыни.

Мало того: арабы принялись за систематическое разрушение синагог в Старом Городе. Была здесь древняя синагога Рамбана, построенная в 1267 году великим раввином и каббалистом на месте древнего храма. Камня на камне не оставили от этой синагоги арабы. Разрушили они Талмудическую Академию Этц Хаим (Древо Жизни) и синагогу Хурва, построенную еще в тринадцатом веке. Была здесь синагога Иоханаана Бен Цаккай, и существует легенда, что рабби Иоханаан молился в ней, когда римляне заняли Иерусалим.

Что осталось теперь от этого храма? Груда камней, прах, запустение... Многие из этих исторических синагог будут со временем восстановлены. Не помышляют евреи только о восстановлении храма Соломона. Ибо сказано в священных книгах, что время для сооружения третьего храма будет выбрано самим Господом Богом. Время это наступит, когда на землю придет Мессия.

Ненависть арабов пошла дальше разрушения древних синагог — было осквернено старейшее еврейское кладбище на Елеонской горе. Испокон веков евреи хоронили своих мертвецов на склонах иерусалимских холмов, у самой Иосафатовой долины, где будет происходить Страшный Суд.

...И стертые бесчисленные плиты
Безумных мертвецов Иосафата.

Это написал друг мой, покойный поэт Довид Кнут, душа которого тоже где-то здесь, среди мертвецов Иосафата. Вот она, Иосафатова долина, между

Сионской Горой и Мориа, голое, обездоленное место, камень и песок, и вот слово Господне пророку Иоилу: «Я соберу все народы и приведу их в долину Иосафата и там произведу над ними суд за народ Мой и за наследие Мое, Израиля, который они рассеяли между народами и землю Мою разделили... Пусть воспрянут народы и низойдут в долину Иосафата; ибо там Я воссяду, чтобы судить все народы».

Пятьдесят тысяч могил, в которых ждут мертвецы суда в Иосафатовой долине, были осквернены арабами. Не постеснялись они снять мраморные плиты с надгробий, чтобы сделать из них латрины в казармах Арабского Легиона... В двух шагах от разоренного древнего еврейского кладбища на Масличной Горе помещалась штаб-квартира представителя Объединенных Наций. Но никто из тех, кто протестуют теперь против «оккупации» Иерусалима и кто так озабочены судьбой «Святых мест» не подумали заявить протест, когда арабы разрушали еврейские святыни и сооружали уборные из еврейских надгробных плит!

Нет ничего в мире печальнее еврейских ортодоксальных кладбищ. Так почему то повелось с древних времен: никогда не садят евреи на своих кладбищах ни деревьев, ни кустов, ни цветов. Если придет человек помолиться на родную могилу, оставляет он на плите камешек, — цветов возлагать не полагается. Постепенно стираются надписи, врастают в землю надгробия, спускаются по склонам горы опаленные солнцем и размытые дождями плиты. И такие же печальные кладбища у арабов, — тоже ни кустика, ни деревца, — никаких орнаментов перед лицом смерти. И евреи и мусульмане одинаково почитают своих мертвецов, — но

это не помешало иерусалимским арабам осквернить старые еврейские кладбища.

Вот почему позиция израильского правительства, охраняющего Святые Места, доступ в которые действительно для всех открыт, приобретает особое значение.

— Мы слишком долго были жертвами религиозной нетерпимости, — говорили мне израэли, — чтобы применять ее к другим религиям.

В Иерусалиме я побывал в двух православных монастырях — на Елеонской горе и в Гефсиманской обители, что у храма св. Марии Магдалины. Об этих обителях речь будет в следующих главах. Сейчас я хотел только привести часть разговора с игуменьей, матушкой Тамарой, и с монастырскими сестрами. Я спросил, не притесняют ли их израильские власти, не чинят ли затруднений? Вопрос вызвал удивление.

— Какие же затруднения? — спросила игуменья Елеонского монастыря. — Наоборот, нам всячески власти помогают. И легче — объясняемся теперь по русски... Живем мы по нашему уставу, соблюдаем все службы и за все благодарим Господа. Никаких обид мы не терпим!

Но визит в православные монастыри и этот разговор, все это было позже. А пока я еще раз взглянул на уничтоженный еврейский квартал и медленно направился в сторону Скорбного Пути и величайшей христианской святыни — древнего Храма Гроба Господня.

МЕСТО, НАЗЫВАЕМОЕ ЛОБНОЕ

Каждую пятницу, в 3 часа дня, по Скорбному Пути в Иерусалиме движется процессия католического духовенства, направляющаяся к храму Гроба Господня.

Путь, по которому римские легионеры вели Христа «на место, называемое Лобное», это длинная, узкая улочка в Старом Городе, вдоль которой расположился арабский базар. По обеим сторонам лавки торгуют дешевыми колониальными товарами, яркими тканями, медной посудой, восточными сладостями. Но каждом шагу в окнах выставлены четки, крестики, лампы, фотографии Гроба Господня и Святых Мест. В полдень на «Виа Долороза» страшная давка. Всюду арабы в белых головных уборах-кефиях. Снуют вдоль улицы кафеджи, разнося на медных подносах крошечные чашечки черного кофе и стаканы холодной воды. Осторожно ступают по стертым плитам мостовой ослики, нагруженные тяжелой кладью. На улице шум, острые восточные запахи, из радиоприемников несется заунывная арабская музыка, выматывающая душу. И все время проходят группы туристов с гидами.

— Первая «станция» на Виа Долороза, - - объявляет гид, показывая мраморную дощечку на облупленной стене дома. — Отсюда, с этого места, начался Крестный путь Христа...

Туристы фотографируют мраморную дощечку, над

которой свешивается из окон арабского дома мокрое белье... Думаю, больно сжимается сердце у верующего паломника при виде первой запущенной «станции» и всего этого шумного базара вокруг, так невяжущегося с какими бы то ни было религиозными переживаниями.

У ворот св. Стефана, «где Стефана первомученика камением побиша», к нам пристал мальчик-араб лет тринадцати. Он предлагал показать все «станции» Крестного Пути и довести нас до Гроба Господня. Мы согласились, сделали вместе с нашим юным гидом всего несколько десятков шагов и подошли к первому историческому месту — крепости Антония, углового строения римской Претории, где Пилат допрашивал Христа и откуда прокуратор отправил Его на казнь.

Антония, названная Иродом в честь императора Марка Антония, превращена теперь в монастырь «Сионских Сестер». У входа в обитель дежурили несколько профессиональных гидов с бляхами. Увидев сопровождавшего нас мальчика, гиды пришли в ярость, начали гнать его и объяснили, что настоящие гиды сдают экзамены, получают специальное разрешение, — это особая корпорация. К тому же, уличного мальчика с нами никуда не впустят и т.д. Дальнейшего диалога между сторонами мы, к счастью, не поняли: перебранка шла на арабском языке. Гиды были правы, но мальчонок рассвирепел, ринулся на них с кулаками. Началась драка... Чтобы успокоить страсти, я предложил мальчику в виде «отступных» один фунт. Всклипывая, он взял бумажку и ушел восвояси, все еще отругиваясь и вытирая слезы... Вся эта история очень нас огорчила.

Новый гид, принявший нашу группу под свое покровительство, был красивый молодой человек. По-английски он говорил превосходно. Где он научился языку?

— В университете Рочестера, — ответил гид. — Я окончил колледж в США и вернулся домой перед самой войной.

Почему же из всех возможных профессий, имея диплом американского колледжа, он выбрал профессию гида?

— Я хотел поступить на правительственную службу, — ответил молодой человек. — Но теперь наше правительство в Аммане, а здесь для меня нет подходящей работы. К тому же профессия гида довольно приятная и зарабатываю я лучше любого чиновника.

Внутри Антонии встретила нас молодая монашенка-австралийка, которая очень подробно и интересно объяснила значение крепости во времена римского владычества. Башни Антонии были тогда частью укрепленных городских стен Иерусалима. Сюда привели Христа, здесь провел Он несколько часов в темнице, ожидая суда Пилата. Тут же содержались Варавва и его разбойники...

Антония за два тысячелетия перестраивалась много раз. Внутренний двор Претории был в те времена расположен много ниже нынешнего уровня реставрированного здания. Двор этот, мощеный грубыми каменными плитами, так называемый Лифостротон, был когда-то устроен под открытым небом. Здесь обычно солдаты проводили свободное время, отдыхали, играли в кости. Потом Лифостротон был засыпан, а когда археологи его обнаружили, оказалось, что над ним возвели

своды, — бывший двор превратился в подвальное помещение. Но каменные плиты — римской эпохи, все те же, и видны еще насечки, сделанные для того, чтобы не скользили на них лошади.

При выходе из Претории расположена арка «Се, Человек!» По преданию у этой арки Пилат умыл руки и предал Христа распятию. Отсюда, от этой арки, начался Его скорбный путь... Трудно представить себе, как выглядела улица в те времена. Шла она вдоль крепостной стены. Вероятно, и тогда был здесь базар, потому что вокруг Претории всегда былолюдно. В те дни в Иерусалим съехалось множество народу и всюду сновали люди, готовившиеся к Пасхе.

Нынешний Скорбный Путь, по которому проходят паломники, только приблизительно соответствует начертанию пути во времена Христа. Камни дороги, по которой Он шел к Голгофе, находятся сейчас на глубине 20-30 футов ниже нынешнего уровня города. Ведь столько раз Иерусалим разрушали и восстанавливали потом на старых развалинах, и каждый раз город поднимался все выше и выше!

В этом очень легко убедиться, если побывать на раскопках, которые были произведены по соседству с Антонией и «Виа Долороза». Место это называется Вифезда и о нем повествуется в Евангелии от Иоанна. Была здесь «во время оно» купальня с целебной водой, поступавшей из соседнего водоема. У купальни вечно лежало великое множество больных, ждавших исцеления. Здесь и произошло чудо, о котором рассказывает евангелист Иоанн.

«Был праздник Иудейский и пришел Иисус в Иерусалим». В Вифезде, у купели, лежал человек, болев-

ший тридцать восемь лет. Увидев его Иисус приказал: «Встань, возьми постель твою и ходи. И он тотчас выздоровел, и взял постель свою и пошел. Было же это в день субботний».

Купальня, у которой в евангельские времена лежали прокаженные, слепые и калеки, расположена теперь на глубине нескольких десятков футов, а во времена римские она была на самом уровне улицы.

**
*

Тысячу двести шагов имеет Скорбный Путь. Тысячу двести шагов нужно было сделать от Претории до Судных Врат, за которыми возвышалась Голгофа, место Лобное.

Судными врата эти назывались потому, что тут происходил как бы последний эпизод судебного разбирательства. Ведомого на казнь останавливали у ворот перед тем, как он выходил за пределы города и здесь вторично читали ему смертный приговор. Но по римскому праву достаточно было какому-нибудь свободному человеку заявить: «Я считаю приговор неправильным, а осужденного невиновным!», как казнь немедленно приостанавливали и осужденного возвращали в тюрьму. «И вот, повествует в своей книге архиепископ Серафим чикагский, в толпе, сопровождавшей Христа на распятие, не нашлось ни единого смельчака, который бы решился воспользоваться этим правом апелляции. Ученики Христовы разбежались, а жены, следовавшие за своим Божественным Учителем, этого права не имели»^{*)}). Теперь на месте Судных Врат выстроен большой

^{*)} Епископ Серафим «Паломничество из Нью Йорка в Святую Землю». Стр. 74.

православный храм св. Благоверного князя Александра Невского. История построения этого храма и при нем подворья не совсем обычна. В цитируемой выше книге епископ Серафим рассказывает, что во второй половине 19 века русское правительство решило выстроить в Иерусалиме здание для своего консульства. В 1859 году за большие деньги был приобретен у коптов участок земли в непосредственной близости от Голгофы. Когда начали рыть землю для фундамента, сразу же наткнулись на интересные археологические памятники. Докопались до древней иерусалимской стены времен Христа. На глубине 30 футов были найдены остатки городских ворот с большим длинным камнем, потертым, лоснящимся и выбитым посередине, с ясными следами ямок для засова и петель для ворот. Все археологи признали этот камень подлинным камнем Судных Врат, через которые переступил Христос, выходя из Иерусалима на Голгофу.

Естественно, у русских появилось желание соорудить на этом месте храм. Великий кн. Сергей Александрович собрал на построение значительные суммы. С большим трудом, преодолевая препятствия, чинимые турками и даже греческим духовенством, церковь удалось построить и освятить.

Храм двусветный. Украшен он двадцатью полотнами академика Кошелева, на которых изображены все этапы Крестного Пути. За алтарем, на глубине 20 футов, находится порог Судных Врат и часть древней иерусалимской стены. При храме проживают несколько инокинь, ушедших из Горненского монастыря, когда израильское правительство передало обитель московской патриархии.

Паломник Антонин, побывавший в Иерусалиме в шестом веке, оставил описание Гроба Господня и Голгофы:

«Гробница Господня высечена из скалы; и самая рака, в которую положено тело Господа — также; камень, коим была закрыта гробница, лежит перед входом. А цвет камня, который высечен есть цвет Голгофской скалы... От гробницы до Голгофы 80 шагов».

Над местом этим, святым для всего христианского мира, уже в четвертом веке царица Елена воздвигла первый храм Вознесения. Голгофа и пещера Иосифа Аримафейского, где было похоронено Тело Христово, оказались внутри величественного храма. Из заброшенной цистерны, по соседству с Голгофой, добыла св. Елена Крест животворящий... А затем начались бедствия. Первоначальный храм был разрушен персидским царем Хозроем в 614 году. Дело разрушения закончили арабы в одиннадцатом столетии, — фанатик халиф Хаким приказал разбить стены храма и уничтожить пещеру Св. Гроба... Нынешнее здание храма Гроба Господня было воздвигнуто в начале 12 века крестоносцами. Но и на этом не кончились бедствия, — храм сгорел в 1808 году, его реставрировали множество раз, и все реставраторы вносили свое, — что-то меняли, пристраивали. И уже при англичанах, в 1927 году, случилось сильное землетрясение — своды храма и древние его стены могли рухнуть. Пришлось поставить вокруг уродливые леса, укреплять стены железными балками, — так все это и стоит до сегодняшнего дня.

С внешней стороны храм не поражает своим видом. Древний ветхий фасад весь в каменных заплатах. Из двух створчатых выходов один был наглухо заделан столетия назад. Со всех сторон храм оброс какими-то монастырскими пристройками, малыми церквами, — тут и церковь Сорока Мучеников, и храм Марии Магдалины, и абиссинская часовня... Но не внешней своей и архитектурной красотой велик храм Гроба Господня, через порог которого с трепетом и душевным волнением переступают бесчисленные поколения верующих.

Пройдя массивные ворота паломник оказывается в большом притворе и здесь, первое, что бросается в глаза, — это низкая, прямоугольная мраморная плита, окруженная паникадилами и освещенная низко свешивающимися лампадами. Это — камень Помазания. На него, по преданию, положили бездыханное Тело Христа, снятое с Креста. Никодим принес смирну и алой и тело, обвитое пеленами и помазанное благовониями, было отнесено в пустую гробницу Иосифа Аримафейского. Там оставили Его и вход в гробницу завалили камнем.

Подлинный камень Помазания скрыт под этой мраморной плитой. Такой же отшлифованный мрамор скрывает от глаз паломников и Голгофу. Все это здесь рядом, в том же храме, под одним куполом. Лобное место возвышалось всего на три метра над Долиной Мертвых. На нынешнюю Голгофу ведут две полукруглые лестницы по 17 ступеней, справа и слева от открытого престола.

Под престолом серебряный круг обрамляет отверстие, в которое был водружен Крест Христов, и многие паломники прикасаются к этому отверстию рукой.

Высокое Распятие воздвигнуто на Голгофе, а по бокам его два черных круга отмечают места, где стояли кресты разбойников. Света дневного здесь нет, царит полумрак, светят только лампы.

Я не заметил во время посещения, но после прочел в книге епископа Мефодия «Святая Земля», что над Распятием висит икона Спасителя в терновом венце, присланная в дар из России, с двумя славянскими надписями: «Аще веруеши узриши славу Божию» и «Веруем, Господи и благодарим Тя».

Голгофа, как я уже сказал, вся скрыта под мрамором. Но сбоку, из пристроенной к ней часовни Адама, можно видеть часть подлинной скалы и расщелины в ней, образовавшейся в шестом часу дня, когда сделалась тьма и «земля потряслась».

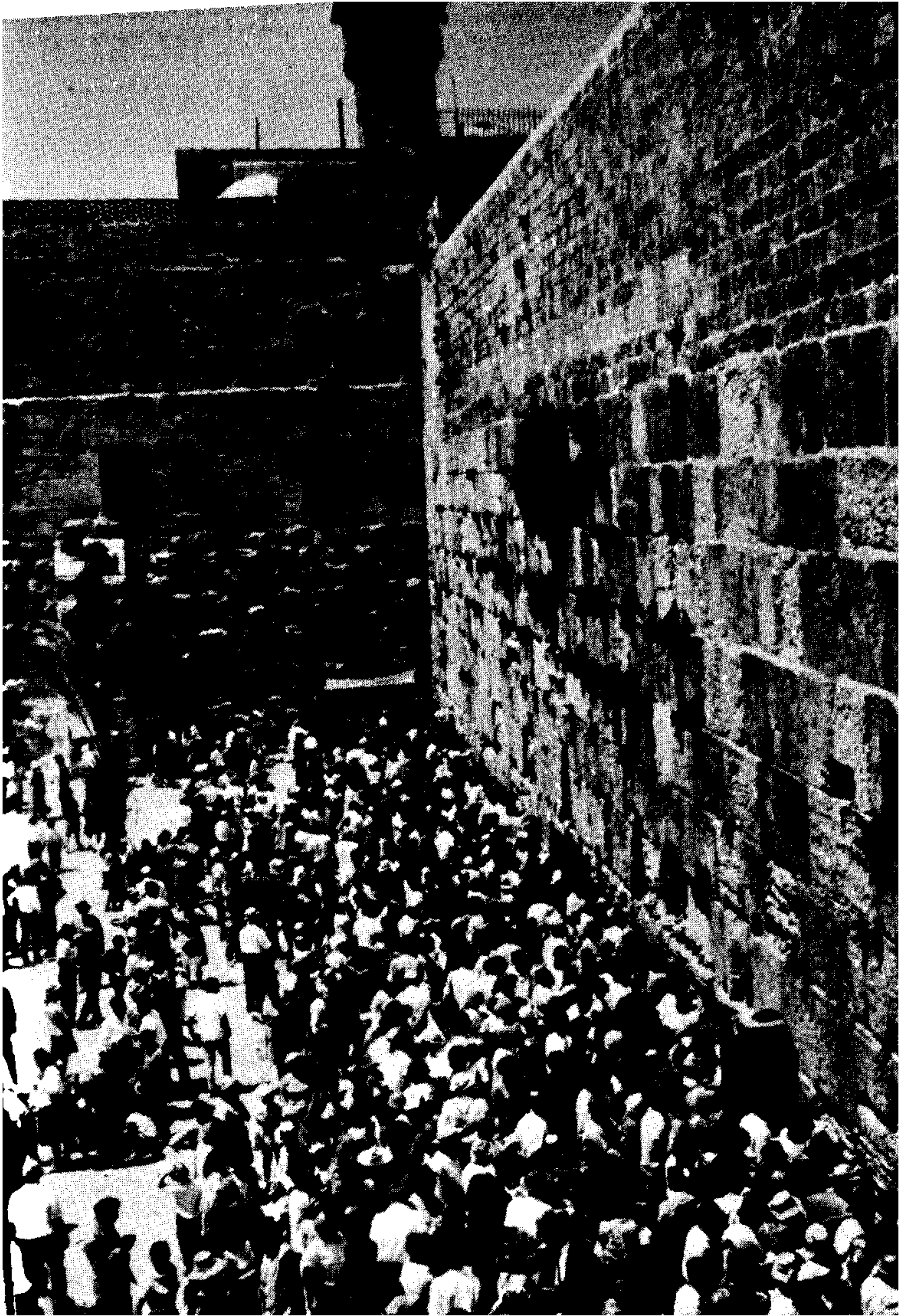

Оставалось посетить самый Гроб Господень, так называемую Кувуклию. В страшный пожар 1808 года Кувуклия почти целиком сгорела, но реставраторы использовали при восстановительных работах все старые камни пещеры. Кувуклия расположена в центре храма Воскресения, под самым куполом. Трудно описать вход в Кувуклию, и даже фотографии не помогают. Фасад высокий, из цветного мрамора, со скульптурными украшениями и иконами, весь в лампадах. Долго мы не могли войти внутрь, — у входа столнилась группа немецких паломников. Священник говорил проповедь, потом паломники входили медленно, и каждый молился у Гроба Господня, — больше трех человек не могут войти в пещеру одновременно... Наконец, насту-

пила и наша очередь. Сначала мы вошли в первую пещеру, так называемый придел Ангела. При свете лампад видна большая ваза, прикрытая каменной плитой. Считается, что плита эта — часть камня, отваленного от гроба Ангелом. Самый камень был арабами-завоевателями разбит на части и расхищен, сохранился только этот кусок. Ваза и камень служат престолом при архиерейском служении... И вот — узкий вход, и за ним гробница Христова — каменное ложе: два метра в длину, полтора в ширину. Есть еще сбоку узкое пространство для молящихся... Три литургии совершаются здесь каждые сутки и одна, православная, начинается в 12 часов ночи... На Страстной, в Великую Субботу, на Святой Гроб в Иерусалиме «сходит Небесный Огонь». Патриарх Иерусалимский зажигает у Гроба Господня от Огня Небесного свои 33 свечи и подает их в храм, переполненный молящимися. Это тот момент, когда во всех православных храмах мира раздается возглас «Христос Воскресе!»

Этот момент «схождения Небесного Огня» подробно описывали все русские паломники, побывавшие на Святой Земле в давние времена. Красочнее других описал его житель Казани Василий Гогара, побывавший в Иерусалиме в 1634 году. Храм Гроба Господня был тогда в руках турок, которые взимали с паломников особую плату за право помолиться у святыни. «В Великую Пятницу, писал Василий Гогара, к Вечерне собрались все в церковь во Святая Святых, и тамо нас в церкви замкнули и запечатали, а сами (турки) отошли по домам. И яко же отпеша Вечерню в Великую Пятницу, и поиде Митрополит к себе на упокой, где ему палата отстроена тамо же, во Святая Святых, а старцы

Греки и миряне и Арабы верные пойдоша на свое место, где им уготовано, а иные языцы во своем всяк пределу стояху. Ковры у них постланы, и ту почиваху до настоящего дня божественного пения. И овии плачут, овии радуются, а Турки окаянные пиют ходя табак, и с Арабки по Арабски скверню глаголюще женскому полу, хотяще с ними сквернодействовать. И яко же присне час божественного пения, и отпевше Утреннюю и Великие Недели Вечерню, и тако поиде Митрополит по прежнему к себе на упокой, и меня, грешного, к себе же взял. Греки и Арабы верные бегают во круг тоя великие церкви, тружуются и кличат: «Кирие, елейсон!» а по нашему: «Господи, помилуй!» и по то время бегают, покамест Митрополит придет в церковь Воскресения Христова. И после время, егда огонь сходит с небесе, и прииде Митрополит к часовне, где гроб Господень стоит, и ту стоя, молился Господу с десятого часа до первые на десять години. А абие гром бысть трижды, и по сем прилетят три голубя, сизы видением, и сядут на праге церковном. И как гром бысть на небеси, и вси языцы станут глаголати: «Агиос, агиос, агиос!» а по нашему «Свят, свят, свят, Господь Саваоф!». Турки ж окаянии Митрополита всего обыщут, чтоб с ним не было огня заводского, и огонь погасят во всех пределах, а в паникадилах такоже, и над Гробом Господним в паникадилах все шандалы погасят, и отнюдь в пределах огонь не бывает нигде до сошествия Небесного огня. Митрополит же моляся приидет в часовню, а с ним отнюдь никто не бывает, како действует; у дверей часовни стоит Старшина, дабы никто не приходил в часовни, докеле же Митрополит выйдет от гроба Господня. И яко же Божиим по-

велением загорится огонь небесный в лампаде, коя висит в маковице в часовни над гробом Господним, и Митрополит зажжет огня небесного многия свечи, и вшед станет на высоте месте, дабы люди не затеснили. И тако у Митрополита Священнический и Иноческий чин и все Православные Християне, всяк каждо своя свечи зажигают от огня небесного. Огонь же небесный багровен, а не как прочий огонь естествен от земного огня»^{*)}).

**
*

У Стены Плача я видел, как молились и плакали евреи. Здесь, у Гроба Господня, по лицам молившихся паломников тоже текли слезы благодарности и умиления. «Овии плачут, овии радуются»... Люди верят и молятся по разному и у каждого верующего есть в Иерусалиме свои святыни. Но всех людей, независимо от того, как они веруют, объединяет в святом городе чувство:

«Да молчит всяка плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничто же земное в себе да помышляет».

^{*)} «Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете», Москва, 1871 г. Книга Первая, стр. 75.

«И БУДУ РАДОВАТЬСЯ ОБ ИЕРУСАЛИМЕ»

Прошел год после Шестидневной войны. Все изменилось за это время в Израиле. Широко раздвинулись его границы, прибавился миллион арабского населения, возникли новые проблемы. И появился новый, объединенный Иерусалим.

В былые времена осмотр Израиля начинался с Тель Авива. Теперь приезжий стремится как можно скорей попасть в Иерусалим, увидеть все, что раньше было по другую сторону «Железного занавеса», посмотреть, как живут люди на арабской стороне. Побывать во Святых Местах в Старом Городе, съездить в «Вифлеем Иудейский», поглядеть на развалины Иерихона. Поклониться могилам патриархов в Хевроне... Езды от Тель Авива до Иерусалима всего полтора часа, теперь даже меньше, так как дорога стала короче.

Сильно разрослись за эти годы придорожные леса, спускающиеся с гор. Зазеленели каменные террасы новыми виноградниками и фруктовыми садами. Раньше не было в Израиле яблок — климат считался неподходящим, а в этом году яблок сколько угодно, в особенности в северной Галилее. Из года в год садят израэли миллионы саженцев. Воды теперь много, солнца еще больше, и все это тянется вверх, превращается

в апельсиновые рощи, фруктовые сады, в хвойные и лиственные леса.

В последний раз, когда я ехал по этой дороге, она была узкой, извилистой, местами вплотную подходила к иорданской границе. Теперь границы нет, она отодвинута далеко, но многое напоминает еще в этих местах о трех недавних арабско-израильских войнах, — три войны за последние двадцать лет! После арабского города Рамла, тонущего в зелени деревьев, вдруг по обеим сторонам дороги возникают громадные склады захваченного во время Шестидневной войны советского снаряжения. Рядами стоят грузовики, носящие клеймо советских заводов. Тысячи машин всевозможного назначения, для перевозки солдат, снарядов, артиллерии. Советское военное снаряжение, захваченное Израилем у Египта, Иордании и Сирии, оценивается в два миллиарда долларов. Очень многое из этого снаряжения уже использовано для нужд израильской армии, а грузовики, стоящие в этом гигантском гараже под открытым небом, между Тель Авивом и Иерусалимом, постепенно будут отремонтированы и также пущены в ход.

Другие машины лежат вдоль дороги, по склонам Иудейских гор. Это — старые заржавевшие броневики, на которых в 1948 году израэли пытались доставить продовольствие и военное снаряжение в осажденный арабами Иерусалим. Много машин тогда не добрались до цели, попали в засаду, были подбиты и сожжены арабскими легионерами. Так и оставили их вдоль дорог, как памятники, в назидание будущим поколениям: помните о тех, кто пали здесь, чтобы дать вам право свободно ехать по иерусалимской дороге!...

Приближалась двадцатая годовщина израильской Независимости, и каждая машина-памятник была покрыта бело-голубым флагом, и на каждой лежали венки и цветы.

До Шестидневной войны приходилось объезжать арабский Латрун. Дорога делала здесь широкую петлю, чтобы миновать вражескую территорию. В 1948 году в битве за Латрун polegло много бойцов Хаганы, но выбить Арабский легион из полицейской крепости не удалось, — не было артиллерии. Латрун остался на 19 лет у арабов, и прямая дорога на Иерусалим была перерезана. Это был тяжкий удар для израэли. Но теперь и Латрун, и все, что к северу от него, в израильских руках. Полицейская крепость на вершине холма стоит заброшенная, сильно поврежденная снарядами, больше никому ненужная. Рядом монастырь траппистов, в котором выделывают славное вино... Очень хотелось мне отведать монастырского вина, но я даже не заикнулся: в машине сидели три дамы, энергично ведущие борьбу с алкоголизмом. По печальному личному опыту я давно знал, что мои обаятельные спутницы из всех напитков в мире признают только горячий чай. От одной мысли о винных погребах с их прохладным полумраком, горло мое пересохло, но инстинкт самосохранения заставил промолчать и подчиниться своей горькой судьбе.

Страдать, впрочем, долго не пришлось: мы скоро въехали в Иерусалим.

**
*

Это были дни особенные, вся страна готовилась к празднованию двадцатилетия Независимости. Десят-

ки тысяч туристов прибыли в Израиль на праздник со всех концов света. Гостиницы и даже частные дома были переполнены. Нужна была исключительная настойчивость и не малые дипломатические способности наших друзей Анны и Меира Шерман, директора израильской нефтяной компании «Паз», чтобы раздобыть для нас на три дня комнаты в иерусалимском отеле. Но комнаты были не в израильской, а в арабской части города или, как тут принято говорить, в Восточном Иерусалиме.

«Национал Палас Отель» стоит неподалеку от стен Старого Города. Гостиница чистая, немного старомодная, — позже выяснилось, что она имеет одно огромное преимущество перед другими иерусалимскими жителями: нигде в Израиле я не ел такого вкусного шашлыка из молодого барашка, как в ресторане «Национал Паласа». Дирекция арабская, все служащие — арабы. Один из них подхватил чемодан, внес в нашу комнату. Получив на чай фунтовую бумажку (30 американских центов) портье вытянулся в струнку и, как в добрые старые времена английского мандата, сказал:

— Thank you, Colonel!

После чего он добродушно улыбнулся, неожиданно крепко пожал руку «полковника» и добавил совсем другим тоном:

— Шалом! Май фрэнд!

Первый контакт был дружеский. Потом, в продолжение трех дней, я никак не мог прийти в себя от удивления: арабы были вежливы, часто дружелюбны. Имел я дело с простым народом, — шоферами такси, служащими в ресторанах, продавцами в магазинах. Неко-

торые из них были сдержаны, но большинство — приветливы и общительны. Где же пресловутая ненависть к евреям?

— Это — чисто коммерческая приветливость, объяснил позже член Верховного Суда Моше Ландау, которому я задал этот вопрос. — Арабы не отличаются искренностью и, конечно, никакой особой симпатии к евреям питать не могут.

Другие израэли, которым я задал тот же вопрос, шли гораздо дальше.

— Арабам нельзя верить. При первом же удобном случае они всадят вам нож в спину!

Но в арабской толпе, на базарах, в узких улочках Старого Города, мы не испытывали никакого чувства страха, и никто не всадил нам ножа в спину. С того дня, когда обе части Иерусалима воссоединились, рухнула стена, разделявшая город и исчезли проволочные ограждения, началось «братание» арабов и израэли. Арабы были убеждены, что израэли их вырежут, — точно так, как сами они, без малейшего колебания, в случае своей победы, вырезали бы поголовно все население Израиля. Евреи, однако, никого не резали. Арабам была предоставлена полная возможность жить так, как они жили до сих пор. Убедившись, что арабы «отвоевались», израэли оставили их в покое.

Вспоминаю несколько разговоров в Иерусалиме.

Мы пили кофе на террасе отеля. Над головой со звоном и свистом пролетали эскадрильи турбинных самолетов — шла репетиция парада Дня Независимости.

Служащий в белом кителе поставил перед нами чашечки и что то спросил по-арабски у художника

Игала Гейра, — друг наш родился в Иерусалиме и знает арабский язык. Завязался разговор с отчаянной жестикуляцией. Под конец оба улыбнулись и человек в белом кителе ушел, видимо чем то очень довольный.

— Он спросил: почему летают самолеты? — сказал Гейра. — Это репетиция парада.

— Сегодня репетиция, а завтра они смогут бросать в нас бомбы, — сказал араб.

— Нет, израильские летчики никогда не бомбардировали Иерусалим. Если Насер и Хусейн захотят, завтра будет заключен мир, и никакие самолеты летать над Иерусалимом не будут.

Араб остался очень доволен, выразительным восточным жестом потер два указательных пальца один о другой и сказал:

— Евреи и арабы должны жить, как братья!

И Гейра, закончив разговор, тоже сделал выразительный жест, подняв ладонь правой руки кверху и сказал:

— Аллавай!

Что в общем означает: дай Бог!

В тот же вечер случилось непредвиденное приключение. Внезапно во всем арабском городе погасло электричество. Наступила крошечная тьма, — так темно в этих местах было, вероятно, только до создания Вселенной. В отеле свечей не оказалось. Никто не мог толком объяснить, что произошло. День этот вообще был тревожный. Мировая печать передавала слухи о готовящихся в Иерусалиме во время парада террористических актах. И, глядя на город, погруженный во мрак, я решил, что террористические акты уже начались. По всей вероятности «Эль Фатах» взорвали электри-

ческую станцию, чтобы испортить израильский праздник... В Тель Авиве у Шерманов ничего о взрыве на станции не слышали. Несколько минут спустя в отель позвонил судья Ландау и любезно предложил нам прислать свечи. От него мы узнали, что город в этот вечер был сильно иллюминирован. Электрическая станция не выдержала нагрузки, и свет погас. Через два часа все было исправлено, электричество зажглось, и вся тревога рассеялась. В десятом часу вечера мы поехали в такси в отель «Кинг Дэйвид», на свидание с друзьями. Шофер попался разговорчивый. Я спросил, что именно произошло с электричеством?

— Это у нас иногда случается, — сказал араб. — Город потребляет слишком много энергии. А что вы думали?

— Может быть — саботаж?

— Какой саботаж? Для чего саботаж?! Мы, арабы, должны теперь жить с евреями в мире. В Иерусалиме никто не саботирует. У меня семья, пять душ детей. Все, что я хочу, это заработать достаточно, чтобы дети мои не были голодными... А политикой пусть занимаются другие!

Коммерческая вежливость? Не знаю. Было в тоне этого человека нечто, заставлявшее ему верить.

**
*

Чтобы попасть на парад надо было выехать чуть ли не за три часа до его начала, так как все дороги были запружены тысячами автомобилей... Из за этого праздника поднялась буря: по почину арабских деле-

гатов Совет Безопасности принял резолюцию, настойчиво предлагая Израилю отказаться от парада в Иерусалиме. По правде говоря, до этой резолюции далеко не все израэли, включая начальника генерального штаба генерал Хаима Бар-Лев, одобряли идею парада.

— Многие считали, — сказал мне редактор израильской газеты «Маарив» Арие Дисенчик, — что армия, которая выиграла войну в шесть дней, не должна больше доказывать арабам свою боеспособность. Но когда в дело вмешался Совет Безопасности и У Тан, симпатии которого всецело на стороне арабов, израильское общественное мнение возмутилось. Иерусалим — историческая столица Израиля и нечего ООН вмешиваться в наши внутренние дела. Иерусалим никогда не будет отдан арабам. Все, что касается Иерусалима — наше внутреннее дело. С момента, когда извне попытались помешать устроить парад, для израильских граждан не было больше никакого сомнения: устроить его необходимо.

Парад начался на плацу, к северу от города. День выдался жаркий, сухой. На фоне синего неба развевались бесчисленные бело-голубые флаги. Не буду описывать этот праздник, в свое время все это было в газетах. Скажу лишь, что любая держава могла бы гордиться такой армией, ее духом, выправкой, боевым видом. Триста самолетов пролетели над трибунами в безукоризненных формациях. Высоко в небе плыл щит Давида из 36 истребителей, за ним неслись эскадрильи «Миражей», «Ураганы», «Мистеры». Как крошечная страна могла вытренировать таких великолепных летчиков? Это были те самые летчики которые в шестидневную войну в несколько часов уничтожили египет-

скую, сирийскую и иорданскую авиацию.

Самый большой успех выпал на долю самолета с красными крыльями, который пролетел отдельно, совсем низко над трибунами, и потом ракетой взвился в небо. Это был советский «МИГ-21», который два года назад посадил на израильском аэродроме летчик-дезертир из Ирака. Да что — МИГ! В параде была специальная колонна, составленная исключительно из советских танков Т-55, мастодонтов Сталин-3, из советских ракет, захваченных на египетском фронте, из легендарных «Катюш» и тяжелой артиллерии. Все это снаряжение, доставленное из Советского Союза, стало военной добычей Израиля.

Генерал Хаим Герцог, бывший первым военным комендантом всего оккупированного Западного побережья Иордана с его миллионным арабским населением, рассказывал мне в Тель Авиве, что египтяне бежали, не успев даже снять чехлов с новых орудий. Некоторые советские танки не сделали ни одного выстрела! Плохих союзников выбрали себе правители СССР, зря потратили они миллиарды народных денег на снаряжение, с которым египтяне не умели даже обращаться...

— Дать арабским солдатам ракетное и усовершенствованное современное оружие, — говорят в Тель Авиве, — это все равно, что подарить неграмотному дикарю золотое самопишущее перо.

Полки за полками проходили перед трибунами — рослые, здоровые, спортивные солдаты и солдатки, духовные наследники Иисуса, сына Навина, «человека, в котором есть Дух». И среди всего царившего вокруг ликования я думал, как несправедлива судьба Израиля: сколько сил и энергии тратит эта страна только для

того, чтобы обеспечить свое физическое право на существование! Когда наступит время для мирного сожительства арабов и евреев? И как много израэли могли бы дать этой высохшей, обездоленной земле, которую они постепенно возвращают к жизни, если бы арабы примирились с мыслью, что евреи уже тысячелетия назад жили здесь, и что Господь обещал им устами пророка Иеремии:

— И придут они — и будут торжествовать на высотах Сиона.

В этот день и накануне праздника, в долгую летнюю ночь, на высотах Сиона шло великое ликование. Сотни тысяч людей запрудили улицы и площади древнего Иерусалима. Электрическая станция на этот раз работала исправно. Город был великолепно иллюминирован, а в темном, тропическом небе, рвались цветные ракеты и потоки золотых и серебряных звезд сыпались на теплую землю.

**
*

Вечером, в канун Дня Независимости, мы были приглашены на обед к мэру Иерусалима Тэдди Коллеку, легендарному в Израиле человеку, который больше чем кто бы то ни было сделал для примирения израэли с иерусалимскими арабами. Есть в Израиле поэт Иегуда Амихаи. Живет он в Иерусалиме. Вероятно, он думал о Тэдди Коллеке, когда писал эти стихи:

Грустно
Быть мэром Иерусалима.
Это ужасно.

Как может человек быть мэром такого города?
Что он может делать с ним?
Он будет строить, и строить, и строить.

А ночью
Камни с холмов
Будут скатываться вниз,
К каменным домам,
Как стая волков, идущих
Повыть на собак
Ставших рабами человека.

И это правда: мэр насаждает деревья, разбивает парки на пустырях, строит, и строит, и строит, превращая золотистый иерусалимский камень в новые дома, которые постепенно покрывают холмы Иерусалима.

Добраться до Тэдди Коллека в эту ночь было нелегко, — автомобильное движение во всем городе остановилось, до такой степени улицы были запружены народом; население столицы в эти дни удвоилось. Коллек живет на четвертом этаже. Лифта нет, в невысоких израильских домах лифт остается еще большой роскошью. Но роскошь была в самой квартире мэра, превращенной в настоящий музей: витрины с чашами и древним стеклом, бронза, черепки-светильники, превосходная археологическая коллекция, большей частью добытая самим Коллеком на раскопках. Мне кажется, что в каждом израэли живет археолог. Эта любовь к археологии едва не стоила жизни министру обороны Моше Даяну, который был заживо похоронен в обвалившемся туннеле и только чудом спасен.

В этот вечер у мэра были в гостях несколько редакторов израильских и французских газет, наши нью-

иоркские друзья пианистка Надя Рейзенберг и ее сестра, виртуоз «терменовокса» Клара Рокмор, и группа богатых американцев, щедро поддерживающих детище Коллека — Иерусалимский музей и университет... Хозяин — рослый, крупный, с открытой бычьей шеей, переходил от группы к группе, что то рассказывал своим хриповатым голосом, не стесняясь в выражениях. Мы говорили о новых школах ОРТА, и о том, как трудно содержать Иерусалим в чистоте, а между тем, город теперь очень чистый, («Вы бы видели, сколько мусора я вывез из Старого города!»), и я сказал, как благодарны монахини на Елеонской горе за то, что он провел им воду. После обеда Коллек пригласил всех пойти с ним на улицу Бен Иегуды, посмотреть, как веселятся люди. Мы условились вернуться обратно на квартиру мэра и потом, в полночь, отправиться на пикник в освещенный сад иерусалимского музея.

На улице мы все друг друга немедленно растеряли. Группы мальчиков и девушек танцевали «Хору», ритмично хлопая в ладоши; в другой группе плясали парашютисты в красных беретах, а дальше веселились студенты из религиозной «Ешивы» в широкополых шляпах. Толпа была веселая, добродушная. Из громкоговорителей лился мотив «Хава нагила».

В какой то момент мы заблудились и остановили бородатого хасида в шелковом кафтане и широкополой шляпе. По английски спросили, где улица Усышкина? Должно быть, что то родное послышалось ему в том, как мы произнесли имя Усышкина. Хасид посмотрел на нас и сказал на чистейшем русском языке: — Улица Усышкина? Как же, это здесь, совсем рядом!

И мы потом долго удивлялись этой встрече с русским хасидом.

Был второй час утра, когда мы вспомнили о Коллеке, о пикнике в музее и о том, что у нас нет машины, и что нам давно пора возвращаться в арабский квартал, где никто в эту ночь не веселился и не танцевал. В Старом Городе было тихо и пустынно.

Когда мы плелись караваном по Иерусалиму, полумертвые от усталости и всех переживаний дня, рослый полицейский, которому надоело стоять на углу и молчать, весело поздравил нас с праздником:

— Хаг самеах!

— Хаг самеах! — ответили мы. — С праздником! Спасибо!

Это был праздник. Тот самый праздник, который тысячелетия назад предсказал пророк Исайя:

«И буду радоваться об Иерусалиме и веселиться о народе Моем, и не услышится в нем более голос плача и голос вопля».

ВИФЛЕЕМ ИУДЕЙСКИЙ

От Иерусалима до Вифлеема десять километров, всего несколько минут езды на машине. До Шестидневной войны Вифлеем, град царя Давида, был в арабских руках. Помню: в прошлый приезд в Израиль мы стояли на вершине холма в кибуце Рамат Рахиль и видели перед собой Вифлеем, купол церкви Рождества Христова. Был вечер, по Долине Пастухов, где некогда впервые прозвучала «Слава в вышних Богу, на земле мир, в человецех благоволение», уже тянулись длинные тени. Низко над Вифлеемом горела яркая вечерняя звезда, как в ту ночь, когда волхвы с дарами шли на Восток... Но город был в этот первый наш приезд в Израиль, недоступен. Теперь все изменилось. Вифлеем снова стал местом, открытым и для христиан, и для евреев.

На самой дороге в Вифлеем стоит небольшое квадратное здание, сложенное из местного бурого камня, очень древней кладки. Строение увенчано белым куполом, какие бывают на небольших мечетях.

Это могила Рахили, любимой жены Иакова. «И умерла Рахиль, и погребена на дороге в Ефрару, то есть Вифлеем. Иаков поставил над гробом ее памятник; это надгробный памятник Рахили до сего дня»... Так сказано в книге Бытия. От могилы Рахили осталось теперь только кубическое надгробие. Все же, что

видно снаружи, куполообразное здание, было сооружено турками в 16-м столетии.

Внутри горят свечи и громко молятся люди в пожелтевших от времени талесах. Небольшая комната переполнена молящимися. Они стоят у самого надгробия, скрытого под бархатным покрывалом, припав к нему головами или опираясь на священный камень правой рукой, и читают молитвы. Были среди молящихся несколько солдат с автоматами за плечами, иемениты, и они молились особенно истово. Внезапно какой то старик, повторяя громко слова молитвы, начал обходить надгробие, не отрывая от памятника руки, — есть поверие, что, если обойти могилу праматери Рахили со всех сторон, можно вымолить у нее здоровье и счастье для всей семьи. Где то я читал, что хасиды во время молитвы обтягивают с четырех сторон надгробие лентой, и потом раздают частицы этой ленты родным и друзьям, как некий талисман.

Вспомнились стихи Бунина, побывавшего у могилы Рахили еще в 1907 году:

«И умерла, и схоронил Иаков
Ее в пути...» И на гробнице нет
Ни имени, ни надписей, ни знаков.

Ночной порой в ней светит слабый свет,
И купол гроба, выбеленный мелом,
Таинственной бледностью одет.

Я приближаюсь в сумраке несмело
И с трепетом целую мел и пыль
На этом камне, выпуклом и белом...

Сладчайшее из слов земных! Рахиль!

Был весенний солнечный день и радостно было выйти наружу из душной молельни, поглядеть на поля, на которых бедная Руфь моавитянка собирала колосья ржи, на зелень деревьев, на плодородные сады. Не даром на языке Библии «Вифлеем» означает «Дом хлеба». Бунин когда то оценил красоту этих мест и, вспоминая Иудею, писал: «Путь до Вифлеема самый живой из всех Иудейских путей. Я ехал утром, и в жарком блеске утреннего солнца и золотисто-синего воздуха тонули горы и долины на востоке, горячо и ярко белело шоссе передо мною, весело звенели посевы по красноватым перевалам вокруг, и в садах миссий ворковали дикие голуби. И вспоминались сады и виноградники Соломона:

— Цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышится в стране нашей... Встань, возлюбленная моя! Выйдем в поле, побудем в селах; поутру пойдем на виноградники, посмотрим, распустились ли виноградные лозы...»*)

Дорога в Вифлеем все еще красива, как хороши все дороги, ведущие в Иерусалим. Но поэтическая могила Рахили, когда то одиноко стоявшая среди полей, теперь обросла лавченками и ларьками, в которых вифлеемские торговцы продают туристам «сувениры», пленки для фотографических аппаратов и мороженое. Вместо голоса горлицы, слышны теперь другие голоса. В самом Вифлееме, на площади перед храмом Рождества Христова, нашу машину окружила толпа босоногих арабских ребятишек, просивших деньги. Нас предупреждали — не давать, но жена моя, добрая ду-

*) И. А. Бунин, Полное Собрание Сочинений, том 3. «Иудея», стр. 365, Москва 1965 г.

ша, в конце концов не выдержала: очень уж была хороша босоногая смуглая девчонка лет восьми, черноглазая, белозубая, с прелестной улыбкой, которая все шла за ней и повторяла заученную английскую фразу:

— Американ мони! Гив американ мони!

Жена в конце концов дала ей «американ мони», гривенник или четвертак, и с этого момента дети от нас не отставали, пока мы не подошли к храму Рождества.

В библейские времена было это место голое, несколько в стороне от Вифлеема. Здесь пасли коз и овец и, как всюду на Востоке, пастухи вырубили в скале пещеру, где можно было укрыться от непогоды или от полуденной жары. Вот в такой пещере нашло убежище Св. Семейство в ночь под Рождество, когда оказалось, что на постоялом дворе для них не было места, чтобы переночевать.

С самых первых времен христианства вифлеемский «вертеп», т.е. пещера Воплощения, стала местом паломничества. Уже в четвертом веке над самой пещерой Константин Великий соорудил великолепную базилику и это, пожалуй, единственный христианский храм на Святой Земле, который не был разрушен, и в котором богослужения совершаются непрерывно уже шестнадцать столетий. Но, конечно, здание подвергалось перестройкам, его укрепляли, что то меняли, вокруг пристраивали монастыри, сооружали новые приделы. Примечателен фасад храма, также претерпевший различные изменения. Были когда то три входа, еще видимых и теперь, потом их замуровали и оставили только один. Но и этот вход, слишком широкий, трудно было защищать во время набегов бедуинов. Портик над воротами, замечательной овальной формы, сохранили,

но все остальное пространство заложили камнями, оставив лишь узкий проход. Чтобы войти в храм Рождества Христова, нужно склониться. Да и этот вход, по старой памяти, на ночь запирается тяжелой дверью из кованого железа.

Но внутри храма — просторно. Двумя рядами уходят к алтарю и к иконостасу розовые мраморные колонны, поставленные крестоносцами. Посреди храма в каменном полу — открытый люк и на некоторой глубине, виден другой, совсем уже древний настил из мозаики 12-го столетия. Очевидно, первая базилика Константина Великого была расположена на более низком уровне. Пещера под главным алтарем. Спускаются туда по пятнадцати мраморным ступеням. Должно быть, паломники в былые времена откалывали частицы скалы на память, потому что пещеру пришлось покрыть мрамором, превратив в продолговатую часовню длиной в 10 метров.

Нас сопровождал молодой армянский священник, который взялся быть гидом. Вел он за руку своего ребенка, тихого, большеглазого мальчика лет трех. Священник спустился с нами в «вертеп». У греческого алтаря свешивались пятнадцать тяжелых лампад над местом, где на мраморном полу была вделана серебряная пятиконечная звезда с латинской надписью:

— *Hic de Virgine Maria Jesus Christus natus est.*

Что в русском переводе означает:

— Здесь от Девы Марии родился Иисус Христос.

Ребенок священника, видимо бывающий в «вертепе» всякий день, привычным жестом опустился на колени, потянулся всем своим маленьким телом к серебряной звезде и поцеловал ее.

В трех шагах направо, в южной стене, имеется небольшая впадина, — нечто вроде отверстия в скале. Это были ясли, куда Богоматерь положила, спеленав, своего Сына.

А дальше было бегство в Египет, избиение Иродом всех младенцев, и осуществление пророчества Иеремии, — пророчества, которое странным образом связывает две святыни — христианскую и еврейскую — этот «вертеп» с соседней усыпальницей Рахили:

«Глас в Раме слышен, плач и рыдание, и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет».

**
*

На улице терпеливо поджидали любители «американ мони», и наша приятельница-смуглянка, уже на правах старой знакомой, показала жене откуда-то появившуюся крошечную сестренку, которую она держала на руках:

— Бэби, — сказала она, сверкая зубами. — Дай бэби американ мони!

После нескольких безуспешных попыток она извлекла из кармана фартука деревянные четки и решила завязать с нами нормальные коммерческие отношения:

— Один израильский фунт . . . Один!

Четки нас не соблазняли. Машина трогалась. Девчонка уцепилась за нее руками, боясь упустить клиентов, и в отчаянии закричала:

— Бери! Три пары за один фунт...

Можно ли было устоять против такого выгодного

предложения? Четки перешли в нашу собственность... Урок не пропал даром, — по крайней мере, для моей жены. Со времени возвращения из Израиля, примерно два раза в неделю, она жалостливо протягивает ко мне руку и просит:

— Американ мони! Гив американ мони!

По моему, финансовое ее положение со времени поездки сильно улучшилось.

Вскоре после окончания Шестидневной войны несколько сот вифлеемских арабов обратились к израильскому правительству с петицией: объявить Вифлеем частью «большого» Иерусалима и окончательно присоединить его к Израилю.

В оккупированных арабских областях у Израиля не много друзей и сторонников. Петиция вифлеемцев показалась явлением не совсем обычного характера. В известной степени объяснялось это тем, что большинство арабов Вифлеема — христиане, которые не мало натерпелись в свое время от палестинских мусульман. Из двух зол они выбирают меньшее, — израильские власти, по крайней мере, не будут их притеснять. Но есть причины и чисто экономические.

Вифлеем — город, живущий от паломников. Иерусалим, утверждают израэли, навсегда останется израильским, но судьба других оккупированных городов находится под сомнением, — это предмет торга на будущей мирной конференции. Отрезать Вифлеем от Иерусалима — значит изолировать его от главного потока паломников и туристов и, тем самым, — обречь

город на экономическую нищету. Что будут делать ви-флеемские ремесленники, если приостановится сбыт их изделий из оливкового дерева и перламутра, — четок, крестов, пятиконечных звезд, ягнят, яслей, наивно раскрашенных добрых волхвов с дарами, — всего того, что скупают паломники в Вифлееме?

И сейчас уже, несмотря на большое число туристов, дела в городе не процветают. Была здесь большая фабрика изделий из пластмассы, выпускавшая до 300 различных предметов. Теперь на фабрике из 500 рабочих осталось всего несколько десятков, потому что Израиль имеет свои собственные изделия из пластики, а вывоз в арабские страны внезапно прекратился. И ви-флеемцы с тревогой спрашивают:

— Что с нами будет? Почему нас не присоединят формально к Израилю, как это сделали с Иерусалимом? И почему нам не дают работу?

В результате Шестидневной войны пострадал экономически и другой арабский город, Назарет, почитаемый христианами во всем мире. Назарет, с его населением арабов-христиан все эти годы входил в состав Израильского государства. Иерусалим, Вифлеем и большинство Святых Мест были до войны 1967 года расположены в Иордании. Проехать туда из Израиля не было возможности. Израильские паломники и туристы неизменно посещали Назарет, бывший главной христианской святыней в стране, бродили по его узким и довольно грязным улочкам, заходили в лавки антикваров и увозили с собой янтарные четки, семисвечники, медные арабские кофейники и помятые старые самовары, — все то, чем богаты базары этого города, в котором прожил Христос свое детство и юность, пер-

вые тридцать лет своей жизни, где он молился в синагоге — церкви, которая до сих пор существует.

Теперь все Святые Места оказались в пределах Израиля. Назарет утратил былую монополию и туристы устремляются прямо в Иерусалим, минуя Назарет, внезапно потерявший для них свою притягательность. И в Назарете, где мы провели несколько часов, все казалось грустным. Не было обычной базарной толкотни, пустовали лавки и даже в арабских кафе было мало посетителей.

Все же, положение арабов Назарета значительно лучше, нежели их братьев из Вифлеема или Хеврона. Почти все они устроены, работают на строительстве или в окрестностях города, где имеются фабрики и заводы. Зарботки израильских арабов вообще значительно выше зарботков арабов в Иордании и Сирии, не говоря о Египте. За двадцать лет, прожитых в Израиле, местные арабы многому научились и отлично понимают, что находятся в привилегированном положении.

Один из них, Джума, работает в тельавивском доме моих друзей уже больше десяти лет, — убирает квартиру, готовит, — хумус он изготавливает совершенно бесподобный. Знаю я его еще по прошлой поездке в Израиль. Поэтому встретились мы, как старые друзья. Накануне отъезда в Иерусалим, на парад по случаю Дня Независимости, Джума воспользовался моментом, когда мы были в комнате вдвоем, и спросил:

— Зачем вы едете в Иерусалим?

— Как зачем? На парад!

Джума пожал плечами:

— Я бы не поехал.

— Почему?

— Наши говорят, что это — опасно. Там чтонибудь обязательно произойдет...

— Но ведь тут или в Назарете тоже есть арабы, и ничего не происходит?

— Это — наши, израильские арабы. Нам тут хорошо живется. А там, в Иерусалиме, арабы другие. Не цивилизованные.

И нужно было слышать, сколько было в его голосе чувства превосходства над отсталыми иорданскими арабами!

К счастью, праздник в Иерусалиме прошел благополучно, без единого инцидента. Но разговор с Джумой я запомнил, — так думают сегодня многие израильские арабы, начинающие ценить то, что им дал Израиль.

РУССКАЯ СВЕЧА НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Первым русским паломником во Святую Землю был, вероятно, Даниил, «руськыя земли игумен», посетивший Иерусалим в 12-м веке. У Гроба Господня Даниил поставил свечу за весь народ русский. Так и пошло: в начале 15-го века побывал в Иерусалиме Троицко-Сергиевской Лавры иеродиакон Зосима и он потом повествовал: «У Гроба же Господня поминал аз, грешный, всех иже от нашего предела, Русския Земли, Князи, и Бояре, и все Православнии Христиане». Не легко приходилось паломникам в те времена. На дорогах к Иерусалиму подстерегали их разбойники, отнимали все, иногда и жизни лишали. Писал многострадальный о. Зосима: «А за Иерусалим никто пойти не может, злых ради Арапов; бьют бо без милости... Ходя по Святым местам, и подъях раны довольны от злых Арапов аз, грешный, и все терпя за имя Божие». В последующие столетия пламя возженной свечи никогда не угасало. Тысячи русских паломников ежегодно, до Первой мировой войны, отправлялись морем через Одессу к Святым Местам. Россия уже полвека отрезана от Иерусалима, но в эмиграции обычай паломничества постепенно восстанавливается и с каждым годом растет число людей, едущих помолиться у Гроба Господня, погрузиться в воды Иордана и подняться на Елеонскую (Масличную) гору.

Удивительный вид открывается на Иерусалим с вершины Елеонской горы. По склону — Гефсиманский сад, над которым высятся купола православной церкви св. Марии Магдалины; дальше глубокая Иосафатова долина — место будущего Страшного суда, где когда-то проходил Кедронский поток.

На спуске с Елеонской горы стоит странный памятник, увенчанный конусообразной башней. Это — один из древнейших памятников в Иерусалиме. Воздвигнул его себе при жизни непокорный сын Авессалом, поднявший руку на отца своего, царя Давида. Сказано в книге Царств: «Авессалом еще при жизни своей поставил себе памятник в Царской долине; ибо сказал он: нет у меня сына, чтобы сохранилась память имени моего». И назвал памятник своим именем. И называется он «памятником Авессалома» до сего дня».

Ничто не может сравниться по трагизму с описанием гибели Авессалома в книге Царств, с горем и плачем царя Давида, — величайшим примером всепрощения и отцовской любви:

— Сын мой Авессалом! Авессалом, сын мой, сын мой!

Печальное это место, — и столп Авессалома, памятник тщеславия человеческого, и бесчисленные древние еврейские могилы за ним. Печальна вся долина Иосафатова. А за ней, на холмах, поднимаются каменные стены и башни Старого города... Стоят замурованные мусульманами Золотые ворота, через которые въехал в Иерусалим Христос в Вербное воскресенье.

Побывал здесь в 1649 году «черный диакон» Иона, по прозвищу «маленький», из Троицко-Сергиевского

монастыря и оставил такое описание: «Та святая Елеонская гора высокая, близь Святого Града Иерусалима; выше той горы нет; а на зимний восток на Елеонскую гору село Вифсагия, ныне пусто; на том месте Христос всел на осля... Вифания село, живут ныне арапы; монастырь и церкви были велики, старое здание, а ныне обалилось и запустело...» Отец Иона сегодня не узнал бы этих мест. На самой вершине Елеона стоит теперь высокая белая колокольня, «русская свеча», как называют ее арабы, а большая часть горы занята русским женским монастырем и православным храмом Вознесения Господня. И хотя соседняя Вифания по-прежнему бедное селение, где и сейчас живут арабы, здесь тоже горит русская свеча — монастырская школа для нескольких десятков православных арабских девочек. До революции 17 г. русское влияние в этих местах было очень велико. Императорское Палестинское Общество содержало на Ближнем Востоке до ста школ и две учительские семинарии в Вифлееме и Назарете. Все учащиеся говорили по русски. Да и теперь на Елеонской горе можно встретить арабов, немного понимающих по русски.

Привез нас на Елеон в своей машине молодой израэли. Раньше никогда не бывал он на иорданской стороне и легко заблудился. Въехали в какой-то тупик, остановились. Машину тотчас же окружили дети, а затем степенно подошли два пожилых араба, сидевших в тени, под каменной стеной.

— Где мать Тамара? — наугад спросил я по русски.

— Мать Тамар? — сразу заулыбался араб. — Русский? Хорош!

И он вывел нас из тупика, показал дорогу и все

время весело повторял: «Хорош матуш Тамар... Русский». У запертых монастырских ворот мы остановились. Задребезжал колокольчик. Приоткрылось оконце и выглянуло лицо инокини.

— Я сейчас открою!

За воротами был сад. Длинная аллея вела к храму византийской архитектуры и к монастырским строениям. Мы сказали матушке о цели нашего приезда, и она удивительно проворно почти побежала по аллее, попросив нас подождать, пока доложит.

Ждать пришлось не долго. Матушка вернулась и просила пожаловать в покои настоятельницы, игуменьи Тамары, в миру княгини Татьяны Константиновны, дочери великого князя Константина Константиновича (известного поэта К. Р.). Приехал я с рекомендательным письмом от ее сына, князя Т. К. Багратиона-Мухранского.

В покоях игуменьи было прохладно. Атмосфера удивительно русская. Одна стена вся в иконах и лампадах, а на других стенах развешены портреты царской семьи, бородатых архиереев с панагиями на груди. Внимательно поглядывал на посетителей со стены блаженнейший митрополит Анастасий, десять лет бывший главой Палестинской миссии. Посреди гостиной стоял длинный стол под белой скатертью, как в трапезной, и был другой стол, круглый, в красном углу, и кресла с прямыми спинками и белыми накрахмаленными чехлами, и громадные фикусы, доходившие до самого потолка.

Игуменья Тамара приняла нас радушно и после первых приветствий и расспросов сказала, что теперь в Иерусалиме мир и благодать, а вот во время Шести-

дневной войны на Елеонской горе был ожесточенный бой, и монахини и насельницы натерпелись страха, — пока шла стрельба все молились в храме...

До войны Вознесенский монастырь и нижняя обитель, что в Гефсиманском саду, были расположены на территории, принадлежавшей Иордании. Как отразился на монастырской жизни переход всего Иерусалима к Израилю? — спросил я.

— Мы не жалуемся, и было бы грешно жаловаться. Никто нас не обижает и не притесняет. В известной степени жить стало даже легче. Нам, например, всегда приходилось покупать питьевую воду, потому что дождевая вода в наших монастырских цистернах плохого качества, да и этой воды не хватало. А израильские власти сразу провели нам водопровод. Это большое облегчение!

Пока мать Тамара говорила о воде я вспомнил, что еще игумен Даниил восемь столетий назад жаловался на недостаток воды в Иерусалиме: «Безводно же есть место вельми, ни реки, ни источника, ни кладязя близ Иерусалима... дождевою водою живут все людие и скот во граде том».

— ...Мяса и яиц мы не едим, но рыбу можно, а рыбы у нас не было. Теперь мы вдруг приблизились к морю и рыбы стало сколько угодно. Продукты появились привычные для нас, русских. У евреев и у русских кулинарные вкусы совпадают. Это, конечно, мелочи. Но жизнь человеческая состоит из мелочей. И власти к нам хорошо относятся. Объясняем с ними по-русски, в Израиле многие знают русский язык.

Первый визит был непродолжительным, но я попросил разрешения приехать еще раз. Пока мы гово-

рили, тихая послушница-арабка подала чашечки черного кофе, оранжад и какие-то сласти. Провожала нас мать Елена, черноглазая монахиня, говорившая по русски отлично, но с довольно заметным акцентом. Оказалось, она палестинская арабка, в монастыре живет уже 35 лет, с детства. Совсем свыклась и считает себя русской. В рясофоре звали ее Еленой, но архиепископ Серафим постриг ее в мантию, наименовав Феоктисой, что значит: Богом созданная.

— У нас есть и другие арабки-послушницы, — сказала она. — Некоторые хорошо говорят по русски, а другие понимают, а отвечать стесняются... В школе нашей в Вифании всех учат по-русски. Многие из школы идут в монастырь послушницами, а потом и постриг принимают.

Уже покидая монастырь, в последнюю минуту, встретились с архимандритом Димитрием (Биакай), — отличным миссионером и блестящим проповедником, который в это время еще состоял во главе Миссии, но по болезни просил освободить его от этой обязанности. В настоящее время во главе Духовной Миссии поставлен нью-йоркский архимандрит Антоний (Граббе), которому предстоит нелегкая задача: укрепить юридическое положение Миссии, на имущество которой уже заявил претензию московский патриарх Алексей, добыть нужные средства для ремонта зданий и для содержания обитателей и найти священников для окормления ряда приходов на Ближнем Востоке.

В конце 1968 г. в состав Русской Духовной Миссии в Иерусалиме входили: начальник Миссии, архимандрит Антоний и два администратора Палестинского Общества — ген. Г. М. Хрипунов и О. А. Уахбе. При адми-

нистративном центре Миссии состоял архимандрит Нектарий.

При Вознесенском монастыре на Елеонской горе: игуменья Тамара, архимандрит Димитрий, игумен Модест, игумен Мефодий, диакон и 100 монахинь и послушниц.

При Вифанской общине Воскресения Христова: игуменья Мария, архимандрит Серафим, игумен Стефан, диакон и 35 монахинь.

В Хевроне, при соборе св. Праотец и дубе Мамврийском: игумен Игнатий и 2 монаха.

Центр Миссии, подчиненный Зарубежной Русской Православной Церкви, помещается при храме св. Александра Невского, у Судных Врат (Раскопки).

Духовная миссия в Иерусалиме еще ждет своего историка. Основана она была в 1858 году и первым начальником ее был архимандрит, позднее епископ Порфирий Успенский, известный востоковед и исследователь Палестины. Но больше других потрудился для Миссии другой ее глава, архимандрит Антонин, в миру Капустин, который провел в Иерусалиме 29 лет, до самой своей смерти в 1894 году. В книге епископа Серафима*) перечислены его заслуги перед Миссией: он приобрел для русской церкви огромный участок на вершине Елеонской горы, где теперь находится монастырь,

*) Епископ Серафим. «Паломничество из Нью Йорка в Святую Землю», Епархиальное издательство. Интересующимся русскими святынями в Израиле рекомендую также книгу прот. Александра Трубникова «Ближний Восток — колыбель Православия», изд. Представительства Российских Эмигрантов в Америке, 1964 г. и «Святая Земля» — отличный путеводитель, составленный в Париже в 1961 году епископом Мефодием.

построил его колокольню высотой в 64 метра. Приобрел у арабов в Хевроне землю с Мамврийским дубом, многочисленные участки в Вифлееме, Вифании, Тивериаде, в Яффе, земли нынешнего Горнего монастыря. Всего было скуплено им свыше 30 участков, стоимость которых еще в конце 19-го столетия определялась в 2 миллиона золотых рублей. При архимандрите Антонине в новой части Иерусалима в 1863 году возвели величественный св. Троицкий собор. Там же построили здание Миссии, несколько больших корпусов для приема паломников, гостиницу, больницу, — так называемое Русское Подворье.

После образования Израильского государства в 1948 году часть этого имущества («Русское Подворье» с его постройками, св. Троицкий собор, Нагорный монастырь, Петропавловская церковь в Яффе и др.) были израильским правительством переданы в ведение Московского патриарха. Храмы патриаршей юрисдикции теперь пустуют, а за ненадобностью советское правительство продало Израилю значительную часть Подворья за 5 миллионов долларов, — теперь там размещены некоторые правительственные учреждения. Все же остальное имущество, расположенное раньше на территории Иордании, и по сей день остается во владении Миссии и Русской Православной Церкви за Рубежом. Нечего скрывать: в синодальных кругах опасаются, что в случае восстановления дипломатических отношений между СССР и Израилем, прерванных в результате Шестидневной войны, Москва попытается наложить руку на имущество Миссии в Восточном Иерусалиме. Шансы на это не велики — нужные меры для определения юридического статуса имущества Мис-

сии, были своевременно приняты. К тому же, израильское правительство весьма осторожно и с большим уважением относится к иноязычным религиям и бережно охраняет существующие церковные права от каких бы то ни было на них покушений.

**
*

«От того же поидохам на святой верх Елеонской горы. От Гефсимании до верху Елеонской горы яко бы полверсты, а от Иерусалима верста одна. Гора же вельми висока, красна и предивна, а на ней растет виноград и дрeвеса различные и масличные; а на самом верху есть место, где Христос стоял с учениками своими»... Так описывал Елеонскую гору и Гефсиманию московский купец-паломник Трифон Коробейников. Путешествовал он с Юрием Грековым, а с ними «ездил своею охотою московский жилец Федор, крестечный мастер». Был Коробейников человеком незаурядным — описание его поездки по Святым Местам составлено замечательно. И ехал он не с пустыми руками: по приказу царя Ивана Васильевича вез восточным патриархам «милостыню довольну», не мало золота, да серебра... И правильно записал Трифон Коробейников — от горы Елеонской до Гефсимании «яко бы полверсты». Это легкая прогулка, с горы вниз. Над Гефсиманским садом, где некогда Христос молился, чтобы Его «минувала чаша сия», теперь высится великолепная церковь о семи куполах с луковицами, московской архитектуры. Храм во имя св. Марии Магдалины был воздвигнут на личные средства императором Александром Третьим в память его матери, императрицы Марии Александровны. Внутри все просторно, светло, много

мрамора, — даже иконостас сделан из белого мрамора и украшен иконами кисти Верещагина. Есть тут иконы: чудотворная Божией Матери Одигитрии, и Игоревская икона Божией Матери. По преданию, святыня эта принадлежала князю Игорю. Отправляясь в походы он брал ее с собой из Киева. При церкви св. Марии Магдалины существует русский женский монастырь, основанный в 1934 году шотландкой Барбарой Робинзон, принявшей православие. При пострижении наречено было ей имя Мария. Оказалась игуменья Мария ревностной миссионеркой, все свое личное состояние отдала на устройство монастыря... К сожалению, настоятельница хворала и повидать мне ее не удалось. Но вышла ко мне ее помощница мать Варвара (в миру Валентина Цветкова, дочь видного московского церковного деятеля и благотворителя). Приветливо встретила меня мать Варвара. Посидели несколько минут в гостиной — иконы, лампадки, царские портреты, архиереи... Один портрет в красках, во весь рост, поразила меня. На нем была изображена молодая женщина необычайной красоты.

— Это — великая княгиня Елизавета Феодоровна, родная сестра последней русской императрицы. Она присутствовала при освящении нашего храма вместе со своим супругом, великим князем Сергеем Александровичем, который позже трагически погиб. Место это очень ей понравилось... И вот, помыслами Провидения было суждено, чтобы великая княгиня навеки вернулась в любимый ею храм. Елизавета Феодоровна и ее верная келейница инокиня Варвара были зверски убиты большевиками в Сибири, а тела брошены в шахту

близ Алапаевска. Останки их удалось вывезти во время гражданской войны на Дальний Восток, а оттуда доставлены к нам для погребения.

Мы обогнули храм, и у левой стены мать Варвара открыла какие-то двери. Внизу был склеп, небольшой алтарь, иконы. Из усыпальницы пахнуло на нас могильной сыростью... Потом прошли мы в сад. Все вокруг цвело и благоухало, воздух был какой-то оранжевый, и меня удивило пение птиц. Был послеполуденный час, когда птицы обычно не поют, все в природе дремлет, но тут, в масличных деревьях, в пальмах и олеандрах возилось бесчисленное количество разноголосых птиц, всякое дыхание славилло Господа... Вдруг вспомнил: когда-то я получил письмо от одного афонского монаха, древнего старца, — письмо его было чудесное по своей наивности и душевной чистоте. И старец писал, что утром вокруг его храма на Афоне собираются разноголосые птицы. «И отслушав литургию, — писал старец, — птицы Божии отлетают с миром...» Должно быть, такие же птицы живут в Гефсиманском саду.

На какой то площадке мы остановились. Отсюда был виден купол соседнего храма Успения Божией Матери и Ее гробница с небольшим куполом на крыше — одна из величайших христианских святынь. Немного ниже, под гору, кармелитский храм «Отче наш», построенный над пещерой, где Христос в первый раз сказал ученикам эту молитву... Тут всюду святыни: дом воскресшего Лазаря поблизости, и гробницы пророков, и так называемая «Стопочка» — камень, с которого, по преданию, Христос вознесся на небо, и на котором отпечатан след ноги Его. Современные право-

славные писатели относятся к ряду иерусалимских реликвий, в том числе и к «Стопочке», с большой осторожностью. Но диакон Игнатий, который совершил в 1391 году «Хождение во Иерусалим», записал: «А за тем местом масличная великая гора Елеонская: с тое горы Господь вознесся на небо. Тамо есть церковь велика и зело, а среди тое церкви церковь мала, в той церкви на камне выпечаталась стопа Господня, яко жива видети есть, как на воску выпечатана сего часу».

— Нет, мы осторожны в этих вещах, — сказала мать Варвара. Видите, лежит в саду мраморная, очень древняя ступенька, часть лестницы. Есть легенда, что Сын Божий, въезжая в Иерусалим на ослиати в Вербное воскресенье, проехал здесь и по этим ступеням спустился в Кедронскую долину. Это возможно, потому что ворота, через которые въехал Христос — как раз напротив нашего сада, и логически это был самый прямой и легкий путь, чтобы въехать в Иерусалим... Хорошо, ступенька есть, и кто хочет, может верить, что по ней ступала нога Спасителя. Но это не обязательно, потому что важен не камень. Важно то, что Он был здесь, в этих местах, что Он молился и скорбел в этом саду. А было ли это на месте, где мы сейчас стоим, или под той группой деревьев, — это вопрос личного воображения и веры.

Я хотел еще посмотреть сад, и кладбище, за которым начинается выгон для коров, — при монастыре заведено небольшое молочное хозяйство. Мать Варвара дала мне в провожатые послушницу. Кладбище в самом конце Гефсиманского сада. Некоторые кресты состарились, покосились, и уже нельзя прочесть имен. Монах Ювеналий... Монах... а дальше и разобрать нель-

зя. В центре стоит хороший памятник, — здесь упокоился Яков Петрович Халепин, драгоман Российской Императорской Духовной Миссии в Палестине.

— Много у вас тут безымянных могил, — сказал я послушнице.

Она вздохнула немного и нараспев ответила:

— Это все духовные лица... имена же их, Господи, веши!

Перед отъездом из Израиля побывал я вторично в Елеонском монастыре. На этот раз игуменья Тамара посетовала: очень уж торопливы такие визиты, ни побеседовать нет времени, ни осмотреть монастырь и «Русские Раскопки».

— У нас в обители свыше ста инокинь. Многие пожилые, болящие. Материально живется нам трудно. Земля ничего не приносит. Некоторые работают вне стен монастырских, другие заняты по хозяйству. Есть у нас золотошвейная мастерская и иконописня. За садом ухаживаем. Службы всякий день, по строгому монастырскому уставу. В будние дни служба продолжается около трех часов, в праздники — куда дольше.

И снова заговорили мы о политическом положении, о будущем Иерусалима. Очень трезво смотрит на вещи игуменья Тамара. Палестина, — говорит она, — за свою долгую историю никогда не была самостоятельной. Правил страной евреи, потом римляне, арабы, крестоносцы, турки, англичане... Теперь опять евреи. Но с точки зрения палестинского араба не так уж важно, кто управляет страной. Палестинские арабы, никогда не знавшие независимости, больше всего хо-

тят, чтобы их оставили в покое и дали им возможность мирно жить.

— Как же вы смотрите на будущее Иерусалима?
— спросил я.

Мать Тамара внимательно взглянула на меня через очки и твердо сказала:

— Я верующая христианка и то, что сказано в Священном Писании для меня не подлежит сомнению. А в Священном Писании сказано, что евреи навсегда воцарятся в Иерусалиме. Стало быть, так и будет. Для меня это не политика, а воля Божия.

Раздался удар колокола... Хороши звоны на Елеоне: семь благозвучных колоколов, отлитых в России, а самый большой колокол весит 5.000 килограммов и принес его в дар монастырю соликамский купец Александр Рязанцев. Было это в 1887 году. Настоящего перезвона услышать мне не пришлось. Одинокий колокол созывал инокинь к вечерне.

Со всех сторон к храму двигались черные фигурки матушек. В церкви уже молились. У аналоя стоял чтец, Михаил Георгиевич Хрипунов, из Палестинского Общества, который несколько лет назад построил для себя на монастырской земле в Гефсимании дом и навсегда здесь поселился.

— Господи Боже мой! — читал он псалом Давида,
— Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием;

Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер;

устрояешь над водами горние чертоги Твои, делаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльях ветра.

Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий.

Ты поставил землю на твердых основах; не поколеблется она во веки и веки.

Гулко звучал голос чтеца под высокими сводами. Наступал час вечерний, пора было возвращаться в город. Я прошел по длинной аллее. В золотом, закатном небе низко носились ласточки. Матушка привратница, должно быть, ушла в храм. Я сам открыл ворота и вышел на улицу. И только прикрывая врата обители я заметил на них надпись, сделанную славянской вязью: «Благословен Грядый во имя Господне».

НАД СИНАЙСКОЙ ПУСТЫНЕЙ

После исхода из Египта евреи странствовали по Синайской пустыне сорок лет, прежде, чем увидели Землю Обетованную. Сегодня весь этот путь над пустыней можно проделать в один день, на израильском самолете «Аркиа». Полет незабываемый, — над территорией, которая еще недавно была египетской и иорданской, и которую Израиль оккупировал в результате Шестидневной войны.

Ровно в десять утра белый самолет, рассчитанный на пятьдесят пассажиров, снимается с городского аэродрома Тель Авива. Курс на Юг, вдоль побережья Средиземного моря. У самого берега, у песчаных пляжей, вода нежно зеленого, изумрудного цвета, а дальше, под ярким летним солнцем море залито расплавленным серебром.

— Смотрите вниз, — объявляет наш гид. — Это новый город и новый порт Ашдод, куда могут заходить даже океанские пароходы.

Новый город Ашдод... В библейские времена в древнем Ашдоде были филистимляне, злейшие враги Израиля. И неистовый пророк Амос в великом своем гневе предсказал, что будут истреблены филистимляне, жители Ашдода. Где теперь филистимляне? Но развалины их города еще существуют в пяти милях на юг

от того места, где в 1957 году был основан израильский Ашдод — быстро растущий порт, курорт и промышленный центр с населением в 25.000 человек.

И вот на побережье возникает другой библейский город — Ашкелон. Здесь тоже царили филистимляне. Страшную судьбу предсказали городу пророки:

— Гибнет Ашкелон, — восклицал Иеремия. — Доколе будешь посекаль, о, меч Господень!

Пророчествовал Амос:

— И пошлю огонь в стены Газы — и пожрет чертоги ее... И истреблю жителей Ашдода и держащего скипетр в Ашкелоне... и погибнет остаток филистимлян, — говорит Господь Бог.

Зыбучие пески давно занесли Ашкелон филистимлян, погребли дворцы и храмы завоевателей, которые пришли им на смену — римлян, крестоносцев, арабов... По преданию Ирод родился в Ашкелоне, и историк Иосиф Флавий оставил описание построенных им зданий, фонтанов и бань, которыми украшал он родной город. Археологи постепенно выкапывают из песков древний Ашкелон, а тем временем на берегу моря вырос новый, современный город. По переписи 65 года в нем было уже 36.000 жителей. Сверху Ашкелон кажется зеленым оазисом, на который со всех сторон наступают песчаные дюны.

— Газа! — объявляет в громкоговоритель наш гид.

**
*

Огонь, предсказанный Амосом, подошел к стенам Газы в первый же день войны 1967 года.

Израильская армия начала свое наступление вдоль

117-мильной египетской границы в понедельник, 5 июня, в 8 часов 15 минут утра.

Египетское командование располагало в Синае громадными силами: семь дивизий общей численностью до 100.000 солдат, к которым нужно добавить еще около 50.000 солдат, занятых в интенданстве, по снабжению армии, транспорту, коммуникациям и пр. 900 танков, эскадрильи советских МИГ-ов, бомбовозов Илюшиных и др. По всем масштабам это была весьма значительная, отлично вооруженная сила.

— Нигде, кроме США, — говорил позже генерал Израиль Таль, командовавший танковой дивизией на северном фронте, — я не видел так прекрасно снаряженную армию, как египетская в Синае.

Израильское командование могло противопоставить Египту три дивизии, общая численность которых не превышала 50.000 бойцов. Каждая из трех дивизий имела свое специальное задание.

Первой группе под командой генерала Израиля Таль, «человека с мозгами IBM», было поручено прорвать фронт на севере, отрезать территорию Газы от Синая, захватить сильно укрепленную позицию Эль Ариш и гнать египтян до самого Суэцкого канала.

Вторую дивизию возглавлял ген. Авраам Иоффе. В гражданской жизни он зоолог, директор израильских заповедников. Ему было предписано ударить в центре, прорвать линию сопротивления у Абу Агейла и оттуда, через пески и центральное горное плато Синая, двинуться на Исмаилию, на канале. Египетское командование считало, что горное плато Синая для танков непроходимо.

Третьей дивизией командовал Ариэль («Арик»)

Шарон, 38-летний генерал с седой головой, всегда имевший в кармане Библию. Дивизия Шарона получила задание: пройти к Суэцу южным путем, через Кунтилу, прикрыв израильский порт Эйлат, который египетский генеральный штаб надеялся отрезать от Израиля в самом начале кампании. По существу, израильский план наступления не содержал ничего нового: это было точное повторение синайской кампании 1956 года, которая закончилась победой генерала Моше Даяна. Но в египетском генеральном штабе, видимо, даже не сочли нужным прочесть книгу Даяна об этой кампании, в которой была ясно намечена будущая военная стратегия Израиля.

Когда в понедельник 5 июня три молодых израильских генерала начали наступление, они еще не знали, что израильская авиация уже тридцать минут громит все египетские, сирийские и иорданские аэродромы. Воздушные налеты начались в 7.45 утра. По приказу начальника воздушного флота бригадного генерала Мордехая Ход, десять аэродромов были атакованы одновременно и захвачены врасплох. Израильские самолеты летели со стороны моря так низко, что египетские радары не предупредили об их приближении. МИГ-и и бомбардировщики Туполевы не успели даже подняться в воздух, — их уничтожили, пока они рулировали на взлетных дорожках. Эксперты утверждают, что война в воздухе была выиграна Израилем в первые два часа 50 минут, когда Египет потерял 300 своих самолетов. В Сирии были уничтожены 60 самолетов, в Иордании 29 и в Ираке — 17.

— Я даже не смел мечтать, что мы победим в 2 часа 50 минут, признался позже генерал Ход. Я думал,

что понадобится целый день, до наступления темноты. Иностранный военный атташе спросил меня: «Вы утверждаете, что атаковали после того, как обнаружили скопление египетских самолетов в это самое утро. Но чтобы нанести такой удар, нужно было к нему готовиться по крайней мере шесть месяцев». «Вы правы, сэр, но не совсем. Мы готовились к этому удару восемнадцать с половиной лет», ответил ген. Ход.

Каждый израильский летчик в первый день войны совершил несколько боевых вылетов. Главные египетские базы были расположены всего в 20 минутах от израильских аэродромов. Нужно было 20 минут, чтобы долететь до цели, от 7 до 8 минут, чтобы покрыть цель бомбами, 20 минут обратного пути. Еще полагалось 10 минут, чтобы пополнить запас горючего, принять груз бомб и снова подняться на воздух. Таким образом израильские самолеты могли выполнить новую боевую миссию каждый час, вылетая по несколько раз в течение одного дня. Это и ошеломило Насера и Хусейна: откуда у Израиля такое количество самолетов? Не участвуют ли в бомбардировках эскадрильи Шестого Американского флота? Им не могло прийти в голову, что один и тот же израильский летчик в течение дня до десяти раз возвращался для выполнения своего боевого задания. Таким образом численную силу израильской авиации удалось увеличить во много раз.

Пока «Миражи» уничтожали египетскую авиацию, три колонны израильских танков, двигавшиеся в облаках желтой пыли, начали протягивать свои щупальцы вглубь Синая. По единодушному свидетельству израильского командования в этой первой стадии войны

египетская армия отлично дралась и оказала противнику жестокое сопротивление. Но, несмотря на минные поля и ураганный огонь египетских батарей, занимавших командные высоты, Газа была отрезана в первые же часы боя и капитулировала во вторник, в полдень.

К концу первого дня отборная 7-я броневая дивизия египетской армии была полностью уничтожена. Рафа и Эль Ариш на северном фронте были заняты после кровопролитного боя на следующий день. Одновременно армии генералов Шарона и Иоффе гнали противника в центре и на южном фронте, заходя в тыл и отрезая пути к отступлению. В центре, у Абу Агейла, разыгрался особенно ожесточенный ночной бой. Позицию эту, расположенную в 15 милях от израильско-египетской границы, обороняла 2-ая египетская пехотная дивизия в состав которой входили 4 батальона пехоты, от 80 до 90 танков и шесть артиллерийских частей, вооруженных советскими 120-миллиметровыми и противотанковыми орудиями.

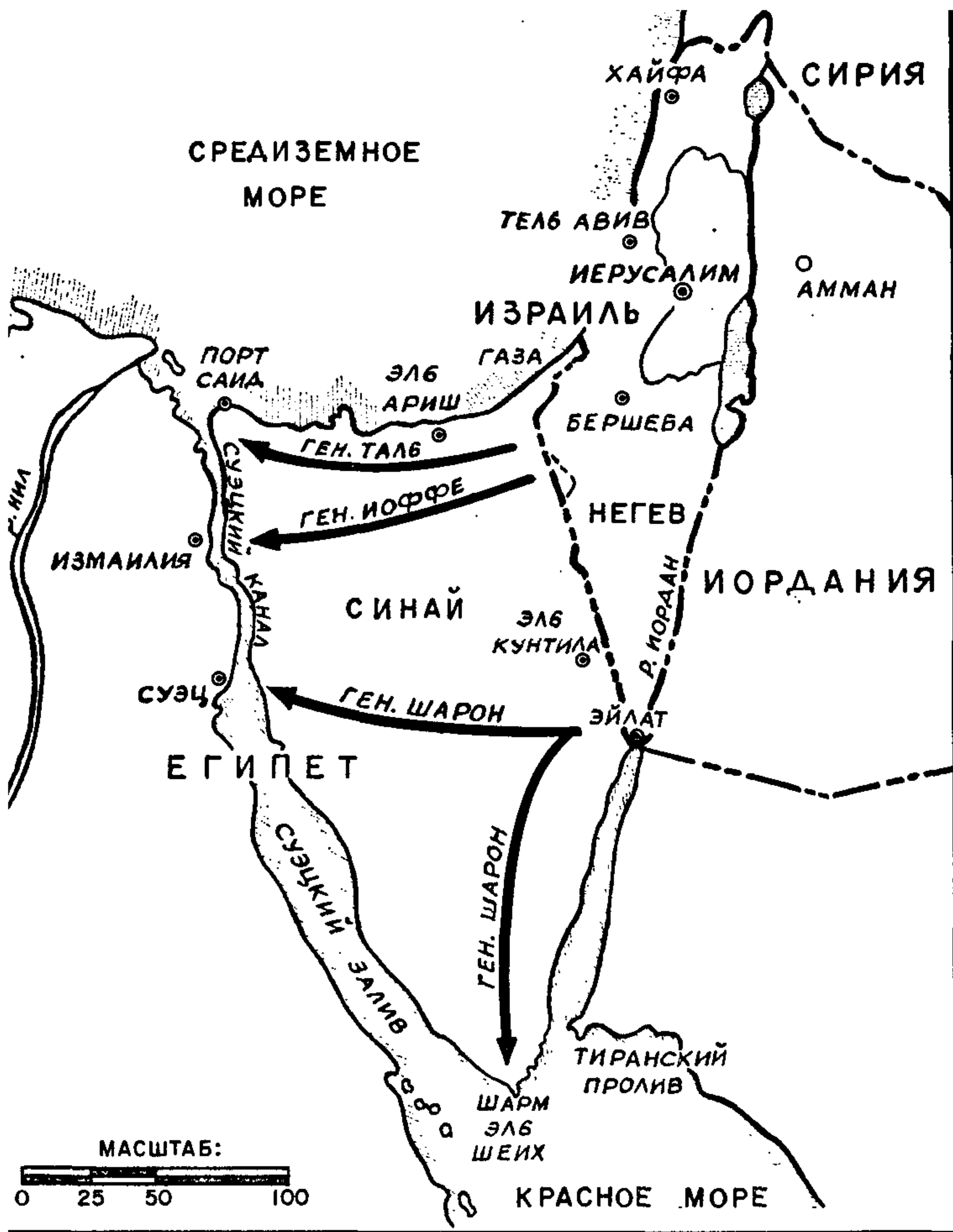
Бой продолжался сутки. Израильская танковая колонна зашла противнику в тыл. После ожесточенной артиллерийской подготовки ген. Шарон приказал танкам начать наступление. Израильская пехота одновременно атаковала траншеи, освещая себе дорогу факелами. В 6 часов утра Абу Агейла был в израильских руках.

В этом районе ген. Шарона ждал сюрприз. Передовые израильские колонны неожиданно увидели перед собой развернутую бригаду тяжелых танков «Сталин», за которыми стояла артиллерия. Израильские танкисты пошли в атаку. Расстояние между противниками сокращалось, но египетские танки не двигались

с места — такой выдержки и хладнокровия никто не ожидал... Минуту спустя выяснилось, что дело не в хладнокровии: танки и артиллерия были брошены на произвол судьбы и не сделали ни одного выстрела! В первой стадии войны 200 египетских танков были захвачены или уничтожены. Но главное и самое кровопролитное сражение у Митла Пасс, в котором участвовали с обеих сторон до 1.000 танков, продолжалось 24 часа и закончилось только в четверг 8-го июня.*) Египетская армия попала у Митла Пасс в ловушку. Это — узкое горное ущелье длиной в 15 миль. Только пройдя через него можно выбраться из Синая к Суэцкому каналу. Танки, грузовики, артиллерия, — все это было загнано по единственной шоссейной дороге в Митла Пасс и уничтожено, взорвано, сожжено. К этому времени в боях на фронте смогла принять участие и израильская авиация, покончившая с вражескими аэродромами.

— Это была Долина Смерти, — позже рассказывал ген. Шарон. — Я вышел из боя постаревшим. Сотни людей погибли. Всюду горели танки. Человеческая жизнь не стоила ни гроша. К тому же, танки подняли настоящую песчаную бурю и стоял страшный грохот. Кроме артиллерийской канонады и стрельбы танков, в воздухе гремели наши тяжелые транспортные самолеты «Стратокрейсеры», сбрасывавшие войскам воду и снаряжение на парашютах. И вертолеты, эвакуировавшие раненых! Все время взрывались грузовики со

*) Всего во время синайской кампании египтяне потеряли 700 танков. 600 были уничтожены и 100 захвачены неповрежденными.

Карта Синайской кампании.

снарядами и с горючим. Мертвые тела валялись повсюду...*)

В пятницу утром, 9 июня, кампания фактически была закончена. Израильские танковые соединения в 90 часов пересекли всю Синайскую пустыню, где температура днем превышает 100 градусов. Танки накалялись от солнца до такой степени, что прикосновение к металлической части голой рукой вызывало немедленный ожог и волдыри. Бойцев мучили тучи пыли, стоявшие над пустыней и страшная жажда. Солдаты в некоторых частях не спали три ночи подряд.

В пятницу днем командующего всем синайским фронтом генерала Гавиша вызвал по радио один из дивизионных командиров:

— Прошу разрешения вымыть ноги, — докладывал командир.

Генерал Гавиш онемел от удивления и негодования. Вымыть ноги?! Командир продолжал:

— Конечно, в Суэцком канале!

Так генерал Гавиш узнал, что израильские танковые части сломали последнее сопротивление и подошли к Суэцу.

Историю израильского «блиц-крига» сейчас изучают во всех военных академиях мира. Причины разгрома Египта были разного порядка: плохая подготовка египетской армии, техническая отсталость и неумение обращаться с современным оружием, беспечность командного состава, который позволил захватить себя врасплох. И конечно, отсутствие боевого духа в армии. Возможность физического истребления изра-

*) "The Keys to Sinai" by Randolph and Winston Churchill.

ильского населения оказалось для египетского солдата недостаточным стимулом.

Когда-то президента Хаима Вейцмана спросили, как он объясняет неудачу египетской армии, напавшей на Израиль в 1948 году?

Вейцман ответил:

— Солдаты были слишком худыми, а офицеры слишком толстыми.*)

Два десятилетия спустя объяснение д-ра Вейцмана все еще остается правильным.

**

Мирный пейзаж кончился. Мы летим теперь над бывшими местами сражений. Вот она, Газа, узкая песчаная полоса вдоль берега, 25 миль в длину, 8 миль в ширину. И на этой полосе бедной земли ютятся 300.000 жителей, из которых 200.000 — беженцы. Сверху город кажется гигантскими сотами. Куда хватает глаз вытянулись унылые глиняные домики и бараки, в которых двадцать лет томятся беженцы, мечтая о том дне, когда будет достигнуто соглашение, или когда Израиль сотрут с лица земли, и арабам вернут их дома и земли... Проблема беженцев могла быть разрешена давным давно, если бы этого захотели арабские лидеры. На Среднем Востоке есть сколько угодно свободной земли и нашлось бы достаточно денег, чтобы устроить новую жизнь этим несчастным, ожесточенным людям. Но беженцы нужны Насеру и Хусейну, как оружие против Израиля, как постоянное напоминание о том, что «палестинский вопрос» не разрешен. В бе-

*) "A History of the Jews" by Abram Leon Sachar, p. 445, Alfred Knopf, New York.

женских лагерях параноик Шукри создал свою «Палестинскую армию освобождения», на которую была возложена ответственная задача: вырезать всех евреев Израиля. Шукри больше нет, но последователи еще сегодня вербуют в лагерях террористов Эль Фатах. Двадцать лет в этих глиняных домиках, в этой жаре и грязи, без права уехать хотя бы в тот же Египет или в Иорданию, — было от чего прийти людям в отчаяние!

В самой Газе не видно зеленого деревца. Только за пределами города есть апельсиновые рощи и оливковые деревья и небольшие сады или огороды. Арабы до сих пор пахут свою землю деревянными плугами, точно так, как пахали землю египетские феллахи две и три тысячи лет назад. Ничто не меняется в Газе. Даже при нормальных обстоятельствах, Газы может прокормить не больше 60.000 своего населения. Беженцы существуют на убогие пайки Объединенных Наций, а среди коренного населения число безработных достигало в 68 году 40 процентов.

Зелень быстро кончилась, снова надвигаются бескрайные пески пустыни. Посреди дюн вьется черной змейкой дорога, ведущая на Эль Ариш. Именно в этих местах была разгромлена 7-ая танковая дивизия Египта. Но и израэли понесли здесь не малые потери. Эль Ариш был окружен минными полями и на первой линии укреплений стояла артиллерия, 120-миллиметровые советские орудия, открывшие по израильским танкам ураганный огонь. В первые же минуты сражения шесть израильских танков были уничтожены. В этом бою пали 35 командиров танков, включая командира бригады. Процент жертв в командном составе израильской армии в Шестидневную войну необычайно высок,

— едва ли не треть всех погибших были офицеры, которые всегда шли впереди, увлекая за собой солдат. Танковые командиры гордились тем, что во время атаки никогда не закрывали башенку, в которой стояли, чтобы иметь перед собой широкий вид на поле битвы. Это мужество многим стоило жизни.

От Эль Ариша наш самолет круто свернул на юг и полетел над Синаем. Море осталось позади. Внизу скалы, песок, сожженная солнцем земля. Где то в этой обездоленной пустыне живут единственные ее обитатели бедуины, несколько тысяч кочевников, перегоняющих своих верблюдов и коз с места на место, в поисках воды и кустарника, который служит пищей скоту.

С приходом израильской армии в Синай положение кочевников улучшилось. Появился водопровод, проложенный через всю пустыню. Теперь не приходится делать длинных переходов, чтобы наполнить бурдюки и напоить скот. Достаточно открыть для этого водопроводный кран... В августе 68 года, через год после войны, шейх Ид Абу Абдуллах созвал бедуинов пустыни на большой праздник «хафлех», продолжавшийся весь день и всю ночь. Съехались десять тысяч бедуинов и были приглашены 200 офицеров израильской армии. Израэли показали старшинам бедуинских племен фильм «Меч Али Баба». Бедуины устроили верблюжьих бега, пели, танцевали и зажарили бесчисленное количество баранов. В заключение, шейх Ид Абу Абдуллах торжественно заявил о нерушимой верности бедуинов Синая израильскому государству, которое отнеслось к ним с уважением, как к равным, и предоставило им полное самоуправление.

В самом центре Синая пересекаются четыре дороги. Одна ведет в Исмаилию, к Суэцкому каналу; другая в Бершебу, в Израиль. Дорога на север доходит до Эль Ариша, а южный путь — к берегу Красного моря и к Шарм Эль Шеиху, — тому самому пункту на южной оконечности Синая, где Насер пытался закрыть Тиранский пролив для израильской навигации и, тем самым, вызвал войну... Но все это еще впереди. А сейчас пейзаж меняется. Плоскую пустыню, песчаные дюны и высохшие вади, русла дождевых потоков, сменяют голые горы. Центральное плато Синая — это дикое нагромождение гор, какой то безжизненный лунный пейзаж, первозданный хаос. Самолет начинает покачиваться, появляются воздушные ямы, и мы время от времени «падаем» вниз, пока летчик планирует и умело выправляет курс. Несколько пассажиров уже чувствуют себя дурно. Стюардесса предлагает мокрые полотенца, приносит гигиенические мешки на случай тошноты... И, правда, ощущение во время этой части полета в горах не из очень приятных. Но то, что видно в окно самолета настолько интересно, что невольно забываешь о плохом самочувствии.

— Что это? — спрашиваю я у гида Энав Михаэля, который все знает, вплоть до военной стратегии генерала Рабина и Даяна во время войны.

Внизу, вдоль дороги, ведущей к Суэцкому каналу, видны какие то разбросанные в беспорядке спичечные коробочки.

— Сейчас я попрошу нашего пилота немного снизиться и вы увидите, в чем дело.

На минуту он скрывается в кабине летчика и самолет начинает снижаться... Мы летим всего на высоте нескольких сот футов от поверхности и теперь я вижу, в чем дело: эти спичечные коробочки быстро вырастают и превращаются в разбитые египетские танки с вывороченными внутренностями, перевернутые и сожженные грузовики, брошенные артиллерийские повозки. Сколько их!

— Тысячи, — отвечает Михаэль. — Но это ничто по сравнению с тем, что можно было увидеть раньше, сейчас же после окончания войны. Все, что имело какую-либо ценность и могло быть использовано для нужд армии, уже вывезено из пустыни. На месте оставили только железный лом... Теперь смотрите в окно, прямо перед собой: видите это узкое ущелье, горную дорогу, на которую со всех сторон надвигаются скалы? Это и есть Митла Пасс, где погибли остатки египетской армии. За ущельем, по ту сторону гор, видна голубая полоска воды. Это Суэцкий канал. Добраться до канала можно только через Митла Пасс. Но когда египетские колонны подошли к ущелью, опередившая их танковая часть полковника Иска — открыла ураганный огонь. Единственный путь к отступлению был отрезан. Всю ночь танкисты Иска выдерживали натиск численно их превосходившего и отчаявшегося противника. К утру в дело вступила авиация и подоспели другие части генералов Иоффе и Шарона.

Чтобы открыть проход египетское командование бросило в бой свои последние резервы, вызванные из Суэца: бригаду тяжелых танков «Сталин» и танков Т-55. Участники боя вспоминают о нем с содраганием. Египетские танки пытались взобраться на гору горев-

ших танков, закрывших проход, и тут же взрывались сами и начинали гореть. Бой продолжался весь день и всю ночь со среды на четверг 8 июня. Небо над пустыней было багровым от зарева пожаров. Горели цистерны с нефтью, клубы ядовитого черного дыма стелились над пустыней, усеянной телами убитых и раненых... Свыше 10.000 египтян полегли в Синае, тысячи других, умирающих от жажды, были взяты в плен.

«И избавил Господь в день тот Израильтян из рук Египта, и увидели сыны Израилевы Египтян мертвыми на берегу моря». Эти слова из книги Исхода могли бы послужить эпитафией к Синайской кампании.

Война еще не была кончена. Израиль воевал одновременно на других фронтах. В эти самые дни был взят Старый Город в Иерусалиме, разгромлены Иордания и Сирия, оккупирован весь западный берег Иордана и сирийские высоты Голана.

...Самолет наш снова летел на юг, вдоль Суэцкого залива. Как быстро изменилась здесь обстановка! К осени 68 года египетская армия закончила свое перевооружение, получив от Сов. России 200 новых самолетов типа МИГ-21 и Сухой 7. На египетской стороне канала были выставлены 600 орудий разного калибра, новенькие «Катюши» и 155-миллиметровые минометы. Насер достаточно окреп, чтобы приступить к осуществлению второй части своего плана, к так называемым «превентивным оборонительным операциям».

После года сравнительного затишья на линии перемирия, небольшие группы египетских солдат по ночам стали переправляться в резиновых лодках на оккупированный берег канала, чтобы заложить на доро-

ге мины или напасть из засады на израильский патруль. В сентябре было решено испробовать новые советские орудия. В течение четырех часов египтяне бомбардировали израильские позиции. Израильская артиллерия ответила бомбардировкой Порта Суэца и Исмаилии. Снова над каналом поднялись густые клубы черного дыма, — горели цистерны с египетской нефтью.

С этого дня столкновения участились. 26 октября египтяне открыли огонь вдоль всего канала, выпустив по израильским позициям свыше 10.000 снарядов. 15 израильских солдат были убиты, 34 ранены. Ответ министра обороны Даяна не заставил себя ждать. Темной ночью, неделю спустя, израильское командо, повидимому доставленное на вертолете, проникло вглубь египетской территории. Участники этой экспедиции взорвали два моста на Ниле и гигантскую передаточную электростанцию на линии связи Ассуан-Каир. Командо произвело эти диверсионные операции всего в 180 милях от Ассуанской плотины, где под руководством советских специалистов идет строительство гидроэлектрических станций, от которых зависит все экономическое будущее Египта. Каким образом, после всех заверений Насера о боевой готовности и бдительности египетской армии, израильское командо могло безнаказанно проникнуть вглубь Египта, оказавшись чуть ли не по соседству с Ассуанской плотинной?

Во время моего посещения Израиля, весной 68 года, беспокойной считалась только граница вдоль реки Иордан, где террористы непрерывно нарушали перемирие. Шесть месяцев спустя орудия гремели уже на Суэце. Началась, в довольно крупном масштабе, ре-

петиция надвигающейся четвертой арабо-израильской войны.

Но в тот день, когда мы летели вдоль Суэца, картина была еще почти идиллической... Самолет наш быстро приближался к горе Синаю, на которой Господь дал Моисею каменные скрижали с Заповедями.

ИЕРИХОН БЕЗ ТРУБНОГО ГЛАСА

«В третий месяц по исходе сынов Израиля из земли Египетской, сказано в книге Исхода, в самый день новолуния, пришли они в пустыню Синайскую... и расположился там Израиль станом против горы».

Самолет «Аркия», летевший на юг, приближался к этой Синайской горе, на вершину которой некогда поднялся Моисей, чтобы услышать глас Божий. «Гора же Синай вся дымилась от того, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась; и звук трубный становился сильнее и сильнее. Моисей говорил и Бог отвечал ему голосом».

Гора Синай — арабы называют ее «джебель Муса» — больше не дымится. Это самая высокая гора в Синае и, вероятно, поэтому народная традиция тысячелетия связывает ее с восхождением Моисея для беседы с Господом. Значит, где-то внизу, в котловине, стояли Двенадцать колен израилевых, расположившихся станом, и здесь же был отлит и воздвигнут злополучный золотой телец.

У подножья Синайской горы виден древний греческий монастырь св. Екатерины, воздвигнутый еще в VI веке по приказу императора Юстиниана I. С высоты, на которой летит самолет, можно разглядеть мо-

настырские строения, обнесенные высокой каменной стеной, красные черепичные крыши, храм и пальмовую рощицу, чудесный зеленый оазис в этой дикой, безводной пустыне. В былые времена монастырская братия насчитывала до 300 иноков, а теперь спасаются здесь всего девять монахов.

В лето 1584 года добрался до монастыря св. Екатерины московский купец Трифон Коробейников «с товарищи». От царя Ивана Васильевича передал он братии монастырской «пять сот рублей в синайскую гору, на сооружение церкви великомученицы Екатерины». А другой паломник «земли российские» диакон Иона, по прозвищу «маленький», побывал у св. Екатерины в 1651 году и сокрушался. В монастырь, писал Иона «приходят те Арабы на всякий день по двести человек, и все те емлют оброки свои с монастыря: муку пшеничную, и соль, и масло, и лук. Егда же старцы корма не дадут, и они старцев камением бьют за монастырем. И видели есми великое насилие от тех Арабов старцом Синайские горы, и како они могут терпеть от них великое насилие. А старцы в том монастыре к Богу добре подвижны».

Славится библиотека монастырская, подлинная сокровищница древних христианских манускриптов. В середине прошлого столетия немецкий ученый, посетивший монастырь св. Екатерины, нашел выброшенный в мусорный ящик древнейший список Нового Завета, так называемый «Кодекс Синайтикус», теперь гордость Британского Музея.

До Шестидневной войны монастырская жизнь шла размеренно и монотонно. Редко появлялись здесь паломники. Но с тех пор, как Синай открыт для изра-

ильских туристов и установлено регулярное сообщение, в монастырь приезжают на ночевку целые караваны, до тысячи посетителей в неделю. Ночуют они в монастырской гостинице и в 3 часа утра начинают восхождение на гору Муса — 7.100 футов над уровнем моря! — с тем, чтобы встретить на самой вершине восход солнца.

Гималайский пейзаж сменяется песками. Мы летим прямо на юг, навстречу Красному морю. Вдоль берега Суэцкого залива видны нефтяные вышки. Оккупация Синая, имевшая по началу чисто стратегическое и военное значение, оказалась выгодной Израилю даже с точки зрения экономической. Не в пример соседним арабским странам, Израиль беден нефтью и на своей территории добывает не больше десяти процентов всего количества горючего, нужного для домашнего потребления. Синайские нефтяные вышки покрыли недостаток. Появились даже излишки для экспорта.

Кончились горы, самолет больше не качает. Перед нами — Красное море, за ним бескрайние пески Саудовской Аравии. Небо цвета синьки. На самой оконечности Синая — острый мыс, уходящий в море, «Перст Магомета». Неужели эти два десятка жалких домиков, расположенных на плоском берегу, у входа в Тиранский пролив и есть Шарм Эль Шеих, о котором писали газеты всего мира? 22 мая 1967 года Насер заявил, что он блокирует Тиранский пролив у Шарм Эль Шеиха. В этот же день, по требованию Насера, услужливый генеральный секретарь У-Тан убрал из Газы и Шарм Эль Шеиха контрольные части ООН. С каким торжеством Насер объявил по радио, что он готов к «тотальной войне» и что Тиранский пролив уже «мини-

рован»! — Занятие Шарм Эль Шеиха, сказал 26 мая Насер, означает неизбежное столкновение с Израилем. **На этот раз война будет общая, и наша цель — уничтожение Израиля!** Как многое из того, что говорил тогда египетский диктатор, минирование пролива оказалось арабской сказкой. Позже в проливе не нашли ни одной мины... Фактически, первый акт войны и агрессии разыгрался не 5 июня, когда израильские самолеты бомбардировали арабские аэродромы, а еще 22 мая, здесь, в день объявления блокады пролива.

Шарм Эль Шеих был взят израильскими войсками на третий день войны. Парашютистов, высадившихся с вертолетов у самого «Перста Магомета», ждало разочарование: их опередили три израильские канонерки, пришедшие за несколько часов до десанта из Эйлата. Египетский гарнизон бежал, не оказав никакого сопротивления.

Вся эта местность носит весьма унылый и прозаический характер: голый мыс, несколько домиков, батарея орудий и бело-голубой флаг на мачте, со щитом Давида... Есть здесь небольшой израильский гарнизон, который символизирует «политику присутствия». Бесконечно, монотонно тянутся дни и ночи. Единственное развлечение для солдат — это купанье в бухте и экзотические рыбы, которыми богаты коралловые рифы. И еще судно с почтой, с продуктами и с пресной водой, приходящее из Эйлата. В Шарм Эль Шеихе нет своей пресной воды... После месяца службы на этой опаленной солнцем земле, солдатам гарнизона дают недельный отпуск для поездки домой, к семье. Неделя проходит незаметно, а дальше опять — синее море, Тиранский остров, лишенный какой либо расти-

тельности, мучительный зной пустыни. По ночам отшельники видят вдали огни Эйлата, который кажется им какой-то недостижимой мечтой.

В Эйлате была трехчасовая остановка, чтобы дать нам возможность выкупаться в море, позавтракать в отеле «Квин Шибя» и немного отдохнуть. Помню: в прошлый приезд в Эйлат аэродром показался мне раскаленной печью, словно огненные языки лизали лицо и руки. Но было это в августе, и термометр тогда показывал 120 градусов в тени. А теперь — весна, май, в Эйлате приятная, сухая жара.

Многое изменилось вокруг за последние три года. Эйлат расположен на стыке трех враждебных государств: с одной стороны Египет, с другой Иордания и Саудовская Аравия. Но было здесь до войны сравнительно тихо, и близость границы ощущалась как-то теоретически. Теперь по дороге ведущей с аэродрома в город все время видны укрепления, артиллерийские батареи, танки, и попадаются группы военных с автоматами «Юзи» за плечами. Удивляться не приходится, — израильские газеты периодически сообщают, что в этом районе пограничная стража перехватывает по ночам группы Эль Фатах, пробирающиеся из Иордании для совершения террористических актов.

Всюду после Шестидневной войны границы Израиля раздвинулись, далеко отошли от населенных центров. Жить в городах стало безопаснее. Но не в Эйлате. Граница по-прежнему рядом. С террасы нашего отеля отлично видно все, что происходит в соседнем

иорданском городе Акаба. Опасность близка, и люди всегда начеку. И все же, нормальная жизнь продолжается. Открыты кафе и рестораны, в местном кинематографе идет «Бонни и Клайд», — фильм «дублирован», и бандитская чета изъясняется между собой во время ограбления банков на языке Библии! Отель «Квин Шибба» переполнен туристами до такой степени, что в столовой с трудом можно найти свободное место за столом. На пляже много купающихся, а в порту грузят десятков пароходов, идущих в Азию и Африку.

Через Эйлат уходят на Дальний Восток поташ и фосфаты, добываемые в Мертвом море, и еще медная руда, которую доставляют в порт грузовики из Негева. В Эйлат из Персидского залива приходит нефть, отсюда ее перегоняют по нефтепроводу в Хайфу. Быстро растет Эйлат, южные ворота Израиля, единственный его выход в Индийский океан. Уже осуществляется план второго нефтепровода из Эйлата в Ашдод, на берегу Средиземного моря, и разработан проект «сухопутного моста» из того же Ашдода в Эйлат. Ничего нового в этом нет — еще в библейские времена караваны верблюдов с товарами из Индии и Персии шли из Эйлата, через пустыню, в сторону Ашдода и Ашкелона.

**
*

Купанье в Красном море освежило нас не на долго. Вода прохладная, прозрачная, чистоты необычайной, но через пять минут после того, как выйдешь на берег — снова жарко, и хочется закрыть глаза от безжалостно ослепляющего солнца. Жаль, нет времени, нельзя покататься на лодке со стеклянным дном и поглядеть

на кораллы и на экзотических ярких рыб, которыми славится этот залив. В третьем часу дня надо ехать обратно на аэродром и когда попадаем мы, наконец, в самолет, охлажденная кабина кажется неземным раем.

Внизу, под нами, раскрывается необыкновенная панорама Негева. И в Негеве, в центральной его части, есть горное плато, но по сравнению с синайскими горами оно кажется каким-то миниатюрным. Горы здесь цветные. Соломоновы Столбы, мимо которых мы пролетаем, красноватые. Здесь, при царе Соломоне, тысячи рабов трудились на медных рудниках, остатки которых сохранились до наших дней. Поблизости город Тимна — современные медные рудники Израиля, а дальше снова горы — желтые, зеленые, словно покрытые ярким плюшем.

В прошлую поездку отправился я на Мертвое море в туристическом автокаре, который медленно и осторожно спустился с гор, мимо Содома, в самое низкое место на земном шаре. Неутомимый паломник Трифон Коробейников побывал в этих местах в 1584 г. и писал: «А из моря Содомского, исходит смола горячая черная и сера горючая, аки глыбы; а животного в себе море Содомское ни чего не имеет; а пити тою воду никому не мочно, по тому что та вода всяко животное в себе уморяет. А море не велико: обходу круг того моря 5 дней. И ту смолу емлют и мажут виноград, на котором червь появился, и тою смолою черви уморяют; а серу емлют и продают купцам, а купцы тою серою конопатят корабли, которые ходят по чермному морю».

До Шестидневной войны Мертвое море только на-

половину принадлежало Израилю, наполовину — Иордании. На южном берегу устроены варницы, куда вода отводится по каналам, быстро испаряется и оставляет на дне слой поташа и других минералов. Теперь все Мертвое море в руках Израиля, работы по его эксплуатации ведутся в значительно более широком масштабе.

Сверху, с большой высоты, на которой мы летим, изумрудное море лежит, как на ладони, — видны все его 1.000 кв. километров, и все оно у южного берега изрезано на квадраты, на варницы, и на берегу установлены какие-то машины. Директор «Паза» М. М. Шерман сказал мне, что сейчас в Мертвом море начали бурить скважины, ищут нефть, которая здесь, несомненно, имеется, потому что в его водах находят различные нефтяные субпродукты. Химическая промышленность Израиля расположена на этих обездоленных берегах, где не может жить ни человек, ни зверь, где не растет даже кустарник пустыни.

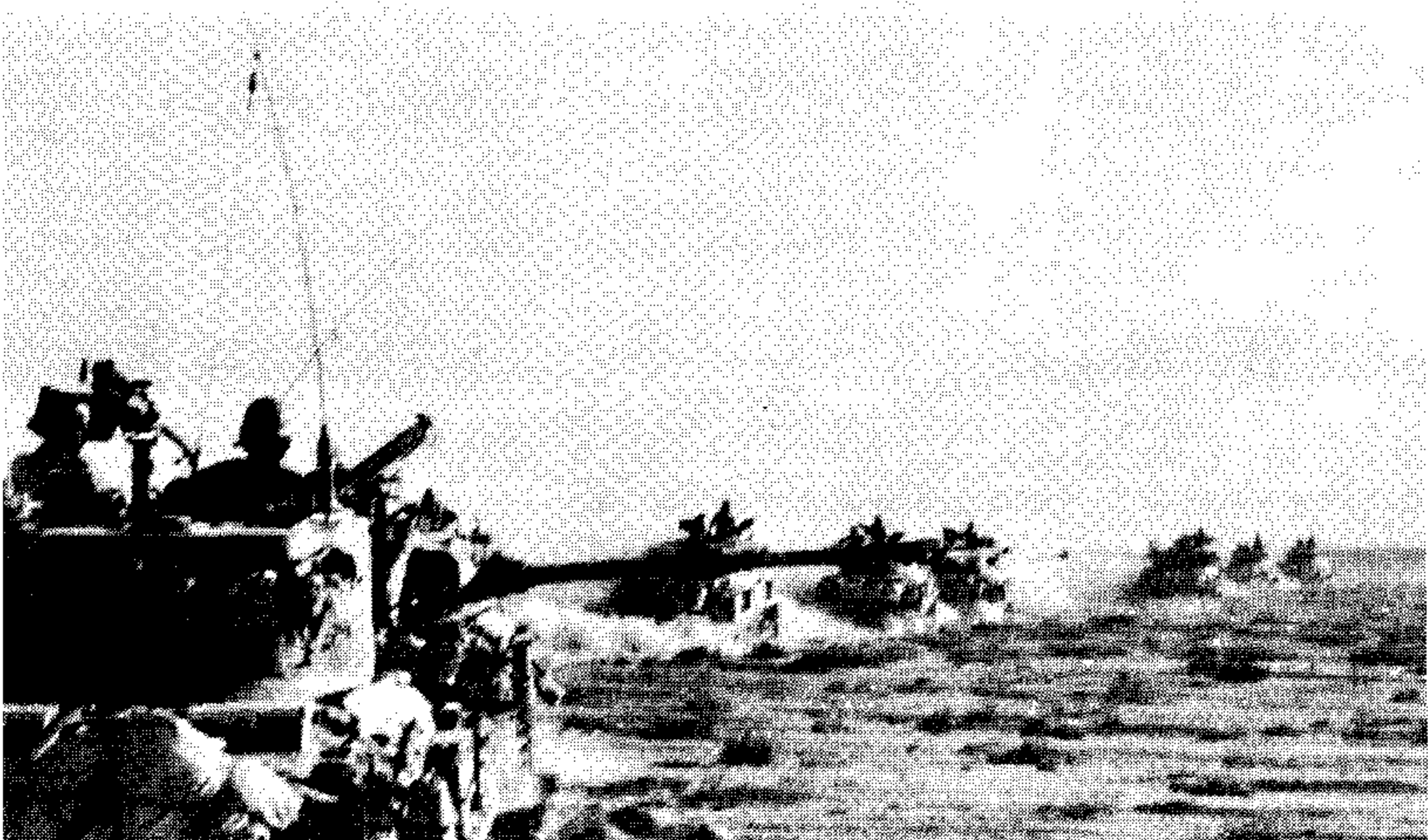
Виды в окне самолета сменяются с необычайной быстротой. Только что было Мертвое море, а вот уж историческая крепость Массادا, являющаяся символом еврейского героизма. С высоты Массادا кажется кораблем, выброшенным в пески пустыни. Здесь в 73 году нашей эры разыгрался заключительный эпизод в борьбе иудеев с римлянами. После долгой осады, 970 «зелотов», защитников крепости, покончили самоубийством, не желая попасть живыми в руки римлян*) Дважды самолет описывает широкий круг над Массадой. Отчетливо видны на вершине крепости остатки

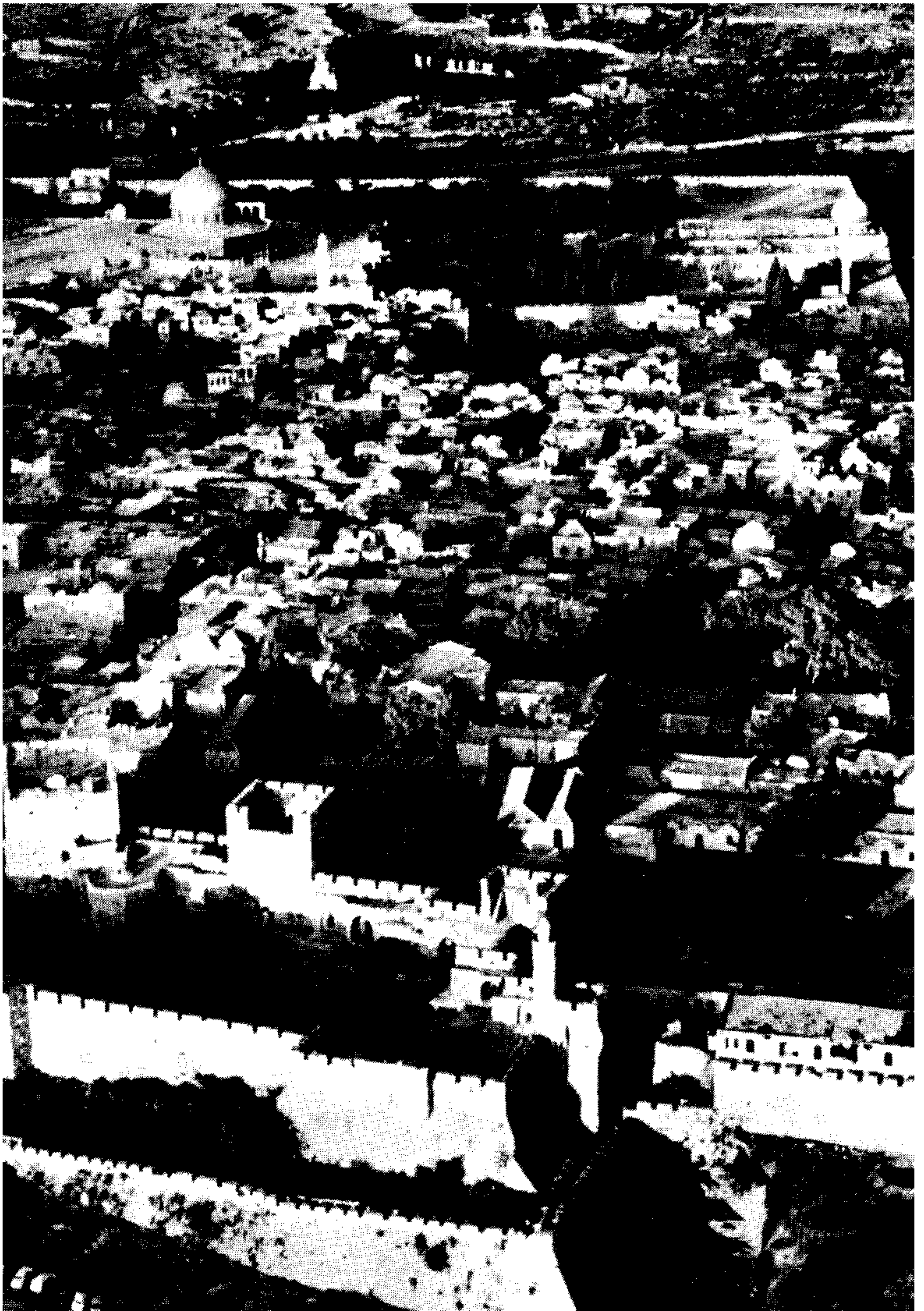
*) История Массады подробно описана в моей книге «Земля Обетованная», стр. 48-49; 141; 197-199. А. С.

Синайская кампания: уничтоженные египетские самолеты

Израильские танки в Синайской пустыне

дворца Ирода, три террасы с висячими садами, бассейнами, казармы, склады продовольствия. Видна «Змеиная тропа», ведущая из долины в Массаду и та самая насыпь, которую соорудили римские легионеры от подножья до самой вершины горы, чтобы по ней начать штурм крепости. Массادا пала. Но в современном Израиле каждый школьник и каждый солдат помнит лозунг, который звучит, как присяга:

— Массада не должна снова пасть!

За последние 20 лет израэли трижды сдержали свою клятву.

**
*

Кончилась пустыня, мы летим над западным берегом Иордана. Вся эта территория была оккупирована Израилем в два июньских дня 67 года.

Историки Шестидневной войны будут, вероятно, долго ломать себе голову над вопросом: что заставило короля Хусейна вступить в войну против Израиля, которую он не мог выиграть ни при каких обстоятельствах?

Иорданская армия, в последний момент поставленная под команду египетского генерала, открыла артиллерийский огонь в первый же день войны вдоль всей израильской границы. Еще накануне, через нейтральных дипломатов, Хусейн получил заверения, что если он не вступит в войну, Израиль гарантирует неприкосновенность границ королевства. И все же, Хусейн войну начал. В течение двух дней иорданская артиллерия непрерывно обстреливала израильскую часть Иерусалима, причинив городу большие повреждения. Иор-

данские самолеты бомбардировали Натанью, дальнo-бойные орудия открыли огонь по Тель Авиву.

В первый день войны все внимание израильского командования было сосредоточено на уничтожении египетской авиации и на прорыве синайского фронта. Когда эти первые объективы были достигнуты, проби́л час расплаты для Иордании.

7 июня, после кровопролитного боя, был взят Старый город в Иерусалиме. Но еще накануне моторизованные израильские части проникли на иорданскую территорию. Один за другим пали города Дженин, Рамалла и Наблус, где живут последние самаритяне. Сколько их осталось, этих загадочных потомков ассиро-вавилонян, принявших еврейство в незапамятные времена? Горсточка: 250 самаритян живут в Наблусе и 150 в Израиле, неподалеку от Тель Авива. Они говорят на языке Библии, но признают только Пятикнижие, отвергая все остальное в Ветхом Завете, не признают Талмуд и поздние писания ученых раввинов.

В 3 километрах от Наблуса высится гора Геризим. Это — святая земля самаритян. На вершине горы — усыпальница Иосифа, которого самаритяне считают своим прародителем. На Геризиме проводят они все семь дней Пасхи. В первый вечер Пасхи самаритяне приносят в жертву семь агнецов «без порока, мужского пола». Пока ягнят жарят в печи, Первосвященник читает главу 12-ую книги Исхода. И жертвенного агнеца, как предписано в Пятикнижии, едят они в эту же самую ночь, с опресноками и горькими травами:

— Ешьте же его так: пусть будут чресла ваши перепоясаны, обувь ваша на ногах ваших, и посохи ваши

в руках ваших, и ешьте его с поспешностью: это — Пасха Господня.

Так сказано в книге Исхода и так поступают самаритяне — едят ягненка с поспешностью, перепоясав чресла свои.

Евреи всегда отвергали самаритян за их религиозную ересь, но сами самаритяне считают себя единственными настоящими сынами Израиля.

В Наблусе у самаритян имеется старая синагога, в которой хранится древнейший, тысячелетний свиток Торы. По субботам, как это делают все евреи в синагогах за утренней службой, самаритяне читают главу из Торы.

Почти одновременно с Наблусом, израильской армией взяты были Вифлеем и один из древнейших городов в мире Хеврон с его усыпальницами патриархов Авраама, Исаака и Иакова и их жен Сарры, Ревекки и Лей... Сказано в книге Бытия: «Дней жизни Авраамовой, которые он прожил, было сто семьдесят пять лет; и скончался Авраам, и умер в старости доброй, престарелый и насыщенный жизнью, и приложился к народу своему. И погребли его Исаак и Измаил, сыновья его, в пещере Махпеле, на поле Ефрона, сына Цохара, Хеттеянина, которое против Мамре, на поле и в пещере, которые Авраам приобрел от сынов Хетовых. Там погребены Авраам и жена его Сарра».

С Хевроном у израэли связаны тяжелые воспоминания. Во время беспорядков 1929 года местные арабы вырезали все еврейское население города. После Шестидневной войны в Хевроне снова поселились евреи, — небольшая ортодоксальная группа, отстаивающая свое право жить поблизости от могил патриархов.

Усыпальница Авраама и его сыновей почитается не только евреями, но и мусульманами, которые воздвигли над «Махпела», на древнем фундаменте эпохи Второго Храма, свою мечеть. Во времена арабского владычества евреям и христианам было запрещено спускаться ниже шестой ступеньки внешней лестницы. Теперь этот семисотлетний запрет, конечно, снят. После долгих трений, между израильским командованием и арабскими лидерами было достигнуто соглашение. Представители каждой религии получили определенные часы для посещения «Махпела» и для молитвы в усыпальнице. Прошло всего несколько дней после заключения этого соглашения, и в праздник Кущей 17-летний арабский террорист бросил в толпу евреев, молившихся у могил патриархов, гранату. Взрывом были ранены 48 человек, некоторые получили тяжелые ранения. Но на второй день праздника еще большая толпа евреев пришла молиться в «Махпела», — арабский террор только укрепляет в израэли решимость и волю к сопротивлению.

**
*

Во время Шестидневной войны в Наблусе колонну израильских танков ждала неожиданная встреча. Население города выстроилось по обеим сторонам главной улицы, бурно приветствуя солдат. Танкисты, тронутые таким горячим приемом, высунулись из башенок и начали отвечать на приветствия... Недоразумение разъяснилось только, когда израильский офицер подошел к одному из наиболее восторженных арабов и попытался отобрать у него ружье. Араб начал

сопротивляться. Офицер выпустил из своего автомата очередь в воздух. И толпа в мгновение ока разбежалась.

Оказалось, жители Наблуса были убеждены, что в город вошла иракская танковая часть, прибытия которой ждали с часу на час. Иракских танкистов нужно было встретить, как союзников. Началась беспорядочная стрельба из домов... За городом развернулся более серьезный бой с иорданскими танками. В два часа дня все сопротивление было сломлено, и танки уничтожены.

Наступил черед Иерихона. В библейские времена Иерихон был первым городом, который взяли сыны израилены по вступлении в Землю Обетованную. Шесть дней воины Иисуса Навина обходили вокруг стен иерихонских и священники трубили, пока на седьмой день не рухнули стены города... На этот раз, в Шестидневную войну, конец пришел для Иерихона гораздо быстрее.

Танковой бригадой, которая вела наступление на Иерихон, командовал полковник Ури Бен Ари.

— Мы захватили с собой несколько труб, — все, что нам было нужно, — позже рассказывал Ури Бен Ари. — Дорога к Иерихону трудная. Разведчики донесли, что в десяти километрах от нас расположились вражеские танки «Пэттон»... Иерихон открылся на дороге внезапно и за ним — Мертвое море. Мы двинулись в двух направлениях. Один батальон атаковал наиболее укрепленное в Иерихоне полицейское здание. Другой батальон прошел через город, затем повернул назад. Стрельба продолжалась всю ночь. На утро мы «прочесали» Иерихон еще раз и тогда наступила тишина.

С высоты, на которой летел наш самолет, Иерихон казался зеленым прекрасным оазисом. Из за обилия воды город всегда славился своими садами. В момент приближения израильских войск большая часть населения бежала. Слишком велик был соблазн: мост Алленби, переброшенный через Иордан, расположен всего в десятке километров от города. Потом, после окончания войны, иерихонцы начали постепенно возвращаться домой.

— Почему вы бежали? — спрашивали у них израильские журналисты.

— Потому что по радио говорили, что надо бежать. Говорили, что израэли вырежут всех арабов. Что израильские солдаты грабят и насилуют женщин. Население было напугано. Мы не знали, что нам говорят неправду.

Иордан был разгромлен в два дня. Арабский Легион в Иерусалиме сражался мужественно, но когда Старый Город пал — все пришло в расстройство и уж ничто не могло остановить полного разгрома иорданской армии. По словам Хусейна, Иордания потеряла за два дня 14.000 солдат убитыми, свыше 100 танков, 39 самолетов. И Старый Город Иерусалима стал нераздельной частью столицы израильского государства.

Путешествие наше кончилось. Еще несколько минут, и Иерусалим вырос на горизонте, среди Иудейских гор, во всем своем царственном великолепии. Был час вечерний, когда муэдзины на минаретах призывают к молитве, и когда камни Иерусалима розовеют в лучах

заходящего солнца. В прозрачном, хрустальном иерусалимском воздухе сначала виден был только золотой купол мечети Омара. Потом начали вырисовываться другие здания и памятники — высокая колокольня православного монастыря на Елеонской горе, башня Давида на горе Сионской, университет на горе Скопус и бесчисленные соборы, церкви и монастыри. И, главное, зеленые сады и виноградники, окружающие кольцом древний город.

Иудейские горы каменисты и голы, лишены всякой растительности. Такими остались они на иорданской стороне. Но со стороны Израиля на горах устроены террасы и десятки километров каменистой пустыни и гор зазеленели и зацвели виноградниками и апельсиновыми рощами. С высоты, на которой мы летели, куда хватал глаз было видно, что каждый клочок земли любовно возделан, распахан, засажен. Как на шахматной доске протянулись по линейке рядами плодовые деревья. Много труда и любви вложили люди в эту землю, чтобы снова превратить пустыню в цветущий сад.

И этот незабываемый по своей красоте вид Иерусалима с воздуха, города, тонущего в зелени и в садах, бесспорно, самое прекрасное, что довелось мне увидеть в Израиле.

ДОРОГА НА ДАМАСК

Закат догорал над древней Тивериадой, над тихими водами Галилейского моря. Вода лениво плескалась у подножья римской башни, а за башней, далеко, на горизонте, видна была вечно снежная вершина горы Хермон. Снег на Хермоне, а на дороге, по которой мы едем к кибуцу Эйн Гев, 90 градусов жары, одуряюще сладко пахнут олеандры и на плантациях созревают бананы.

Тивериада окружена гробницами великих раввинов и еврейских мыслителей. Здесь, в этом городе, был составлен «Иерусалимский Талмуд». У городского парка покоится Маймонид из Кордовы — евреи называют его «Рамбам» — имя составилось из инициалов: Рабби Моше Бен Маймон. Рамбам был величайшим ученым, мыслителем и писателем своего времени. Его «Мишна» до сегодняшнего дня считается сводом всех законов еврейской религии. Рядом с могилой Маймонида упокоился мудрец Иоханаан Бен Закхай, живший во времена разрушения римлянами Второго Храма. И еще — рабби Акива. Он был духовным учителем Бар Кохбы, восставшего против римского владычества, и римляне в застенке содрали с раввина кожу. Здесь же священная могила рабби Меира «дающего свет»... Это все для еврейских паломников. А христиане смотрят

с волнением на воды Галилейского моря, по которым плыл Христос в утлой рыбацкой барке. Здесь, у этих берегов, всегда жили рыболовы, и здесь встретил Он «Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающего сети в море»... И сюда пришел Иоанн Креститель из пустыни иудейской в одежде из верблюжьего волоса, и Христос «крестился от него» на соседнем Иордане.

Места эти запоминаются на всю жизнь, с первой поездки в Землю Обетованную.

Тут же, рядом, гора Блаженство, где Христос говорил свою Нагорную проповедь. На склонах этой горы захватила нас короткая летняя гроза. Где-то вдали громыхало, от порывов внезапно поднявшегося ветра низко клонились к земле олеандры в саду католического монастыря, и вода в Киннерете вдруг потемнела. Когда гроза кончилась, мы двинулись дальше, проехали по деревянному мосту через Иордан, в котором стояла еще высокая, весенняя вода.

Видел я в предыдущую поездку Иордан жарким летом, когда река обмелела. Местами ее можно было перейти вброд... Сто лет назад Марк Твэн писал, что в детстве Иордан представлялся в его воображении мощной рекой, длиной в четыре тысячи миль, чем то вроде Миссиссиппи. Позже, побывав в Палестине, он с разочарованием записал в своем дорожном дневнике: «Иордан не шире, чем ньюиоркский Бродвей».

Все здесь места знакомые: вот и въезд в Деганию — первый, старейший в Израиле кибуц. У ворот все еще стоит маленький сирийский танк-памятник, подбитый кибуцниками в 1948 году, во время войны за независимость. Когда-то танк этот был достопримеча-

тельностью, но сколько таких подбитых и сожженных сирийских танков пришлось нам увидеть на следующий день, на высотах Голана, теперь оккупированных израильской армией!

Ехали мы в кибуц Эйн Гев, который описан в первой книге «Земля Обетованная». Кибуц этот до Шестидневной войны был расположен на самой границе, на берегу Галилейского моря. А над кибуцем, на вершине горы, были расположены сирийские батареи, время от времени открывавшие огонь по лежащим внизу израильским домам.

Теперь все изменилось. Перемену можно заметить сразу. Большие ворота Эйн Гева к вечеру обычно запирали и у них стоял часовой с винтовкой. Сейчас ворота открыты настежь, и часового исчез, потому что исчезла сирийская граница на горе.

Нас ждали. Яков Стейнбергер, организатор музыкальных фестивалей в Эйн Геве, и его русская жена Батя встретили нас с распростертыми объятиями. Начался беспорядочный разговор, какой всегда бывает при встрече старых друзей.

— Конечно, мы читали все, что вы писали об Эйн Геве. Мы так были удивлены: как можно было все запомнить? Сын? Как же, он вернулся к нам обратно в кибуц... А дочь уже не в армии, она теперь у нас считается почетной дояркой и ведает коровником. И самая маленькая уже кончает гимназию, — она тоже будет работать в кибуце...

Лица их горели, они так торопились все нам рас-

сказать — о войне, о том, что переживали во время бомбардировок, и о новом рояле Стейнвей, который теперь стоит в концертном зале, и о росте кибуца. О себе они говорили мало и неохотно. Пришлось четыре дня посидеть в бомбоубежищах. За два месяца до войны, 7 апреля, была большая бомбардировка, и тогда на кибуц упало много снарядов... Они ни словом не обмолвились об эпизоде, о котором прочел я позже в книге «Mission Survivor» — это рассказы участников Шестидневной войны*). Из одного рассказа я узнал, что снаряды разбили коровник в Эйн Геве. Во время бомбардировки в коровнике осталась только одна девушка, доярка Аамат Стейнбергер. Она не растерялась, открыла ворота, выпустила весь скот на волю, чтобы не сгорел, и только после этого сама пошла в бомбоубежище. Но о таких вещах, очевидно, не принято рассказывать.

Для ночлега нам отвели на берегу озера чудесный дом, в котором обычно останавливаются артисты, участники музыкального фестиваля. В книге почетных гостей было много знакомых имен, — каждый вписывал свои впечатления. Советские артисты делали надписи по русски. Галина Вишневская, Ростропович, Леонид Коган тепло благодарили, желали успеха... И, правда, было за что благодарить, так много внимания уделяет кибуц своим гостям. В вазах стояли цветы, во всех комнатах блюда с фруктами. Батя открыла рефрижератор и с гордостью извлекла из него специально изготовленный для нас шоколадный торт, и целую батарею бутылок с содовой водой, и какие-то продукты.

*) "Mission Survivor", Edited by Ruth Bondy, Ohad Zmora and Raphael Bashan. Sabra books, New York.

Приближалось время обеда, а Эйн Гев славится своей рыбой. И где же лучше говорить, как не за обеденным столом?

Рыба удалась на славу. На десерт подали нам не засахаренные, а свежие финики с собственных плантаций. И пока мы ели, я расспрашивал Батю, сидевшую рядом за столом:

— Как отразилась на вас война?

— Мы никогда не испытывали еще такого чувства покоя и безопасности, как сейчас. Ведь мы всегда, днем и ночью, ждали нападения сирийцев. Теперь граница ушла на север, крепость на вершине горы разрушена. Вы подниметесь завтра на высоты Голана и убедитесь, как сирийцы там укрепились, и какая эта была смертельная опасность. Дети теперь отвыкают от бомбоубежищ. Траншеи постепенно зарастают травой.

— А как идет жизнь в кибуце?

«Население кибуца медленно увеличивается. Сейчас у нас около 300 человек. Между прочим, есть у нас и христиане, молодые немцы. Вы знаете — евреям трудно забыть, что с ними сделали в Германии. Но эти немцы пришли к нам добровольцами, чтобы помочь в работе. Мы приняли их, и они заслуживают всяческого уважения. Наш кибуц социалистический, с религией у нас слабовато. А среди немцев есть люди религиозно настроенные, в особенности один, — для него жизнь в нашей среде есть своего рода подвиг искупления. Каждое воскресенье кибуцная машина отвозит его в Тивериаду, в церковь на мессу, а потом доставляет обратно.

Появились лучшие дома, всюду установлены аппараты для охлаждения воздуха. Мы ведь на 200 метров

ниже уровня моря и в летние месяцы здесь стоит нестерпимая жара... Но помогает зелень, весь Эйн Гев — сплошной сад».

Ночью мы шли этим садом к концертному залу, рассчитанному на 2.500 человек. На эстраде стоял новый Стейнвей, присланный из Германии в дар Эйн Геву каким-то немецким другом кибуца. Чтобы предохранить дорогой инструмент от непогоды, местный плотник сделал для него громадный деревянный футляр, который осторожно сняли четыре человека. Стейнвей предстал перед нами во всей своей красе.

— На инструменте еще никто не играл, — сказал Яков Стейнбергер, обращаясь к нашей спутнице Наде Рейзенберг. — Может быть, вы его попробуете?

Надя Рейзенберг села за рояль и начала играть Шопена. Удивительный это был концерт, — летняя ночь на берегу Галилейского моря, высокое звездное небо и эта музыка, всегда вызывающая сладкую боль в сердце... Нас было пятеро: Стейнбергеры, Клара Рокмор, моя жена — Женни Грэй, и я, но в какой-то момент из полумрака вышла молодая пара. Они остановились у эстрады, держась за руки и слушали музыку, и другие кибуцники подходили со стороны озера и своих домов, осторожно ступая, чтобы не помешать, и в глазах их была радость и скорбь, и восхищение, и благодарность.

Поздно ночью мы бродили по деревне. Зашли в Детский Дом, где безмятежным сном в своих кроватках спали трехлетние кибуцники и кибуцницы. Забрались в заброшенное бомбоубежище. Видели скульптуру Ханной Орловой «Мать и дитя» на берегу озера.

Было душно, приближался хамсин, сухой ветер пустыни.

На противоположном берегу сверкали и переливались голубые огни Тивериады.

На утро мы распрощались с нашими гостеприимными хозяевами и выехали на высоты Голана, на территорию Сирии, оккупированную израильскими войсками во время Шестидневной войны.

Утро было солнечное, прохладное, и мы решили ехать в Сирию окружным путем, через Рош Пина и древний город каббалистов Сафед, — одно из самых поэтических мест в Израиле. Ехали мы сначала берегом Киннерета, а потом цветущей долиной Хулы. Воздух был какой-то особенно легкий и прозрачный. Там, где теперь лежит Эмек (долина) было когда-то гнилое болото. В местах этих свирепствовала малярия, от которой вымирали первые поселенцы. Но со временем болота осушили, вырыли каналы, и теперь это — житница Израиля.

Дорога постепенно поднимается. Сафед расположен на вершине горы, — 800 метров над уровнем моря. С плоскогорья открывается удивительный вид на Верхнюю Галилею. На севере — небольшое озеро Хула, на юге — Галилейское море (Киннерет) и тонкая серебряная ниточка — река Иордан — связывает их между собой... Сафед считается у евреев святым городом, но ореол святости он приобрел не в библейские времена, как Иерусалим, а значительно позже, в Средние

века, когда здесь обосновались каббалисты. О Сафедде подробно писал я в «Земле Обетованной», но мне хотелось еще раз посетить синагогу рабби Ицхака Луриа, более известного в литературе под именем Ха'ари (Лев). Духовный отец каббализма родился в Иерусалиме в 1531 году, умер же он в Сафедде в 1573, — жизни его, следовательно, было всего сорок два года. Был он аскетом, духовидцем, и однажды в субботу, в своей синагоге, висящей над обрывом, рабби Луриа вызвал к Торе семерых праотцов еврейского народа: патриархов Авраама, Исаака и Иакова, законодателя Моисея, который дал народу скрижали с Заповедями, первосвященника Аарона, праведного Иосифа и царя Давида... И каббалисты верят, что праведники ответили на вызов рабби Ицхака. Каждый из вызванных вошел на амвон, прочел главу Торы, и затем видение исчезло.

Какой древней и бедной кажется теперь эта сефардистская синагога Ха'ари, где можно было вызвать к Торе Моисея! Ряды деревянных скамей, амвон посредине, как принято у сефардов, старый бархатный полог с вышитой на нем шестиконечной звездой, за которой, в углублении стены, хранится святая святых — свитки Торы... Рабби Луриа не оставил после себя философских трактатов. Он только молился и беседовал с учениками, которые записывали слова учителя, чтобы передать их потом из поколения в поколение. Из этих бесед позже родилась книга одного из его учеников, Иосифа Каро — «Шулхан Арух», свод законов для повседневной жизни евреев, действительный и по сей день. Где то здесь, в одной из этих средневековых улочек с облупленными фасадами домов, помещалась

типография, в которой в 1578 году была напечатана первая в Палестине книга духовного содержания.

Мы побывали в саду, на самой вершине цитадели, у памятника 14 солдатам Хаганы, павших в 1948 году, когда горсточка израильтян изгнала из Сафеда тысячи арабов, открывших огонь по еврейскому кварталу. Было поздно, усталость давала себя знать, и мы спустились в нижнюю часть города, в поисках места, где можно поесть и отдохнуть.

На центральной улице Сафеда был ресторан, очень красивое здание современной архитектуры, с террасой и даже с американским баром на первом этаже. Все столы были накрыты, но в зале не было ни души. Мы расположились. Вскоре появился служащий, молодой иеменит, в белой рубашке, открытой на шее. В руках его было великолепно отпечатанное громадное меню с перечислением блюд, достойных субботнего стола либавичевского рабби. Началось деловое совещание: борщ, или прямо фаршированная рыба, или жаркое с черносливом и яблоками?

— Борщ! сказали мы иемениту.

Он кивнул головой и исчез на кухне. Через минуту снова появился. Борща нет. Это было даже к лучшему, — кто может есть борщ в такой жаркий день?

В меню стояло, что есть два вида шницелей: шницель Гольштинский, и шницель просто.

— Интересно, какая между ними разница? спросили мы у иеменита.

Он внимательно выслушал, записал что-то в своем блокноте и сказал:

— Я сейчас спрошу у повара.

Минуту спустя пришел ответ:

— Повар говорит, что он не знает, какая разница между шницелем Гольштинским и шницелем просто. Меню было напечатано для сезона. А сейчас еще сезон не начался.

Положение явно ухудшалось.

— Курица, решили мы. Курица должна быть. Курица есть в каждом израильском ресторане.

— Курица! обрадовался иеменит, и понесся на кухню.

Мы сидели, как зачарованные, не сводя глаз с кухонных дверей. Двери распахнулись. Юноша возвращался, опустив голову, как воин, потерявший сражение.

— Есть только две порции отварной курицы, а вас пятеро. Мы хотели предложить вам печенку, но и печенка вся вышла. Ее съел повар. До начала сезона печенки не будет...

— Что же есть? взмолились мы.

— Две порции курицы. И остаток субботнего мяса.

Мы ели остаток субботнего мяса и смеялись, глядя на белоснежные скатерти, вазочки с цветами и роскошно отпечатанное меню... И я вспомнил И. А. Бунина, который рассказывал мне однажды, как в разорившейся дворянской усадьбе старик дворецкий, во фраке и в заштопанных белых перчатках, обходил гостей за столом и спрашивал:

— Вам супа, или ухи-с?

— Ухи, пожалуйста!

— Ухи нет-с... Сегодня не готовили.

В Сафед надо ездить только в разгар сезона.

После завтрака мы отправились дальше, в сторону Сирии. Прежде всего — топография местности: старая демаркационная линия между Сирией и Израилем проходила вдоль высот Голана. Это цепь крутых гор, километров в 60 длины, считавшихся совершенно неприступными. Все израильские кибуцы расположены в долине. На высотах сирийцы в течение последних десяти лет строили укрепления, мало чем уступавшие линии Мажино во Франции. Это железобетонные бастионы, глубоко уходящие в землю, отлично закамуфлированные, с узкими бойницами для орудий и стрельбы. Прекрасно проложенная сеть коммуникационных траншей, громадные склады аммуниции. В укреплениях первой линии постоянно держали гарнизон три пехотные бригады и два танковых батальона Т-34. Кроме того, вдоль первой линии были зарыты в землю 30 германских танков «Панцер», оставшиеся со времени Второй мировой войны. За первой линией, на много километров в глубь, следовали новые фортификации, которые защищали три пехотные бригады. В распоряжении сирийского командования был еще «бронированный кулак» — 260 танков и две механизированные бригады, которые могли быть легко переброшены на любой участок фронта.

Сирийцы открыли огонь по кибуцам утром 5 июня, в первый же день войны. Началась систематическая и безжалостная бомбардировка Гаона, Гадо, который и так очень пострадал 7 апреля, Эйн Гева, Дана и др. Бомбардировка эта продолжалась четыре дня. За это время в кибуцах были разрушены 205 домов, три клуба, одна столовая, шесть амбаров, сгорели 30 тракторов, были уничтожены 175 акров фруктовых садов и

75 акров пшеницы. Израильская артиллерия отвечала, но стрельба из долины по позициям в горах оказалась делом нелегким. Помогла авиация, в первый день войны бомбардировавшая аэродромы, а затем покрывшая сирийские позиции на высотах очень насыщенным огнем.

Женщины, дети и старики — кибуцники (все остальные, способные носить оружие, были либо на фронте, либо в окопах вдоль демаркационной линии) провели в бомбоубежищах 120 часов. Радио приносило им ошеломляющие новости: синайский фронт прорван, Газа занята, израильские войска уже на Суэцком канале... 7-го, вскоре после полудня, «Кол Израэль» начал передавать: «Старый Город Иерусалима в наших руках! Израильские парашютисты у Стены Плача...» Люди в бомбоубежищах плакали, обнимали друг друга и спрашивали: когда же придет и для нас час освобождения?

Час этот настал утром 9 июня, после того, когда Египет и Иордания были полностью разбиты. Генерал Давид Элазар, крепкий черноволосый человек родом из Югославии, начал атаку на северном участке сирийского фронта, в направлении на Баниасс. Подъем здесь не такой крутой, как вдоль берега Галилейского моря. Под огнем вражеской артиллерии, среди бела дня, израильские саперы расчистили минные заграждения, открыли дорогу бульдозерами. Пока авиация громила сирийские позиции с воздуха, танкисты буквально прошли над первой линией укреплений и прорвали фронт. Гарнизон бастионов либо сдался, либо бежал. Несколько часов спустя, Баниасс был взят. Это — живописное место с неким подобием водопада. Здесь

есть целебные источники, купанья, — вероятно, это и определило название местности: очень уж Баниасс похоже на наше русское слово «бани».

Танковые части, двинувшиеся в глубину, встретили местами жестокое сопротивление: «бронированный кулак» вступил в действие. Но во второй половине дня пришли известия, что и в центре фронт прорван. Израильские танки появились уже на самом плоскогорье. За ночь саперы сбросили с дорог поврежденные танки, мешавшие продвижению. Была подвезена аммуниция, на геликоптерах эвакуировали раненых. Наступила суббота, «Великая Суббота», как называют ее в Израиле, последний день войны. К этому времени фронт всюду начал рушиться, сирийцев охватила паника. Командный состав бежал, бросив солдат на произвол судьбы. Этим объясняется, что израэли захватили в плен сравнительно малое число сирийских офицеров. Треть сирийских танков была уничтожена или захвачена неповрежденными. В некоторых танках даже не были выключены моторы.

Кунейтру, главный город на высотах Голана, где помещалась штаб-квартира сирийского командования, захватили без боя, без единого выстрела. Непрístupные высоты над Эйн Гевом уже были в руках израильских парашютистов.

Вся сирийская кампания продолжалась 27 часов. Свыше 1.000 сирийцев были убиты, сотни солдат попали в плен. Сирия потеряла 100 танков, громадное количество артиллерии, всякого рода военного снаряжения. Израильские потери на сирийском фронте: 115 убитых, 306 раненых. А всего за Шестидневную войну

на трех фронтах Израиль потерял убитыми 759 солдат и офицеров.

Дорога на Дамаск была открыта.

Дамаск можно было занять в несколько часов. Но Израилю не нужен был ни Дамаск, ни Амман, ни Каир. Израилю нужно было уничтожить армии противника, обеспечить безопасность своих новых границ, не позволить иорданской артиллерии обстреливать еврейские кварталы Иерусалима, навсегда заставить замолкнуть сирийские орудия, громившие кибуцы с высот Голана.

Это было достигнуто, и война кончилась.

Мы едем по высотам Голана. Отличная, хорошо обработанная земля. Много лесов. Время от времени попадаются вымершие деревни, население которых, охваченное паникой, бежало за несколько часов до перемирия в Дамаск.

Сколько заброшенных домов! Попадают красивые каменные виллы современной архитектуры. Двери распахнуты настежь, окна выбиты... Иногда в стене зияет дыра от прямого попадания снаряда. Где сейчас владельцы этой виллы, почему не вернулись они домой? До войны на высотах Голана жили 80.000 сирийцев. Теперь осталось не больше 7.000 человек, — главным образом друзов, да несколько сот черкесов.

Друзы остались. В Израиле друзы проявили себя лояльными гражданами, они служат в армии и, видимо, их сородичи по ту сторону границы были отлично осведомлены, что им не грозит никакая опасность.

Друзские деревни в оккупированной области живут нормальной жизнью, — они пахут свою землю, собирают урожай. Шеих Джабар Маади от имени друзов Голана обратился в 68 г. к правительству с ходатайством — распространить на жителей Голанской возвышенности все права, которыми пользуются друзы в Израиле. В настоящее время юридическое положение друзов Голана все еще хуже положения их братьев в Израиле.

Если на дороге показывается телега с упряжкой мулов, и рядом спокойно шествует усатый человек в белом головном уборе — кефии, наш шофер Ицхак сейчас же предупреждает:

— Это друз.

Но в Баниассе, неподалеку от водопада, мы видели поле, в котором работали два сирийца. При виде туристов они оставили работу, выпрямились и долго молча на нас смотрели. Мне показалось, что взгляд их был не особенно дружелюбным...

Асфальтированная дорога из Баниасса в Кунейтру совершенно пустынная. Здесь на второй день войны происходили ожесточенные бои и до сих пор вдоль дороги лежат в канаве сгоревшие сирийские грузовики. Мы остановились, чтобы их сфотографировать. На первом грузовике прочел я русскую надпись: «Автозавод им. Горького». На следующем, — то же клеймо. Все снаряжение сирийской армии было советского происхождения. Военные эксперты считают, что советская стратегия, основанная на системе оборонительных укреплений «в глубину», погубила сирийскую армию. Укрепления были обойдены с флангов или прорваны в центре, а вне укрепленных бастионов сирийцы

не умели сражаться... То, что на сирийском фронте до последней минуты были советские инструктора — не подлежит сомнению. Во время боя израильские радисты несколько раз слышали, как переговаривались между собой по русски инструктора танковых частей. В одном бастионе солдаты с удивлением увидели брошенный том сочинений Бальзака на русском языке. Трудно представить себе, чтобы сириец читал Бальзака по русски.

Вдоль дороги время от времени видны плакаты на столбах: «Военная зона. Мины!» Здесь еще не успели расчистить, — отходить в сторону от дороги не рекомендуется. И снова покинутые деревни, разбитые дома. Как долго будет заброшена эта местность? Израэли не допустят, чтобы сирийцы снова вернулись на Голан — угрожать кибуцам в долине. И уже сейчас вдоль новой линии перемирия на высотах Голана устраиваются израильские военные поселения. Молодые люди, отбыв срок службы в армии, организуют здесь свои хозяйства. Так постепенно возникает «зеленый пояс» укреплений против будущей сирийской угрозы.

В Кунейтру въехали мы в полдень. До войны население этого города доходило до 20. 000 человек. Все бежали. Когда израильские войска вступили в Кунейтру, по улицам бродили только брошенные собаки и кошки... Постепенно какое-то число жителей вернулось, но их — горсточка. Город производит странное, немного жуткое впечатление. Целые улицы вымерли. Дома стоят заколоченные.

На окраине расположился израильский военный лагерь. Здесь — конец оккупационной зоны, граница. Дальше начинается Сирия.

Израильские солдаты, добывшие плетеные кресла, сидят у шлагбаума, как на даче, и загорают на солнце. На коленях у каждого автомат «Юзи».

— Здесь начинается Сирия? — спрашиваю я.

Солдат улыбается и показывает рукой на столб с прибитой к нему дощечкой:

«Дамаск — 63 километра».

Тишина, покой.

ДОКТОР С ДВУМЯ СЕРДЦАМИ

В Израиле — много замечательных людей. Но человек, который на меня произвел самое сильное впечатление — это доктор Хаим Шибба, основатель и руководитель госпиталя «Тель Хашомер» («Холм Стражи»). Познакомились мы за обеденным столом. Доктор Шибба опоздал на два часа, обед давно кончился, но в Израиле на такие мелочи никто не обращает внимания: люди здесь много работают и никогда толком не знают, когда смогут поесть и отдохнуть.

Доктор Шибба появился в столовой несколько неожиданно, посмотрел на всех своими голубыми глазами и весело поздоровался по русски:

— Здравствуйте, господа!

Знакомясь, я сказал, что много слышал о нем, но тут выяснилось, что «здравствуйте, господа» — единственные два слова, которые он знает по русски. Доктор Шибба родился в Румынии, учился в Вене и в тридцатых годах навсегда переехал в Палестину, задолго до провозглашения Израильского государства. Как подобало молодому сионисту-энтузиасту, он поселился в кибуце Гиват Хаим и занялся осушением болот Эмека. Кончилось это тем, что жена его заболела малярией и пришлось переехать в Иерусалим, где осушитель болот вернулся к своей основной профессии врача.

В день двадцатилетия Независимости Хаим Шибба получил «Израильскую премию по медицине», что в Израиле равносильно нобелевской премии, — к сожалению, без соответствующего чека. Никого это не удивило, — Хаима Шибба давно называют «еврейским доктором Швайцером»: та же самоотверженность, безграничная любовь к людям, в особенности к больным, вера в малые дела и душевная чистота. Позже, при посещении госпиталя Тель Хашомер я увидел, что и методы работы у Шибба были те же, что у покойного Альберта Швайцера, — без соблюдения лишних формальностей, быть может, даже спустя рукава, — но всегда только в интересах больных. Конечно, со скидкой на то, что в Тель Авиве, все же, масштабы и возможности значительно большие, нежели в Ламбарене.

Когда доктору Шибба переведут эту главу книги, он будет, вероятно, удивлен: ничего подобного он мне не рассказывал. Мы встречались несколько раз, в дружеской обстановке. Он любит смешные истории, пересыпает их цитатами из Талмуда — остатки «хедерной» премудрости, приобретенной в детстве, или говорит о госпитале, — это его детище и гордость всей его жизни. Но ничего о самом себе он не рассказывал... Только однажды Шибба мне сказал, что во время британского мандата в Палестине он служил врачом в английской армии в чине лейтенанта-полковника и, конечно, одновременно участвовал в подпольной организации «Хаганы», из которой вышла впоследствии израильская армия.

— Англичане нисколько не сомневались в том, что я состою в Хагане, но старались особенно не докапываться, — иначе легко было угодить в военную крепость

в Акре, где содержались захваченные солдаты Хаганы... Однажды командир дивизии полу-серьезно, полусуто спросил у меня:

— Каким образом вы создаете особую породу людей — еврейских бойцов?

— В купальных бассейнах, — ответил ему доктор Шибба. — Когда ребенок в трехлетнем возрасте впервые входит в бассейн и начинает плавать, он побеждает чувство страха. И больше в жизни он не будет ничего бояться.

Почему он рассказал мне эту историю? Потому что в госпитале Тель Хашомер до сих пор нет купального бассейна.

— Впрочем, у нас нет еще многого, — сказал доктор. — Приезжайте, сами убедитесь!

В Иерусалиме существует госпиталь Хадассы, снабженный самыми усовершенствованными медицинскими аппаратами и построенный на американские деньги. Тель Хашомер принадлежит государству, это самый большой госпиталь Израиля, но помещается он до сих пор в бывших казарменных бараках, которые доктор получил в свое распоряжение в 1948 году, когда английские войска оставили Палестину.

60 барачков разбросаны на громадном пустыре в окрестностях Тель Авива, неподалеку от Рамат Гана и нового университета Бар-Илана. Пустырь постепенно превращается в сад; бараки давно уже превращены в образцовую больницу и теперь несколько пышно именуются «павильонами». Доктор Шибба в белом ха-

лате со стетоскопом на груди разгуливает по своим владениям и рассказывает:

— У нас 1.000 больных, 360 врачей и 600 сестер милосердия... Это правительственный госпиталь, и средства на его содержание, — очень скромные, — мы получаем от министерства здравоохранения. Сколько больной платит за койку в нью-йоркском госпитале? 50-60 долларов в день, а то и больше? У нас максимальная цена — 8 долларов в день, и это цена только для сравнительно состоятельных людей. 70 процентов всех больных платят в Тель-Хашомере всего 5 долларов в день, а около 20 процентов вообще ничего не вносят.

Мы входим в первый барак. Внутри стены оштукатурены, сверкают белизной масляной краски и чистотой. В каждой палате несколько кроватей. Доктор Шiba лично знает всех больных, каждого называет по имени, для каждого находит доброе слово.

— Ну, как, мама? — спрашивает он старуху со вздутым животом. — Ви гейт-с? Как самочувствие?

Старуха улыбается и начинает говорить на «идыш». Ей, слава Богу, гораздо лучше, и лекарство чудное, помогает. Дай Бог доктору здоровья! На соседней кровати лежит худенькая арабская девочка лет двенадцати. У нее тяжелая форма болезни крови. Она обречена, но, конечно, ничего не подозревает. Доктор спрашивает ее о чем-то по арабски, треплет за щеку, улыбается, и девочка сияет от счастья... На ходу доктор спрашивает милостивую сестру милосердия, когда будет ее свадьба, — чтобы она не забыла его пригласить! Молодые ассистенты тут же получают инструкции. Шiba просматривает историю болезни нового боль-

ного, которого только что привезли в палату, но консультацию внезапно прерывает старшая сестра:

— Доктор, вас просят к телефону из хирургического отделения.

Доктор берет трубку, внимательно слушает и односложно отвечает:

— Кен... Кен... (Да, да.) Кен. Тов! (Хорошо)... Шалом!

Трубка повешена. Лицо доктора спокойно, ни один больной в палате не может догадаться, что именно произошло только что в операционной.

— У нас восемь операционных, — рассказывает Шива. И все заняты с утра до ночи. Мы гордимся своими хирургами. В Тель Хашомер лечат все болезни и здесь постоянно ведется научная работа и всевозможные исследования. Диагностика. Внутренние болезни, физико-терапия. У нас работает лучший в мире специалист по глазным болезням. Есть большое отделение кардиологии. Специальный детский павильон. Мы делаем все операции сердца, кроме пересадки. Есть отделение для душевно-больных... В этом павильоне лежат военные. Во время Шестидневной войны к нам доставляли раненых с фронта на вертолетах. Сюда привезли генерала Даяна после того, как его завалило землей на археологических раскопках, и здесь мы его вывели. (Доктор Шива не сказал, что он — личный врач Даяна и до сих пор регулярно навещает его и следит за его здоровьем).

В отделении военных, кроме сестер, работали еще молодые солдатки, которых армия присылает в госпиталь по наряду. Хорошие, серьезные девушки, работающие, засучив рукава, как завзятые медсестры. Док-

тор Шибба поздоровался с солдатками («У нас только красивые!»), заглянул в комнату тридцатилетнего больного генерала, которого пришли с утра навестить офицеры из его части. Рассказал генералу какую-то смешную историю. Потом заглянул в комнату, где лежали три девочки. Старшей из них не было, вероятно, и пятнадцати лет.

— Помните, как арабские террористы Эль Фатах взорвали около Эйлата школьный автобус? Из 44 детей — 2 были убиты и 28 ранены... Иордания дорого заплатила за это преступление. Израильская армия организовала потом карательную экспедицию на лагерь террористов в Карамэ, ответственных за это преступление. Арабы потеряли 100 убитыми и 90 ранеными.

Эти три девочки были пассажирками злосчастного автобуса. Все остальные дети выздоровели, а они все еще в госпитале, и одна, вероятно, останется калекой на всю жизнь... Девочка эта сидела в кресле. Обе ноги ее и одна рука были в гипсе и девочка показала нам рисунки и автографы на гипсовой ноге. Все врачи, интерны и сестры расписались! Как она гордилась этим «альбомом» автографов!... В комнате стояли взрывы хохота, девочек все время развлекали сестры, и доктор тоже сказал что-то смешное. Девочки залились смехом, прикрывая рты ладонями.

Так мы переходили из палаты в палату, и всюду при виде доктора больные оживлялись, словно одно присутствие Хаима Шибба приносило им здоровье.

У входа в барак нерешительно стояла группа арабских женщин, приехавших из своей деревни в ярких

шелковых платьях. Доктор весело с ними поздоровался и спросил, почему они не входят?

— Айша вас ждет. Через неделю вы сможете взять ее домой!

В этой больнице, явно, не было определенных часов для посетителей. Многие больные сидели в саду на скамьях с родными, некоторые закусывали принесенным из дому угощением.

— Ламбарене, — сказал я... — Не даром у вас в кабинете висит портрет Швайцера!

— Что же, — Ламбарене, где помещается больница доктора Швайцера, имеет свои достоинства и свои недостатки, но назвать нашу больницу тюрьмой для больных никак нельзя. Мы хотим, чтобы больные чувствовали себя в Тель Хашомере, как дома. Все же, у нас посетители не готовят себе пищу на кострах и на ночь в палатах не остается никого, кроме больных, сиделок и дежурных врачей. Но днем наши пациенты пользуются полной свободой. Вот, пройдем в отделение для душевно-больных. Никаких ограничений. Они могут ходить по всему госпиталю, — у нас нет одиночных камер, смиренных рубашек, нет замков и решеток на окнах.

Мы пришли в мастерскую, где два десятка душевно-больных что-то лепили, рисовали, вырезывали из дерева, вышивали. Молодая сестра, иеменитка, очень красивая, со сверкающими белыми зубами, подправляла работы, давала советы, помогала.

— У этой сестры золотые руки, — сказал доктор. — Она учит их скульптуре, рисованию и вышиванию. А ее улыбка и зубы, — наша лучшая терапия!

Одна из больных, совсем молоденькая девушка с

остановившимися, стеклянными и совсем неподвижными глазами, подошла к доктору и взяла его за руку:

— Шалом, — сказал он. — Ма шломех? Как поживаете?

Девушка продолжала пристально смотреть на доктора, не говоря ни слова.

— Вы знаете меня? — спросил Шибба.

Она молчала.

— Как меня зовут?

Доктор постоял минуту, не получил ответа и, приветливо улыбнувшись больной, осторожно освободил свою руку и отошел в сторону.

Некоторые больные продолжали сосредоточенно работать, не поднимая головы и не обращая на нас никакого внимания. Другие пристально и грустно на нас смотрели. В большинстве это были люди, страдавшие меланхолией в тяжелой форме.

Мы осматривали госпиталь уже несколько часов, а доктор все ходил с нами из павильона в павильон, здоровался с людьми, на ходу давал распоряжения, отвечал на вопросы, подписывал какие-то бумаги... Госпиталь жил своей размеренной жизнью. По узким цементным дорожкам санитары везли на колясках людей с восковыми лицами и закрытыми глазами. Проходили группы врачей и сестер. Из города непрерывно приезжали автобусы с посетителями. Автомобили скорой помощи подвозили новых больных... В детском отделении мы надолго задержались. Отделение это было полно солнца и воздуха. На постелях лежали крошечные больные в халатиках, что-то щебетали, показывали свои игрушки, и доктор должен был приласкать каждого ребенка и что-то ободрительное сказать его

родителям. У постелей сидели отцы и матери, — сколько страха и надежды было в их глазах! Одна постель стояла почему-то не в палате, а в коридоре, и крошка, лежавший в ней, не обращал внимания на красный мяч, который принесла ему сестра. Ребенок громко плакал, от страха или от боли, и все время повторял:

— Има... има!.. мама... Аба... аба... Папа!

Но ни имы, ни абы не было, и доктор распорядился, чтобы сестра занялась ребенком, — его должны были отвезти на снимок в рентгеновский кабинет.

В разных бывал я госпиталях, в больших и малых, в хороших и плохих, и мне всегда казалось, что каждый из них имеет свою индивидуальность, и что нет в мире двух больниц, похожих одна на другую. И если я решил написать о Тель Хашомере, то потому, что этот госпиталь, действительно, особенный. Никогда в жизни не встречал я столь внимательного и человеческого отношения к больным, страдающим людям. От всех врачей Тель Хашомера исходила удивительная теплота и добродушие, от которой мы давно отвыкли, то, что в старые времена называли мы сердечностью. Врачи и сестры работают в Тель Хашомере буквально за гроши, а часто и совсем безвозмездно. Жена доктора Шива заведует громадной прачешной госпиталя, работает с 8 ч. утра до 2 часов дня, и не получает за это никакого вознаграждения. 50 человек трудятся в прачешной, каждый день через руки их проходят тысячи простынь, полотенец, халатов, пеленок. Все это доставляется в герметически закрытых ящиках, поступает в дезинфекционные камеры, потом идет в гигантские паровые котлы, в автоматические сушилки, проходит через гладильный пресс и через два-три часа

чистое белье уже развозят по палатам и снова пускают в употребление.

— Все замечательное оборудование прачешной мы получили в дар из Соед. Штатов, — сказал доктор. — У нас мало средств и мы не можем иметь больших запасов белья. Благодаря нашему оборудованию, каждую вещь можно использовать ежедневно.

Американцы помогают. В Нью Йорке существует организация *Manhattan Guild, Inc.*, 418 East 58 Street, которая специально занимается сбором пожертвований для госпиталя Тель Хашомер. Вот откуда доктор Шiba получает средства на покупку самых дорогих аппаратов, которые буквально воскрешают мертвых, помогают им дышать, заставляют биться сердца клинически уже умерших людей. Весной 1968 года доктор Шiba показал мне почти законченное, замечательное здание — детский павильон, сооруженный на средства, собранные «Манхэттан Гилдом». По сравнению со старыми бараками британской армии — детский павильон был, действительно, образцом современной архитектуры, оборудованным по последнему слову техники. Несколько месяцев спустя, павильон этот был официально открыт председательницей «Гилда» *Mrs. Annette Nadler*. Больных детишек из старого барака перевели в это замечательное здание. Из Соед. Штатов также пришли средства на которые была построена многоэтажная школа и общежитие для сестер милосердия, работающих в Тель Хашомере.

**
*

Мертвые занимают доктора Шiba не меньше, чем живые люди. Хаим Шiba, воспитанный в раввиниче-

ской семье, ведет сейчас ожесточенную борьбу с израильским раввинатом за право вскрытия трупов. Ортодоксальные евреи не позволяют вскрывать тела покойников. Доктор Шiba говорит, что без вскрытия не может быть прогресса в медицине, не может быть правильных диагнозов, немыслима хирургия.

Вопрос о вскрытии — один из очень острых в Израиле. Из чисто религиозной и медицинской он перешел в область политики, обсуждался в Кнессете, в правительстве. Были демонстрации ортодоксальных противников вскрытия, появились страничные объявления не только в израильской, но и в американской печати.

— Если мы потеряем право делать вскрытия, — говорит доктор Шiba, вся наша медицина ничего не будет стоить... Что важнее: живые или мертвые? К тому же, вскрытие никогда не производится, если против этого возражает семья покойного. Вскрытие не делается для осквернения мертвецов, а для спасения живых людей!

Глядя на этого тихого, улыбающегося человека трудно поверить, что за добродушной внешностью скрывается человек железной воли и необычайной энергии. Официально работает он «всего» 12 часов в день, с 7 утра до 7 вечера. Но я знаю, что доктор приедет на квартиру к больному, если нужно, в 5 часов утра, и нередко последний его визит бывает около полуночи.

Когда Шiba с гордостью показывал нам детский навильон «Манхэттан Гилд», я спросил, почему он не добивается, чтобы правительство построило для Тель

Хашомера такое здание, как Хадасса? Бараки, казавшиеся приемлемыми в 1948 году, теперь обречены и представляются каким-то анахронизмом.

— Израиль не может позволить себе такого расхода, — ответил он. — Деньги нужны на многое другое. За год через эти бараки проходят 25.000 больных. И идут они к нам не потому, что у нас роскошные палаты с охлаждающей системой, а потому, что мы вкладываем в дело помощи больным нашу душу.

После, вернувшись из Тель Хашомера, я говорил о Хаиме Шибя с одним из его пациентов и друзей.

— В чем секрет этого человека? — спросил я.

— В том, что у него не одно, а два сердца, — ответил он.

НЕТ БОГА, КРОМЕ БОГА...

На рассвете в Иерусалиме поют петухи. Они начинают петь еще в темноте — сначала одиночки, страдающие бессонницей, но потом, когда небо на востоке бледнеет, петушиное пение принимает стихийный характер. Первые горланят петухи в Старом городе, а затем им отвечают коллеги на израильской стороне.

И вдруг, перед самым рассветом, наступает тишина. И тогда слышно, как с минарета мечети Омара муэдзин созывает правоверных на молитву:

— Аллао-Акабар... Аш хадо Алла-илаха-иллала...

Лет десять назад муэдзины еще поднимались по винтовой лестнице на вышку минарета, чтобы оттуда, обратившись лицом к Мекке, свидетельствовать перед мусульманами о величии Аллаха, о том, что нет Бога, кроме Бога, и что Магомет — пророк Его. К слову сказать, этого «кредо» мусульманской веры, нигде в самом Коране не найти.

Мы живем в век электронный. Муэдзины теперь больше не взбираются по лестнице, а попросту включают громкоговорители, установленные на вышках минаретов и снизу поют свою ламентацию.

При мечети Омара, построенной в Иерусалиме на том святом месте, где некогда возвышался храм Соломона, состоят на службе пять муэдзинов. В свобод-

ное время они выполняют обязанности гидов — за осмотр мечети с туристов взимается один израильский фунт. Нашим гидом был муэдзин Хамди Ахмад Хассас, который с гордостью сказал, что в его семье уже сотни лет искусство муэдзина переходит от отца к сыну.

— Место это, сказал муэдзин, показывая на мраморные плиты площади перед мечетью, всегда было священным для всех религий и мы называем его «Харам эш Шериф» (Священный двор).

Дальше я позволю себе рассказать все своими словами, потому что муэдзин оказался человеком пристрастным и о многом умолчал. Мечеть Омара была построена на «месте Мориа», которое в библейские времена, когда мусульманства еще не существовало, было еврейской святыней. Сюда, рассказывает книга Бытия, привел Авраам своего единственного сына Исаака, чтобы принести его в жертву Богу. И жертвенник свой он воздвиг на той самой скале, над которой теперь высится золотой купол мечети.

— И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господен воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Не подними руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня.

И позже царь Соломон избрал это же место Мориа, где Господь явился отцу его Давиду, чтобы воздвигнуть на нем храм неслыханной роскоши и красоты, обложенный внутри чистым золотом. Существует поверие, что Святая Святых и скиния, куда имел доступ только первосвященник, были расположены на самой скале Авраама. Место это вообще в древности счита-

лось «пупом Земли». Был храм закончен в 960 году до нашей эры. Разрушил его Навуходоносор, все священные сосуды, сокровища и золото забрал он в Вавилон. Были годы вавилонского пленения, великого плача и стенания, пока персидский царь Кир не повелел восстановить в Иерусалиме дом Господа Бога Израилева. Второй храм был закончен в 520 году до Р. Х. и просуществовал он до 70 года нашей эры, когда римские легионы Тита разрушили его и «перепахали» весь Иерусалим. Евреи были изгнаны из своей столицы. Только раз в год, в 9-ый день месяца Ав, им разрешалось молиться у развалин храма и оплакивать свою судьбу.

Почему римские легионеры не выполнили до конца приказа Тита и не разрушили и Западной стены храма? Возможно — оставили в назидание потомству; быть может, просто не считали это важным, — нужно было как можно скорее приступить к сооружению над скалой Авраама храма Юпитеру... Так и осталась Стена Плача — бесспорное каменное свидетельство еврейского народа о его исконных правах на Иерусалим и на «место Мориа».

Когда арабы завоевали Палестину в 683 году н. э. калиф Омар совершил паломничество на гору Мориа и ужаснулся: храм Юпитера давно был разрушен, все место было завалено камнями и всякими отбросами. Со времени смерти Магомета прошло всего пятьдесят лет и уже существовала легенда о необычайном ночном путешествии пророка из Мекки в Иерусалим на спине летающей белоснежной лошади Эль Борак. Именно отсюда, со скалы Авраама, которого почитают и мусульмане, пророк поднялся на седьмое небо, чтобы

предстать перед троном Аллаха. Удивительное это было путешествие! По свидетельству Айши, одной из девяти жен Магомета, случилось это ночное путешествие во время припадка пророка, который иногда падал на землю, словно сраженный невидимой силой, дрожа всем телом, покрывался холодным потом и терял сознание... Эль Борак пронес Магомета через нижнее небо, которое украшено светилами, до седьмого неба, где восседал Аллах, окруженный ангелами. Среди них был и Джебраил (архангел Гавриил), часто навещавший пророка на земле, чтобы передать ему веления Аллаха... Проходя через семь небес, Магомет встретился и беседовал с другими пророками — Моисеем и Христом. Моисей, между прочим, дал Магомету очень дельный совет, — не перегружать верующих чрезмерно молитвами и заставить их молиться только пять раз в день: на рассвете, в полдень, во второй половине дня, на закате и ночью.

Благочестивый Омар своими руками принялся разгребать землю над святой скалой. Вся свита бросилась ему помогать. Добравшись до скалы, с которой Магомет вознесся на небо, калиф тут же решил построить на этом месте мечеть. Была эта мечеть довольно скромная, временная, а настоящую, одну из самых красивых в мире, построил полвека спустя калиф Абд эль Малек. Строителя — калифа эль Малека теперь основательно забыли, а за мечетью осталось навеки имя Омара.

Мечеть великолепная, в самом центре Священного двора, мощеная белыми мраморными плитами. Построена она на возвышении в пять метров, к ней ведут двадцать ступеней. Мечеть восьмиугольная, вся выло-

женная синими, зелеными, голубыми и желтыми изразцами, на которых выведены вязью «суры» — стихи Корана. Здание увенчано удивительным по красоте куполом, покрытым листовым золотом. С какой бы стороны паломник не подъезжал к Иерусалиму, первое, что он видит — это сверкающий на солнце золотой купол мечети Омара. С четырех сторон, по углам, высятся белые минареты.

С любознательностью туриста я хотел выяснить высоту минаретов. Хамбди Ахмад Хассас сделал неопределенный жест рукой, подумал немного и сказал:

— Высоты я не знаю. Но в каждом минарете, от земли до верха, 156 ступеней. Это мне хорошо известно: я поднимался по этим ступенькам пять раз в день, всю мою жизнь!

Посреди двора, у большого мраморного фонтана, арабы неторопливо совершали омовение рук, ног и лица, как предписано перед молитвой. И потом, по мокрым и скользким доскам, босиком, они шли в мечеть. Приближался час намаза.

Мы сняли башмаки, — в мусульманскую мечеть не входят с обувью на ногах, как нельзя войти в православный храм, не сняв шляпы с головы. Простудиться немислимо: ноги тонут в толстых коврах, которыми покрыт холодный мрамор пола. Поколения султанов и калифов присылали в мечеть Омара драгоценные ковры, над которыми трудились лучшие мастера Востока. В мечети было прохладно. Под самым куполом летали ласточки. Когда-то, в св. Софии, в Константинополе, я

видел таких же ласточек, метавшихся под куполом в поисках выхода на волю.

Гид провел нас мимо михраба, ниши, обращенной к Мекке, и остановился у деревянной балюстрады, покрытой позолотой, которая в самом центре мечети окружала скалу Авраама.

— Пойдем вниз, в пещеру, где молился Магомет перед тем, как предпринять «Эль Исра», свое путешествие на небо, — сказал муэдзин.

В пещере, под скалой, он торжественно указал на небольшое круглое отверстие в потолке, шириной в человеческую ладонь. Вероятно, когда-то через это отверстие в пещеру стекала кровь из жертвенника, стоявшего на скале, или дождевая вода в цистерну... Но у нашего гида было другое объяснение чудодейственного характера:

— После молитвы, прямо отсюда, через это отверстие, Магомет поднялся на небо.

— А Эль Борак? — спросил я.

— Верхом на Эль Борак! — твердо ответил гид. Аллах все может сделать!

В разных книгах по истории Иерусалима рассказывается, что в пещере этой молился не только Магомет, но и Илья пророк, и царь Давид, и царь Соломон... В давние времена паломникам показывали хранившиеся тут священные реликвии: ларец, в котором лежали несколько волос из бороды пророка, подлинник Корана, «весы для взвешивания душ» и даже седло Эль Борака... Нам не повезло: реликвии эти теперь куда-то исчезли.

К слову сказать, Магомет не сам написал Коран. Он не умел писать. Все, что есть в Коране, было запи-

сано со слов пророка его последователями и первый список Корана был составлен только через тридцать лет после смерти его автора. Магомет, как известно, умер от лихорадки на руках своей любимой жены Айши, в понедельник 8 июня 632 года нашей эры, в Медине. Ему было 63 года.

**
*

Под всей эспланадой Харам эш Шериф расположено громадное подземелье, так называемые «конюшни царя Соломона». Своды подземелья покоятся на десятках мощных каменных колонн. Нет никакого сомнения, что в древние времена, при израильском царстве, да и при римлянах, этим подземельем пользовались, как конюшнями. В некоторых колоннах проделаны отверстия для привязи лошадей. В стенах выдолблены кормушки. Часть подземелья служила водохранилищем. Русский паломник, совершивший «хождение во Иерусалим» в середине 17 века так описывает Святой двор: «...А посреди того двора мечит (Омарова) турецкая, а идеж была Святая Святых, ныне на том месте устроен мечит вельми велика и долга зело; а под тем (Соломоновым) домом сказывают что все вода стоит».

Выйдя из мечети Омара с восточной стороны оказываешься на близком расстоянии от стен Старого города и замурованных Золотых Ворот Иерусалима. По Новому Завету именно через эти врата въехал в Иерусалим Иисус «на осляти», в Вербное воскресенье, спускаясь с Елеонской горы. В 629 году через эти же ворота император византийский Ираклий с великим торжеством внес в святой город частицы Креста Живо-

творящего, отвоеванного им у персов. Дальше начинается историческая тайна. Почему и когда именно Золотые Ворота были замурованы? Есть основание думать, что это было сделано в девятом веке, вскоре после завоевания Иерусалима арабами. Но на некоторых картах 15 столетия Золотые Ворота показаны еще частично открытыми. Быть может, приказ заложить ворота был отдан Саладином, изгнавшим франков из Палестины, или значительно позже, султаном Сулейманом Великолепным, который в 16 веке восстановил стены Старого города примерно в том виде, как мы их теперь видим... Существует поверие, что Золотые Ворота будут открыты неким победителем мусульман в день его вступления в Иерусалим.

Харам эш Шериф располагает к размышлениям о превратности истории, — все меняется, ничего нет вечного. На заре человечества стояли здесь каменные идолы, которых уничтожили евреи, провозгласившие веру во единого Бога. Дважды евреи возводили здесь свой храм, где хранилась Святая Святых, и от храма сохранилась только одна наружная стена. А что осталось от римского храма Юпитера? Арабы построили на месте храма Соломона мечеть Омара, но в одиннадцатом веке Иерусалим завоевали крестоносцы, провозгласили здесь свое королевство и заменили на куполе мечети мусульманский полумесяц золотым крестом. Мечеть была превращена в католический собор «Темплум Домини». В южной части этой же эспланады еще в шестом веке император Юстиниан построил грандиозную базилику в честь Пресвятой Девы. Мусульмане захватили базилику и превратили ее в мечеть «Эль Акса» («Отдаленная» — от Мекки). Тамплие-

ры и эту мечеть переделали в церковь. Когда Саладин изгнал тамплиеров, на серебряном куполе Эль Акса, как и на мечети Омара, снова появился полумесяц... Теперь «место Мориа» после перерыва почти в 2.000 лет, снова принадлежит Израильскому государству. В отличие от того, что сделали арабы с еврейскими синагогами в Старом городе, израильские власти объявили все мусульманские и христианские святыни неприкосновенными. Мусульмане могут попрежнему молиться в своих мечетях.

Удивительная вещь, — в Израиле очень мало думают о возможности сооружения Третьего Храма. Главными противниками этой идеи являются ортодоксальные евреи, раз навсегда провозгласившие, что Третий Храм будет создан самим Господом-Богом, в противовес первым двум, созданных руками людей и разрушенных.

Еврейские молитвы полны стенаниями по разрушенном Храму и верой, что он будет восстановлен во всем его былом великолепии. Вопрос этот дебатруется в раввинических кругах уже девятнадцать столетий, но помимо основного возражения — Третий Храм должен быть создан Господом — есть много препятствий морального и теологического характера. Место, на котором стоял Храм Соломона, давно уже стало мусульманской святыней: мечеть Омара стоит на горе Мориа почти тринадцать столетий, с 691 года. Где же строить третий храм? Крестоносцы без колебания превратили мечеть Омара в католический собор; евреям не может прийти в голову мысль превратить мечеть Омара или Эль Акса в синагогу. Больше того: подлинно ортодоксальные евреи даже не ступают ногой на пли-

ты Харам эш Шариф. Место это посещают только туристы или люди, не придерживающиеся строгой религиозной традиции. Ортодоксальные евреи молятся у Стены Плача только потому, что это — внешняя стена Храма. Внутренность же Храма была осквернена, и ступить ногой на эту оскверненную землю равносильно совершению величайшего греха.

Когда под палящим солнцем мы подошли к Эль Акса, третья дневная молитва уже кончилась. Несколько верующих медленно выходили из мечети. Не потому ли было их так мало, что главный муфтий в Аммане издал указ, запрещающий мусульманам молиться в мечетях Омара и Эль Акса, пока святыни эти находятся под израильским контролем?

Длинный и низкий фасад Эль Акса имеет семь арок. Внутри постройка сохранила следы первоначальной, крестообразной базилики Юстиниана. Шесть рядов мраморных колонн поддерживают продолговатый свод мечети. В этом строении нет архитектурного единства, как в мечети Омара. Каждый властелин вносил в постройку что-то свое, украшал ее по своему вкусу и получилась странная смесь византийского стиля, ранней готики и арабского зодчества. Самое замечательное в Эль Акса — это резная кафедра из кедра ливанского, с которой произносятся проповеди, да драгоценные ковры, которыми покрыт пол, — многие ковры прислал в дар Абдул Гамид. Ковры такой красоты, что по ним грешно ступать даже босой ногой.

Эль Акса — третья мусульманская святыня после

Мекки и Медины. На большие праздники, особенно во время поста Рамадан, сюда стекались из всех арабских стран тысячи верующих для совершения молитв. После Шестидневной войны положение изменилось. Эль Акса теперь, действительно, стала «отдаленной» мечетью для Египта, Иордании и Саудовской Аравии.

Израильское правительство в первый же год после войны разрешило местным арабам выезжать на паломничество в Мекку. И свыше тысячи мусульман, проживающих в Аккре, Иерусалиме и в Хайфе этим правом воспользовались и проделали традиционное паломничество. Но правительства арабских стран запрещают своим гражданам паломничество к святыням, находящимся теперь на территории Израиля. Мечети Омара и Эль Акса до заключения мира остаются доступны только для 320.000 израильских арабов и для миллиона арабов, живущих в Газе или на Западном берегу Иордана, под израильской оккупацией.

Выйдя из Эль Акса мы решили вернуться к Стене Плача, расположенной с правой стороны от мечети, всего в пяти минутах ходьбы.

У фонтана, в тени кипарисов, восседали несколько седобородых «хаджи» в белых тюрбанах, которые разрешается носить лишь мусульманам, побывавшим в Мекке и помолившимся у черного священного камня Каабы. Я родился на Юге, в Крыму, и через мой родной город проходили в Мекку паломники из Средней Азии и мусульмане Волги. Иногда они входили целой группой в частные дома и просили разрешения совершить молитву. Это рассматривалось, как честь. Для них открывали нашу гостиную, которая вся была устлана восточными коврами и хаджи, повернувшись в сторону

Мекки, совершали положенный им «салах»: четыре поклона «раках», — сначала стоя, в пояс, потом, упав ниц, заканчивали привычной фразой о том, что нет Бога, кроме Бога, и Магомет пророк Его... С детства нас учили, что хаджи — это что-то вроде «святых» людей, что их надо почитать, и чувство это осталось у меня на всю жизнь. И теперь, при виде седобородых людей у фонтана, перебиравших пальцами янтарные четки, я снял шляпу и поклонился.

Хаджи внимательно посмотрели, наклонили головы в ответ. И один из них, подняв руку, внятно ответил на иврите:

— Шалом... Мир!

БЕСЕДЫ — ВЫВОДЫ — ПРОГНОЗЫ

1.

Бен Гурион не любит пророчествовать. По его словам, в Израиле это занятие не легкое: слишком велика конкуренция. Но бывший премьер-министр сказал мне в 1965 году слова, звучавшие, как пророчество:

— Через двадцать лет в Израиле будет мир и будет пять миллионов населения.

Мир неразрывно связан с будущим Израиля. Без мира у этой страны, со всех сторон окруженной враждебными арабскими государствами, вообще нет никакого будущего. Арабы прекрасно это понимают и делают все от них зависящее, чтобы не было ни прямых переговоров с Израилем, ни мира. За отказ начать переговоры Насер платит дорогой ценой. Суэцкий канал закрыт, и Арабская Объединенная Республика теряет на этом 350 миллионов долларов в год. Израильская армия занимает Синайский полуостров, его нефтяные источники и рудники. Весь Западный берег Иордана с его 700-тысячным арабским населением оккупирован Израилем. И Сирия имеет мало шансов получить обратно высоты Голана, с которых арабская артиллерия регулярно обстреливала израильские кибуцы, расположенные в долине.

— Шестидневная война привела к парадоксальным

результатам, — заявил в Объединенных Нациях министр иностранных дел Израиля Абба Эбан. — Победители просят о мире, а побежденные диктуют свои условия.

Сокрушительная военная победа в июне 1967 года не принесла Израилю спокойной, нормальной жизни. Но она необычайно подняла дух израэли, дала им веру в свои силы и возможности. До Шестидневной войны возникали сомнения. Может ли Израиль бороться с десятками миллионов фанатически настроенных арабов? Правда, эти миллионы арабов разобщены, даже воюют друг с другом, но единственное, что их по настоящему объединяет, это слепая ненависть к Израилю... Сколько раз Давид способен побеждать Голиафа? В июньские дни 67 года израэли доказали, что в современной войне численное превосходство противника не имеет существенного значения. Важен дух армии, то, что французы называют словом "élan". У солдат израильской армии не было выбора, — Израиль не может позволить себе ни одного поражения. Нужно или умереть, или победить. У египтян, сирийцев и иорданцев была другая альтернатива. События показали, что разгром арабских армий не повлек за собой логического свержения режимов Насера и Хусейна. Больше того, — крах всей своей анти-Израильской политики и позорное поражение египетской армии Насер умудрился превратить в короткий, но несомненный личный триумф.

После июня 67 года арабы кое-что, все-таки, поняли, но признать себя побежденными не собираются. Шестидневная катастрофа представляется отдельным эпизодом непрекращающейся войны, и на этот случай

имеется арсенал хорошо испытанных афоризмов: смеется тот, кто смеется последний, или — мы проиграли сражение, но выиграем войну и т.д.

Как ни велико опьянение победой, израэли подходят к создавшемуся положению более трезво. Мир нужен, без мира маленькая страна не может жить и развиваться. Премьер министр Леви Эшкол готов начать мирные переговоры в любое время, в любом месте. Но Израиль не допустит повторения прошлых ошибок и возврата к положению, которое существовало накануне Шестидневной войны и которое, фактически ее вызвало.

«Мы не торопимся, сказал мне в Тель Авиве генерал Хаим Герцог, в гражданской жизни, занимающий пост председателя израильского ОРТА. Мы сейчас находимся в отличном стратегическом положении. Мы можем ждать до тех пор, пока арабы поймут, что время работает против них».

Хаим Герцог — сын покойного Главного Раввина Израиля, родился в Ирландии, — отсюда у него эта странная смесь ирландского «брога» с безукоризненным кэмбриджским произношением. Во время Шестидневной войны ген. Герцог был подлинным «Голосом Израиля», — каждый день по радио «Кол Израэль» он комментировал события на фронте и его беспристрастный анализ поднимал дух израэли, давал им уверенность в конечной победе.

После войны генерал был назначен первым военным губернатором Западного берега Иордана и не мало содействовал успокоению арабов, опасавшихся жестокой с ними расправы со стороны победоносной израильской армии.

Меня поразило его спокойствие и вера в будущее Израиля.

«Мы не торопимся», повторяли на разные лады политические деятели в Тель Авиве и в Иерусалиме. Это говорил мне Арие Дисенчик, редактор самой распространенной израильской газеты «Маарив», которого я посетил в редакции, похожей на потревоженный муравейник. На следующий день я услышал ту же фразу от редактора другой очень влиятельной газеты «Едиот Ахронот» д-ра Г. Розенблюма. Разговор с редакторами начинался с вопроса: есть ли у Израиля план мира?

— Плана мира нет, — ответил Арие Дисенчик, — или он пока не подлежит опубликованию. Но в одном мы все единодушны: пока арабы не начнут прямые мирные переговоры с Израилем, мы не уйдем из оккупированных областей и не скажем, что именно готовы отдать им обратно.

В этом вопросе в Израиле нет разногласия: сначала сядем за стол, а потом можно будет обсуждать условия мира. Создается впечатление, — чем дольше будут арабы откладывать мирные переговоры, тем меньше получают они обратно. Сейчас же после войны израэли были готовы отдать почти все, — кроме Иерусалима, полосы Газы и высот Голана, лишь бы заключить прочный мир. Арабы не приняли протянутую им руку. Постепенно, все громче, в Израиле начали раздаваться другие голоса. Нашлось, в частности, в среде писателей и ученых, не мало сторонников «расши-

ренных границ». Одни находят для этого оправдание в Библии: западный берег Иордана принадлежал некогда Израилю, — в Хевроне похоронены патриархи еврейского народа и в этом городе семь лет царствовал Давид. Другие ссылаются на необходимость обеспечить в будущем безопасность населенных центров страны, отдалив от них границу. До июня 67 года иорданская граница проходила всего в десяти милях от Тель Авива!

В. Е. Жаботинский и созданная им партия сионистов-ревизионистов уже полвека назад требовали для Израиля территории «по обе стороны Иордана». Ревизионистов больше нет, но их духовные наследники «херутовцы» во главе с Менахем Бейгиным не видят основания возвращать арабам земли, которые принадлежали некогда Израильскому государству и за которые теперь Израиль заплатил кровью своих сыновей. В конце концов, по плану раздела Палестины, который был одобрен Объединенными Нациями в 1947 году, западный берег должен был отойти к независимому арабскому государству и только восточный берег решено было отдать Иордании. Но Западный берег был захвачен Иорданией вооруженной силой год спустя, когда арабские страны напали на только что созданное государство Израиль. Теперь Израиль отобрал у Иордании то, что ранее было арабами приобретено военной силой.

Окончательного плана нет. Но уже сейчас имеются некоторые данные, по которым можно приблизительно судить о намерениях израильского правительства. Арабы говорят: «Сначала полная эвакуация, предусмотренная резолюцией Совета Безопасности от 22

ноября 67 г., а потом возможны переговоры». По существу, такая позиция приведет к повторению трагической ошибки, совершенной в 1956 году под давлением ООН и государственного секретаря США Доллеса, когда Израиль вынудили увести войска из Синая и оставили Насеру, вопреки законным протестам Франции и Англии, национализированный им Суэцкий канал. Уже находясь на покое б. президент Айзенхауэр признал, что в суэцком вопросе его администрация совершила ошибку. Но эта ошибка спасла режим Насера и подготовила новую войну 67 года.

«Нам теперь предлагают эвакуацию без мира, заявил Даян. Арабы готовы переменить свои методы и свой стиль, но не отказываются от основной идеи борьбы. Им нужно время, чтобы восстановить свои армии. Но в основном они попрежнему не приемлют Израиля».

В послании к израильскому народу по случаю двадцатой годовщины Независимости премьер-министр Леви Эшкол писал в том же духе: «В результате Шестидневной войны, которая была нам навязана агрессией наших врагов, мы добились для Израиля безопасных границ. Вопрос нашей безопасности изменился коренным образом. После столь продолжительного и горького опыта мы не можем вернуться к старым границам, которые поставили нас под такую угрозу. Наша цель добиться постоянных мирных границ, которые обеспечат Израиль от внезапной атаки».

Где же теоретически проходят эти мирные границы? В десяти милях от Тель Авива? В пятидесяти? Военное командование Израиля считает, что кроме географической границы существует еще «граница безопасности». Для премьер министра Эшкола и для во-

енного министра Даяна естественная граница безопасности проходит вдоль реки Иордан, т.е. как раз по нынешней линии перемирия. Повидимому, намечается нечто вроде двойной границы. Военная должна проходить вдоль Иордана. Географическая граница может быть где-то ближе на Запад. Между двумя границами расположен Западный берег Иордана с его громадным арабским населением.

«Я бы не хотел насильственно превратить миллион арабов в израильских граждан, — говорил мне ген. Герцог. — Очень возможно, что вся область будет объявлена автономной, или, в случае несговорчивости короля Хусейна, превращена в буферное государство, связанное с Израилем пактом взаимной безопасности и тесным экономическим союзом».

Возникает естественный вопрос: что думают об этом плане арабы, живущие на Западном берегу Иордана?

Прежде всего следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве это не беженцы, а местные, палестинские арабы, которые в хашемитском королевстве Хусейна чувствовали себя пасынками. Сначала были турки, потом англичане, последние 19 лет — иорданцы. Никогда палестинские арабы не были хозяевами положения. В этом отношении израильская оккупация, даже предоставившая арабам широкие права самоуправления, для них такой же чуждый режим, как и английский мандат, под которым они жили после Первой мировой войны. Но... жить надо, и палестинские арабы с июня 67 года многое узнали и многому научились. В момент разгрома арабы были убеждены, что израильская армия вырежет все местное население.

ние, — по тому самому рецепту, который изо дня в день передавало каирское радио, грозившее истребить поголовно всех евреев. 26 мая Насер в своей речи призвал египтян к «тотальной войне» и к полному истреблению Израиля. Несколько дней спустя король Хусейн вторил ему по амманскому радио: «Убивайте их (т.е. израэли) повсюду! Убивайте их вашим оружием, вашими руками, вашими зубами». Но израэли, когда пришел их час победы, никого не убивали, и ген. Герцог объясняет:

«Гениальность Даяна заключалась в том, что он разрешил арабам оккупированных областей сохранить свои законы, своих судей, полицейских, педагогов и дал им возможность свободно путешествовать по всему Израилю. Очень быстро они убедились, что арабская пропаганда, которой их питали в течение стольких лет, основана на лжи. Они побывали в бурлящем жизненной энергией Тель Авиве, в израильской части Иерусалима с его университетом, музеями, школами и госпиталями, в цветущих кибуцах, где применяются новейшие методы земледелия, и могли убедиться, каких результатов добились израэли за двадцать лет. Они наблюдают, сравнивают и делают свои выводы».

Не случайно инициативу сближения с арабами принял на себя человек, больше других способствовавший их разгрому. Родители Даяна были выходцы из России, но сам он родился в Дегании. Он — настоящий «сабра», продукт страны. Вырос среди арабов, говорит на их языке и понимает их психологию. Даян сражался с арабами с 14-летнего возраста, с ружьем в руке охраняя от набегов свой кибуц Нахалал. Он участвовал в трех войнах с арабами, но у него нет к ним ника-

кого чувства ненависти. Это отсутствие ненависти к арабам вообще очень удивительная черта израильского характера.

— Когда я был мальчиком, — рассказывал Даян сотруднику журнала «Лук», Роберту Москину, — они меня били и бросали в меня камнями. Я боролся с ними 40 лет, но я не помню такого случая, чтобы в арабской деревне мне не предложили поесть. Я вырос в их среде и видел, как арабский фермер начинает свой рабочий день в четыре часа утра... У меня нет ненависти к арабам. Мы живем здесь в очень бедной части света. Тут нужно тяжело работать... Попробуйте заработать здесь на жизнь, — без помощи Юнайтед Джуиш Аппил и без дождей!..»

Даян убежден, что мир на Ближнем Востоке мог быть заключен еще в июне 67 года, если бы Сов. Россия не поддерживала искусственно реваншистские настроения арабов. Беспокойное состояние на Ближнем Востоке является важной частью советской дипломатической стратегии.

Одно время Даян серьезно опасался вооруженного вмешательства СССР в конфликт между арабскими государствами и Израилем. Был эпизод с потоплением советским ракетным снарядом израильского крейсера «Эйлат». Израиль ответил на это бомбардировкой Суэца и уничтожением египетских нефтяных резервуаров. Советский флот стоял по соседству, в Александрии, наблюдал за гигантским пожаром и... не вмешался. Этот случай и ряд других обстоятельств привели израильское правительство уже в конце 67 года к заключению, что Сов. Союз ограничится перевооружением арабских стран, науськиванием их на Израиль и

антисионистской кампанией в целях своей собственной, внутренней политики. Активное вмешательство в конфликт, которого опасались в первые месяцы после окончания войны, теперь исключается. К тому же, в Израиле убеждены, что Сов. Союз, израсходовавший на вооружение арабских стран миллиарды рублей, в значительной степени уже осуществил свои дипломатические объективы. Прошло время, когда Россия была заперта в Черном море. Теперь советский флот имеет постоянную базу в Александрии. Алжирское правительство изгнало французский флот из Марс Эль Кебира и готово предоставить эту базу в распоряжение советского флота. Сфера советского влияния распространяется сейчас на значительную часть Сев. Африки и открывает «путь в Индию» — историческое задание русской дипломатии еще со времен Петра Великого.

Анализ советской военной политики за 50 лет показывает, что СССР избегает прямой интервенции в странах, не имеющих с ним общих географических границ. Одно дело ввести советские танки в соседнюю Польшу, Чехословакию или в Венгрию, — совсем другое — производить десант в Тель Авиве. Исключением была полуинтервенция СССР в испанскую гражданскую войну, и Советы потерпели неудачу. Доставка «добровольцев», танков, артиллерии и громадного военного снаряжения морем, из Одессы в Барселону, оказалась делом нелегким. Опыт корейской и вьетнамской войн показал сов. правительству, как трудно обеспечить снаряжение союзников на дальнем расстоянии. И еще один урок извлекло сов. правительство из корейской и вьетнамской войн: даже маленький народ, готовый

на любые жертвы, может бесконечно долго оказывать сопротивление мощным Соединенным Штатам. Нет основания думать, что израэли окажут советской армии меньшее сопротивление, чем финны в 1939 году.

Уже июньская Шестидневная война рассматривалась во всем мире, как некое моральное и стратегическое поражение СССР. Советское правительство не так легко снова поставит на карту свой престиж на Ближнем Востоке. В арабо-израильском конфликте Москва придерживается той же тактики, что в Корее и Вьетнаме. Она согласна снабжать оружием и военным снаряжением врагов С. Штатов, готова обучать их военному искусству, но этим ее роль ограничивается.

Дважды за последнее десятилетие СССР был на грани войны с С. Штатами, и дважды, в самый последний момент, уступил — только потому, что президент Кеннеди в кубинском кризисе, и президент Джонсон во время Шестидневной войны заняли твердую позицию. Сов. правительство знает, что хотя Израиль не связан с С.Ш.А. оборонительным пактом, некоторые обязательства существуют, и вооруженная интервенция СССР в Израиле может легко вызвать новую мировую войну.

Далеко не все еще известно о тайных дипломатических переговорах, происходивших в июне 1967 года между Москвой, Вашингтоном и Иерусалимом. Постепенно, однако, завеса приподымается. Косыгин несколько раз вызывал по прямому проводу Джонсона, угрожая вмешательством СССР в арабо-израильский конфликт, если президент С. Штатов не заставит Израиль немедленно увести из Синая войска, быстро продвигавшиеся к Суэцкому каналу. Первый такой вызов

имел место на рассвете 6 июня 1967 года, когда выяснилось, что Израиль в несколько часов разгромил всю арабскую авиацию, прорвал синайский фронт и обратил в бегство египтян. Второй вызов из Кремля, носивший еще более угрожающий характер, был сделан, когда израильские танки захватили высоты Голана и разбили Сирию, — самого верного союзника СССР на Ближнем Востоке. Повидимому, Косыгин опасался, что израильские танковые части возьмут Дамаск и свергнут просоветское сирийское правительство. На этот раз Косыгин предупредил, что если С. Штаты не остановят немедленно наступление израильской армии, советское правительство само «примет нужные меры». Джонсон в этом случае проявил исключительное мужество и занял твердую позицию. Правительство США, ответил он Косыгину, рекомендует урегулировать конфликт через Объединенные Нации. С. Штаты контролируют действия Израиля не больше, чем Москва контролирует действия Сирии и Египта.

После каждого разговора с Косыгиным Джонсон принимал нужные меры. Авиаматкам «Америка» и «Саратога» было приказано выйти из вод Крита, где они находились, и двинуться в состоянии полной боевой готовности к Тель Авиву. Советские крейсера, по пятам следовавшие за американским Шестым флотом, немедленно донесли об этом движении своему Адмиралтейству, — маневр не остался незамеченным Косыгиным. Твердость Джонсона достигла нужных результатов: у самого крайнего предела Косыгин отступил, как отступил в свое время Хрущев перед решимостью Кеннеди в дни кубинского кризиса.

Израиль не собирался занимать ни Каир, ни Да-

маск. Дойдя до своих объектов, израильская армия остановилась. Враг был разгромлен. Но Сов. Союз немедленно начал восстанавливать военную мощь Египта и Сирии. В Каир было отправлено до 3.000 военных инструкторов. Уничтоженные танки и самолеты были заменены новыми, египетская армия была снова отлично вооружена. Дальше этого вмешательство СССР не пойдет. Так, по крайней мере, думают в Иерусалиме, где нормально нет склонности к чрезмерному оптимизму.

— Советские эксперты, — говорили мне в Израиле, — ошиблись дважды: в оценке человеческого потенциала арабов и решимости Израиля к сопротивлению. В Кремле почему-то думали, что «сионисты» не посмеют сопротивляться.

Теперь на этот счет в Москве нет никакого сомнения.

2.

— Каков выход из создавшегося положения?

«Мы не настолько наивны, — говорит редактор «Маарива», — чтобы верить в возможность мира завтра утром. Это медленный процесс. Возможно, пройдут годы, прежде чем будет создана благоприятная атмосфера для заключения мира. Но такой момент наступит, когда арабы поймут, что Израиль существует, и с этим надо примириться... Посмотрите, как быстро наладились арабо-израильские отношения в Иерусалиме. Что бы ни говорили пропагандисты каирского радио, 60.000 палестинских арабов в Иерусалиме мирно живут рядом с 250.000 израэли. Отдельные террористические акты — дело рук «Эль Фатах», и арабское на-

селение Иерусалима в большинстве своем не имеет к ним никакого отношения. Местные арабы поняли, что Иерусалим при всех обстоятельствах останется столицей Израиля, и что вопрос о будущем города не подлежит обсуждению. Статус его закреплен пролитой израильской кровью».

К этим словам следует добавить, что воссоединение арабской и израильской части Иерусалима не решило окончательно судьбу христианских и мусульманских Святых мест. В будущем, после заключения мира, вопрос этот будет поставлен на очередь и, возможно, израильское правительство согласится признать экстерриториальность таких святынь, как храм Гроба Господня, или мечетей Омара и Эль Акса. Понятие о том, что, собственно, следует считать «Святыми местами», постоянно меняется. В 1950 г. Объединенным Нациям был представлен список из 210 «Святых мест», чтимых разными вероисповеданиями на территории тогдашней Иордании и Израиля. 173 почитались христианами, 18 евреями и 18 мусульманами. Есть святыни общие, почитаемые и евреями, и мусульманами, — как усыпальница патриархов в Хевроне. По старому «фирману» турецкого султана 1757 года, который оставался в силе до конца британского мандата, святыми признавались лишь 9 мест.

По существу, независимо от будущего статута «Святых мест», положение мало изменится, ибо с первого же дня израильское правительство обеспечило христианскому и мусульманскому духовенству полную свободу культа и право внутреннего самоуправления.

После Шестидневной войны, начались попытки организовать в Иерусалиме пассивное сопротивление

арабского населения. Забастовали, например, учителя арабских школ. Мэр Коллек, отлично знающий психологию арабов, вызвал к себе лидеров оппозиции и сказал: «Вы не хотите, чтобы ваши дети ходили в школу? Это ваше дело. Пусть не учатся. Но пострадают от этого только дети, а не израэли». И через два месяца все школы были открыты и в них введены новые учебники, лишенные яростной анти-израильской пропаганды.

Не все, конечно, иерусалимские арабы превратились в лояльных израильских граждан. Летом 68 года в Иерусалиме участились взрывы бомб. Только в июле и августе было 14 таких взрывов, — ответ арабских террористов на бомбардировку израильскими самолетами лагеря Эль Фатах близ Каранэ и е-Сальта. Взрывы эти, конечно, дело рук профессионалов террора, а не мирного населения. Но какое-то внутреннее сочувствие к ним у арабов в Старом городе есть. Как ни старается израильское правительство облегчить положение арабского меньшинства, горечь поражения и сознание зависимости от новых хозяев остается. Все, что будет сделано для арабов в Израиле не помешает им ощущать себя гражданами второго разряда. Поводы для недовольства всегда найдутся.

В Иерусалиме арабы жалуются на безработицу, высокие налоги (при Хусейне налоги были фикцией) и дороговизну после окончания войны. Цены в Израиле и оплата труда значительно выше, чем в арабских странах. В Газе и на Западном берегу, в оккупированной зоне, обстоятельства так же не всегда складываются в пользу местного населения. По удивительному негласному соглашению, торговля арабов с Иорда-

нией разрешена и даже поощряется. Ежедневно сотни грузовиков с продуктами беспрепятственно пересекают мост Алленби, направляясь из оккупированного Западного побережья в Иорданию. Арабские фермеры попрежнему сбывают свои продукты в Аммане. Но общее политическое и административное положение жителей Западного побережья остается неопределенным. На Западном берегу есть достаточно представителей арабской интеллигенции, которые были бы не прочь наладить военное и экономическое сотрудничество с Израилем и объявить всю область автономной. Но израильское правительство не проявило в этом отношении должной инициативы и не поддержало представителей местного сепаратизма, — быть может, не считая их достаточно авторитетными лидерами. Впрочем, эти негласные контакты никогда окончательно не прерывались. Есть, вероятно, и другая причина: израэли и сами еще не решили, что им делать с Западным берегом и его громадным арабским населением. Нет сомнения, что «граница безопасности» Израиля должна проходить вдоль Иордана. Но Израилю не улыбается получить в придачу вместе с территорией 700.000 арабов Западного берега.

Существует план министра труда Игала Аллона создать вдоль Иордана, от Иерихона до Дженина на севере, линию укрепленных военно-земледельческих поселений, — это, конечно, в том случае, если Западное побережье будет объявлено автономной областью, связанной и с Иорданией, и с Израилем, экономическим союзом.

В настоящее время (конец 68 г.) население Израиля составляет 2.700.000 человек, включая 300.000 из-

раильских арабов, пользующихся правами гражданства и живущих в районе Назарета, Хайфы, Яффы и т.д. Если прибавить к этой цифре миллион арабов, полученных вместе с полосой Газы и Западным берегом, население страны сразу увеличится до 3.700 тысяч, — больше трети его будут составлять арабы. При очень быстром естественном приросте арабского населения, через 20 лет Израиль превратится в страну с арабским большинством. Создатели еврейского государства этого не допустят.

— Мы не можем создать арабское гетто в центре арабского мира, — признается Даян.

Иными словами, из соображений чисто этнического характера, Израиль вынужден будет отказаться от мысли включить Западное побережье в окончательные границы государства. Остается создание автономной области, с цепью военных поселений вдоль Иордана. Само собой разумеется, не только автономная область, но и Иордания получат в этом случае доступ к Средиземному морю и право пользоваться одним из израильских портов.

Иное дело — Газа. Это узкая прибрежная полоса, географически тесно связанная с израильским Негевом. В Газе проживают 300.000 арабов, из которых около 200.000 — беженцы в лагерях, а остальные — местное, коренное население. Египет никогда не претендовал на Газу, и жители полосы, бывшие в состоянии строгой изоляции, за двадцат лет не получили египетского гражданства. Израэли никого из Газы не высылают, но и не препятствуют добровольному переселению беженцев в Иордан. Таким путем, в первый год оккупации, свыше 25.000 арабов выехали из Газы. Израиль-

ские власти в известной степени содействовали переселению, предоставив беженцам транспортные средства до моста Алленби на Иордане, или выдавая уезжающим 50 израильских фунтов на дорожные расходы. Но с лета 68 года этот исход прекратился, так как Иордания закрыла границу для палестинских арабов. О причине этой меры не трудно догадаться: для арабских националистов существование беженских лагерей в Газе является важным козырем в борьбе с Израилем. «Беженские кадры» и лагеря нужно сохранить любой ценой, чтобы можно было и дальше, как это делается в течение двадцати лет доказывать, что беженская проблема неразрешима до тех пор, пока существует Израиль. Насер и Хусейн забывают только, что маленький Израиль за те же двадцать лет принял миллион еврейских беженцев из арабских стран, которые давно и благополучно включены в нормальную экономическую жизнь страны и вместо бремени являются важным элементом в благосостоянии Израиля. Неожиданный массовый наплыв еврейских беженцев из Сев. Африки в Израиль едва не создал сложной проблемы дискриминации. До Шестидневной войны в израильской среде можно было слышать разговоры о «двух Израилях», об опасности «левантизации», которую представляют для страны восточные евреи, прибывшие из Алжира, Марокко, Йемена... Теперь разговоры эти кончились. Десятки собеседников в Иерусалиме и в Тель Авиве мне рассказывали:

— Во время Шестидневной войны наши «восточные» евреи дрались на фронте, как львы. Они защищали Израиль с таким же мужеством, как «сабры» или

евреи европейского происхождения. Все разговоры о дискриминации теперь забыты.

Но вернемся к Газе. В отличие от коренного арабского населения, занимающегося земледелием и торговлей, и готового сотрудничать с Израилем, беженцы в лагерях настроены весьма анти-израильски. На Западном берегу арабы в различной степени являются сторонниками сосуществования. В лагерях Газы беженцы отказываются от каких либо форм сотрудничества. Возможно, некоторую роль в этом играет опасение репрессий со стороны арабских националистов или страх, что египтяне когда-нибудь вернутся в эти места и расправятся с «коллаборантами». В 1956 году, после нескольких месяцев оккупации, Израиль, под давлением ООН, очистил Газу; вернувшиеся египтяне безжалостно рассчитались со всеми, кто сотрудничал с израильскими властями.

В результате враждебности беженского населения Газы и режим здесь несколько иной, режим военной оккупации с поисками тайных складов оружия, с комендантским часом после каждого террористического акта и т.д.

Шестидневная война официально закончилась перемирием на всех фронтах. Но перемирия, по настоящему, не наступило.

Не проходит дня, чтобы отряды террористов Эль Фатах, или так называемой «Палестинской армии освобождения», не проникали из Иордании или из Сирии на израильскую территорию. Террористы переходят

на участке границы, который тянется от Мертвого моря на север, длиной в 60 миль. Это та самая часть границы, где министр труда Аллон предлагает создать сельско-хозяйственные и военные поселки типа «Нá хал». Поселения «Нá хал» создаются израильской молодежью, прошедшей специальную военную и земледельческую подготовку. Так возникают кибуцы военного типа в стратегически важных для Израиля пунктах.

Группы террористов от 5 до 20 человек переходят Иордан обычно под покровом ночи и проникают на несколько миль в глубину израильской территории. Устанавливают на дорогах минные ловушки, обстреливают кибуцы и еще до рассвета стараются уйти по ту сторону Иордана. Убежища у арабов, живущих на Западном берегу, они не получают. Тут применима французская поговорка «Страх жандарма — начало благоразумия». Благоразумие учит арабов, что дом, в котором террористы нашли убежище, будет на следующий день взорван израильскими саперами.

Зато террористы имеют безоговорочную поддержку у регулярной иорданской армии, которая беспрепятственно пропускает их через линию перемирия, а в критический момент, когда Эль Фатах отступает, открывает вдоль границы артиллерийский или пулеметный огонь, или пытается создать диверсию в другом участке.

После Шестидневной войны был период, когда Насер и Хусейн осуждали террор, автоматически вызывавший репрессивные рейды Израиля. Но в конце 67 года арабские лидеры изменили свою позицию. Изолированные террористические акты не могут, конечно,

сломить волю Израиля, но в арабских странах и в армии они поддерживают дух сопротивления и имеют немалое пропагандное значение во всем мире. Создается впечатление, что война продолжается, и инициатива этой войны принадлежит Эль Фатах. И каждый репрессивный рейд немедленно выставляет Израиль перед мировым общественным мнением в роли жестокого и неумолимого карателя. Когда арабские мины, разбросанные на дорогах и в пограничной полосе, калечат израильских детей, — это «героическое сопротивление арабского народа агрессорам». Когда в израильских бомбардировках гибнут арабские дети, — это представляется, как «жестокое варварство агрессивного Израиля». Систематическим рейдам террористов мировая печать уделяет мало места. Короткая заметка на внутренних страницах газет сообщает, что в пограничной полосе была перестрелка. Два израэли ранены, один убит... За то всякой репрессивной экспедиции или бомбардировке террористических баз Израилем немедленно придается первостепенное значение. Большую долю ответственности несет за это Совет Безопасности, регулярно осуждающий Израиль и даже не указывающий в резолюциях причину, вызвавшую израильскую репрессию, т.е. систематический террор, взрывы мин и бомб, обстрел кибуцев и пр. Нужно ли удивляться, что в Израиле давно потеряли веру в возможность добиться справедливого решения конфликта в Объединенных Нациях?

Совет Безопасности не протестовал, когда арабские террористы доставили на иерусалимский базар автомобиль с динамитом и взорвали его. 12 случайных прохожих были взрывом убиты, десятки других ране-

ны. С этого момента в оккупированных Израилем областях был введен ряд ограничительных мер. Общее положение на Ближнем Востоке изменилось к худшему. Удары террористов и суровые репрессии израильских командо участились, начали принимать систематический характер.

26 декабря 1968 года, на афинском аэродроме, два палестинских араба, прибывшие в этот же день из Бейрута, совершили вооруженное нападение на израильский пассажирский самолет Эл Ал. Самолет готовился к старту, разогревал свои моторы, и в эту минуту террористы открыли огонь из автоматов и бросили несколько разорвавшихся гранат. Один из пассажиров, инженер Леон Ширдан, летевший в Нью Йорк по приглашению Объединенных Наций, был убит наповал. Серьезно поврежденный аппарат только чудом не взорвался, — в его резервуарах было 30 тонн газа. Если бы вспыхнул пожар или произошел взрыв — ни один из 53 пассажиров, в числе которых были 15 женщин и 3 детей, не вышел бы из самолета живыми.

Террористы были схвачены афинской полицией и на допросе показали, что они принадлежат к Палестинской Армии Освобождения, командный центр которой находится в Ливане. Час спустя бейрутский штаб террористов принял на себя всю ответственность за это нападение на израильский самолет в Афинах. И снова Совет Безопасности промолчал, а ливанское правительство, при поддержке которого Палестинская Армия Освобождения вербует и тренирует на ливанской территории своих «федайен», не приняло никаких мер,

чтобы положить предел дальнейшей деятельности террористов.

Прошло еще два дня. Атмосфера в Израиле накалялась. Даже убежденные противники политики суровых репрессий считали, что ливанское правительство несет полную ответственность за деятельность бейрутской террористической организации. Лунной ночью 28 декабря израильское командо снизилось на нескольких вертолетах на бейрутском международном аэропорте. Как всегда, элемент сюрприза был в пользу Израиля, — рейд захватил ливанцев врасплох. Солдаты выбрали 13 пассажирских самолетов, «Боинги» и «Каравеллы», принадлежавшие арабским компаниям, и подожгли их. В одном из самолетов уже сидели пассажиры. Всех их эвакуировали, а затем и под этот самолет были подложены зажигательные бомбы. Вся операция продолжалась 45 минут. Ни один человек при этом не пострадал ни с ливанской, ни с израильской стороны. Ни один иностранный самолет, кроме арабских, не был сожжен. 13 самолетов стоимостью в десятки миллионов долларов, — половина всего коммерческого воздушного флота Ливана, были уничтожены.

Совет Безопасности, оставшийся равнодушным к взрыву на иерусалимском базаре, где погибли 12 человек, или к нападению на израильский самолет в Афинах, на этот раз собрался немедленно и единогласно принял резолюцию, сурово осуждающую «израильскую агрессию». Резолюция содержала предупреждение о возможных в будущем санкциях, в случае повторения карательных экспедиций, и признала за Ливаном право на возмещение убытков. И снова — в резолюции

не было ни единого слова осуждения арабского террора, который вызывает репрессии со стороны Израиля.

Политика репрессий не может, конечно, привести к миру. Но она может заставить правительства арабских стран понять, какой дорогой ценой приходится платить за деятельность «Эль Фатах» и «федайен» Палестинской Армии Освобождения. Не все в Израиле были убеждены в правильности политики суровых репрессий, в особенности по отношению к Ливану, который считался наименее воинственно настроенной арабской страной. Но осуждающая резолюция Совета Безопасности объединила весь Израиль в чувстве горечи, ожесточения и сознания, что еврейское государство в дальнейшем должно рассчитывать только на себя и на свои собственные силы.

Непрекращающиеся нападения арабов и репрессии Израиля неизменно приведут к новой войне.

Смысл террора прекрасно резюмировал в Новом Русском Слове Ю. Б. Марголин, писавший: «Эти террористы сами по себе не страшны Израилю. В условиях израильской государственности не может быть достигнута ни одна из их «программных» целей. Ни конечная цель — уничтожение Израиля, ни ведущие к ней этапы: нарушение нормального течения жизни, подрыв народного хозяйства, прекращение иммиграции в Израиль... Не в этом их действительная функция. Террористические организации, действующие с территории Иордании, только детонатор грядущего взрыва. Все три войны — 48, 56 и 67 года — были спровоцированы таким образом».

За двадцать лет существования еврейского госу-

дарства, около 2.000 израэли погибли от рук террористов. В общей сложности, по официальным статистическим данным, с момента провозглашения независимого государства, и до 28 апреля 68 г. погибли в войнах и от рук террористов 7.506 израэли.

По американским масштабам цифра эта не Бог весть как велика. Но для Израиля с его населением в 2.7 миллионов она — чудовищная. И с июня 68 года список жертв продолжает расти.

3.

Террор не достигает своей цели. Время от времени в Тель Авиве или в Иерусалиме взрываются бомбы. От взрыва на тельавивском автобусном вокзале пострадали 70 человек, но два дня спустя все участники террористической группы, организовавшей это покушение были арестованы. С удивительным цинизмом «Правда» на следующий день писала: «Поводом для этих событий стал взрыв нескольких бомб, *якобы* (курсив мой — А.С.) подложенных в районе центральной автобусной станции Тель Авива организацией палестинских партизан». И все же, это — отдельные случаи, почти не нарушающие нормального хода жизни страны. По настоящему террористы предпочитают оперировать в пограничной зоне, в надежде, что они смогут выполнив задание быстро вернуться на свои базы, на восточном берегу Иордана. Но редко кому из Эль Фатах или террористов Палестинской Армии Освобождения удастся спастись.

В день нашей поездки по высотам Голана, принадлежавшим до войны Сирии, мы были в Кунейтре, на са-

мой линии перемирия. А по возвращении в Тель Авив узнали из газет, что как раз накануне в Кунейтре были убиты в перестрелке два террориста.

Во время моего посещения редакции «Едиот Ахронот», редактору д-ру Розенблюму принесли свежий номер, только что вышедший из машины. На первой странице было напечатано: ночью близ Иерихона пограничный патруль перехватил группу террористов, укрывавшуюся в Вади Сужах. 13 были убиты в стычке, четырнадцатый ранен и взят в плен.

«Террористы, — сказал д-р Розенблюм, — теперь платят за свои вылазки дорогой ценой. С каждым днем им становится все труднее оперировать. За год израильские пограничные части убили свыше 400 Эль Фатах и террористов «Палестинской армии освобождения». 1.400 арабских террористов были захвачены в плен и находятся в израильских тюрьмах, отбывая различные сроки заключения. Ни один из них не был приговорен к смертной казни, — даже те, кто были виновны в убийстве израильских солдат. Недавно в Кнессете (парламенте) Даян огласил такие цифры: с июня 67 года до 3 апреля 68 г., т.е. за 10 месяцев, арабские террористы зарыли на израильских дорогах 53 мины; было 7 актов саботажа на железнодорожном полотне; 20 атак на поселения; 28 нападений на фабрики и заводы; 26 случаев обстрела кибуцев и 19 нападений с ручными гранатами. Из десяти террористов девять либо убиты либо попадают в плен. Теперь это уже не секрет, — инфра-красные лучи позволяют обнаружить человека в абсолютной темноте, причем, сам он и не подозревает, что за каждым его движением наблюдают, что он — отличная мишень для стрелков... Есть и

другие методы борьбы: проволочные заграждения, минные поля. Есть, наконец, суровые репрессии: время от времени, когда чаша терпения переполняется и Эль Фатах надо дать понять, что их действия не проходят безнаказанно, израильская армия организует карательные экспедиции или бомбардирует лагеря, в которых обучаются террористы и саботажники. В марте 68 года атаковали базу Эль Фатах в Карамэ, на восточном берегу Иордана, в трех километрах от реки. Во время этой атаки израэли понесли немалые потери: 26 убитыми и 40 ранеными и сами убили 215 террористов. 4 июня 68 года израильская авиация бомбардировала Ирбид, к северу от Аммана, а в августе того же года последовал новый рейд на два лагеря террористов близ е-Сальт в Иордании. По официальному сообщению из Аммана во время этого рейда было убито 28 арабов».

Совет Безопасности после рейда на е-Сальт снова — в который раз! — осудил Израиль. И на этот раз в резолюции не было указания на террористическую деятельность арабов, которая вызвала рейд, и которая, рано или поздно, приведет к новой войне.

Палестинская Армия Освобождения и Эль Фатах насчитывают сейчас до 10.000 террористов, которых открыто вербуют и обучают в Иордании и в Сирии. По некоторым данным из американских источников общее число террористов доходит до 20.000. Постепенно, террористические организации, оперирующие с территории Иордании, превратились в своего рода «государство в государстве». В районе лагерей Эль Фатах и Палестинской Армии Освобождения фермеры страдают от систематических реквизиций продовольствия,

скота и пр. Террористы, получающие крупную финансовую поддержку из Кувейта, Саудовской Аравии, Египта и других арабских стран, помимо этого взимают еще специальный налог с торговцев, игнорируют распоряжения местных властей и, фактически, угрожают всему существованию шаткого режима Хусейна. Рано или поздно создавшееся положение приведет к взрыву и настоящему конфликту между иорданским правительством и террористическими организациями, считающими себя государством в государстве. Нечто подобное уже имело место в ноябре 68 года. По приказу Хусейна был арестован командир сирийской группы «Эль Сайках», занимавшейся попросту разбоем и грабежами. Между правительственными войсками и сирийскими террористами началась перестрелка, продолжавшаяся несколько часов. Обе стороны потеряли не мало людей. На этот раз Хусейн вышел победителем, но стало очевидно, что деятельность таких группировок, как «Эль Сайках» направлена не столько против Израиля, сколько против режима Хусейна.

Через некоторое время все 60 миль иорданской границы будут Израилем минированы и преграждены электрической сетью. Ночные экскурсии в Израиль станут невозможны. И, если потребуются, Даян найдет средства задушить террор там, где он создается, — на самой арабской территории.

**
*

Каждая беседа с израэли неизменно содержит серию вопросов, касающихся условий будущего мира, судьбы арабского меньшинства, возможности усиле-

ния иммиграции в Израиль. Это все вопросы перво-степенного значения, которые рано или поздно должны быть разрешены.

— Сионисты, — говорили мои собеседники, — создали государство европейского типа с израильским большинством. Сейчас в Израиле, из 2.700.000 жителей есть 300 тысяч арабов, не служащих в израильской армии, но пользующихся правами гражданства. Справедливости ради следует отметить, что в Шестидневную войну эти арабы держали себя весьма лояльно по отношению к Израилю. Опасения, что израильские арабы сыграют роль «Пятой колонны», к счастью, не оправдались. К этой основной цифре арабского населения, нужно теперь прибавить еще 60 тысяч арабов из Восточного Иерусалима. Можно делать всевозможные прогнозы. Арабы, живущие на Западном побережье вернутся в арабский мир вместе с территорией, которая после подписания договора будет возвращена Израилем, или станут гражданами автономной области, намеченной между Иорданией и Израилем. Часть израильских арабов эмигрирует. Но от Израиля ждут быстрых решений и немедленных ответов. Арабские страны в течение двадцати лет не могли разрешить беженского вопроса. От Израиля требуют решения этого вопроса в один год. Вопрос будет разрешен в свое время, как часть мирного договора.

Может ли Израиль ждать?

«Может, — говорит ген. Хаим Герцог. — Мы ждали возрождения израильского государства 1900 лет. И положение наше сейчас много лучше, чем было до июня 1967 года. Не забудьте: мы находимся всего в

80 километрах от Каира, в 40 километрах от Аммана и Дамаска. Мы сейчас сильнее, чем когда либо.

Наступит момент, когда арабы поймут, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, и что от соглашения с Израилем и мирного сосуществования они только выиграют».

Судьбы Израиля зависят не только от того, как сложатся в будущем отношения с арабами и удастся ли заключить с ними прочный мир. У Израиля много других проблем. Экономически страна непрерывно развивается, кризис 1966 года полностью изжит, но Израиль не может существовать без финансовой поддержки евреев «Диаспоры». Победоносная война стоила Израилю около миллиарда долларов. Ежегодный бюджет министерства национальной обороны достигает трех миллиардов израильских фунтов. По словам б. министра финансов Сапира с 1951 года расходы на национальную оборону увеличились в 31 раз! Для страны с населением в 2.7 миллиона душ, это, конечно, непосильное бремя.

В разгар экономического кризиса 66 года число безработных, по неофициальным данным, доходило до 100.000. Теперь этот вопрос благополучно разрешен и в некоторых областях народного хозяйства даже замечается нехватка в специалистах. Но для экономического развития и роста Израиля нужно значительно расширить индустрию и усилить экспорт товаров за границу. Много в этом отношении уже сделано. Экспорт в 1968 году увеличился на 15 процентов и к концу года превысил рекордную цифру в миллиард долларов (включая доходы от туризма).

Весной 68 года в Израиле состоялась международ-

ная экономическая конференция, к участию в которой были привлечены выдающиеся промышленники и финансисты С. Штатов и Европы. На конференции были намечены пути дальнейшего экономического развития Израиля, при чем приехавшие эксперты совершенно определенно дали понять правительству, что наступила пора пересмотреть старую сионистскую установку на Израиль, как на страну с социалистическим уклоном. Социализм осуществлен в кибуцах и в некоторых предприятиях, находящихся под контролем Гистадрута, Израильской Федерации Труда. Но в других областях, в частном секторе промышленности, в строительстве, от него постепенно отказываются. Участники экономической конференции получили заверения, что свежие иностранные капиталы будут инвестированы в израильскую промышленность на новых условиях, более привлекательных для людей с капиталистическим уклоном мыслей.

Особенно пагубную роль сыграла социалистическая «уравниловка» в среде израильской профессиональной интеллигенции, в частности врачей, инженеров, всевозможных специалистов, оклады которых остаются на весьма низком уровне. Это обстоятельство вызвало очень печальное явление: отлив специалистов в С. Штаты и в Европу, где их знания и таланты с точки зрения материальной расцениваются гораздо выше, чем в Израиле. Около 1.000 израэли ежемесячно покидают страну в поисках новой, более зажиточной жизни, и «алия» (иммиграция) лишь с трудом пополняет этот пробел. Конечно, далеко не все уезжающие — люди высокой профессиональной квалификации. Есть среди них и просто непоседы, и любители легкой жизни: в

Израиле приходится много работать. Но сколько талантливых израильских артистов, музыкантов, ученых и инженеров приезжают в С. Штаты на время, на несколько месяцев и... остаются здесь надолго, если не навсегда, соблазнившись материальным комфортом и высокими заработками! Некоторые из них, рано или поздно, все же вернутся на родину. При очень низком естественном приросте еврейского населения, эта эмиграция довольно болезненно ощущается в Израиле. Конечно, нужно помнить, что Израиль — не единственная в этом отношении страна. Аналогичное явление наблюдается сейчас и в Англии, откуда эмигрируют в Австралию, в Канаду, в США врачи, инженеры и ученые, труд которых не находит должной оценки и вознаграждения при режиме социальной медицины или в национализированных предприятиях.

Израиль был создан иммигрантами «халуцим», которые ехали строить новое государство не в надежде на большие заработки, а воодушевленные высокими идеалами. Они ничего для себя лично не требовали. Очевидно, эта героическая пора создания нового государства миновала. Даже потрясающая победа 67 года не вызвала настоящего прилива иммигрантов в Израиль, — не следует смешивать добровольцев, которые предложили Израилю свои услуги в трудный момент с переселенцами — «Олим». И только в самое последнее время замечается тенденция к усилению иммиграции из так называемых «богатых стран» — США, Франции, Аргентины и т.д. Общее число иммигрантов в Израиль в 1968 г. достигло 30.000 человек, в среднем от 2 до 3 тысяч человек в месяц. По сравнению с последними годами это — безусловный прогресс. Но

этого всего недостаточно для молодого государства, в котором численность населения в значительной степени определяет его жизнеспособность. Сегодня мы стоим перед печальным, с израильской точки зрения, фактом: традиционные резервуары иммиграции в Польшу, Румынии и Германии иссякли. Евреи Сев. Африки все уже выехали, — либо в Израиль, либо во Францию, куда привлекло их знание французского языка, а алжирских евреев — французское гражданство. Россия по-прежнему запрещает эмиграцию в Израиль. Никто не может предсказать, когда советским евреям будет дана возможность выезда за границу и многие ли пожелают воспользоваться этой возможностью, чтобы поселиться в Израиле.

Остается громадный резервуар американского еврейства, — 5.800.000 человек по подсчету научных еврейских организаций. Но двадцатилетний опыт оказался в этом отношении весьма печальным. В С. Штатах много говорят и пишут о «возрождении иудаизма» среди американских евреев. Однако, со времени создания независимого еврейского государства из С. Штатов переселилось в Израиль значительно меньше американских евреев, чем израэли, выехавших за то же время в С. Штаты. С некоторыми американскими иммигрантами я встречался в Тель Авиве. Не без смущения один из них признался:

— В Америке я постоянно чувствовал себя евреем, а здесь постоянно чувствую себя американцем...

Американское еврейство жертвует на Израиль громадные суммы, но американская еврейская молодежь предпочитает идти в «Корпус Мира» и служить в Африке или в Азии, нежели переселиться в Израиль, ко-

торый так нуждается в притоке новых людей. О причинах этого явления уже написаны целые трактаты. Здесь играет главную роль не только то обстоятельство, что переезд из богатой и благополучной Америки в бедный Израиль сопряжен для каждого иммигранта с большими материальными жертвами, но и особая притягательная сила Америки, которая никогда не была для евреев мачехой, и которую евреи любят и считают своей страной.

Все попытки усилить «алию» из С. Штатов пока дают малые результаты. Возможно, что изъятие в 68 году иммиграции из ведома Еврейского Агентства и создание специального министерства Иммиграции сыграет положительную роль и облегчит формальности по устройству прибывающих «олим» на новой земле. В Израиль теперь иммигрируют из С. Штатов главным образом люди, воспитанные в духе еврейской культуры, получившие религиозное воспитание. Эти люди особенно остро ощущают свою принадлежность к еврейскому народу и в какой-то степени проникнуты духом мессианизма.

Все это может измениться. Многое зависит от того, будет ли установлен мир на границах Израиля, как пойдет в дальнейшем экономическое развитие страны, как сложится ситуация во всем мире и, в частности, смогут ли С. Штаты и Сов. Союз найти общий язык и кончить «холодную войну».

В день двадцатилетия израильской Независимости, в Иерусалиме, я спросил: как сложатся следующие двадцать лет Израильского государства? Человек, которому я поставил этот вопрос засмеялся и сказал:

— Следующее двадцатилетие? Я до сих пор не мо-

гу понять, как мы просуществовали первые двадцать лет!

В этих словах звучала известная бравада, некоторое молодечество, но ведь и руководители израильского государства любят говорить о «чуде». Где же происходить чудесам, как не на Земле Обетованной? Не даром первый президент Израиля Хаим Вейцман говорил:

— Чудеса случаются. Но над ними надо очень много работать.

Первое двадцатилетие прошло под знаком создания государства и борьбы за его физическое существование. Нужно верить, что атмосфера фанатической ненависти, окружающая сейчас Израиль, когда-нибудь рассеется и мечта о мире с арабскими странами осуществится.

Без этой веры жить нельзя.

Нью Йорк, декабрь 1968 г.

ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ В ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

До нашей эры

Сотворение мира по еврейскому летоисчислению 3760

Библейский период

Исход из Египта	1300
Завоевание Ханаана Иисусом Навином	1250–1230
Период Судей	1200–1025
Саул, первый царь Израильский	1025–1011
Давид, царь Израильский	1010–970
Иерусалим — столица Иудеи и Израиля	1000
Соломон, царь Израильский	970–930
Первый Храм в Иерусалиме	950
Разделение царства на Иудею и Израиль	930
Конец Израильского царства	722
Конец Иудейского царства	587
Разрушение Иерусалима Навуходоносором.	587
Возвращение из вавилонского пленения	536
Второй Храм в Иерусалиме	520
Александр Великий в Иерусалиме	332
Эллинский период	320–168
Восстание Маккабеев: Хасмониды	167–37
Ирод Великий	37–4
Рождение Христа	4 (?)

Современная эра

Понтий Пилат, римский прокуратор	26–36
Распятие Христа	29 (?)
Восстание евреев против римлян	66–70
Разрушение Второго Храма Титом	70
Падение Массады	73
Восстание Бар-Кохбы	132–35

Окончание «Мишны»	200
Византийско-христианский период	395–638
Закончи «Иерусалимский Талмуд»	400
«Вавилонский Талмуд»	500
Персидское нашествие	614–29
Начало арабского владычества	639
Взятие Иерусалима крестоносцами	1099
Евреи изгнаны из Англии	1290
Падение Аккра и изгнание крестонос. из Палестины	1291
Евреи изгнаны из Франции св. Людовиком	1254
Изгнание евреев из Испании	1492
Турецкое владычество в Палестине	1517–1918
Погромы на Украине	1648
Первые еврейские иммигранты в Америке	1655
Саббатай Цви провозглашает себя «Мессией»	1666
Эмансипация евреев во Франции	1791
Вторжение Наполеона в Палестину	1799
Микве-Исроэль, первая земледельческая школа в Палестине	1870
Пета-Тиква, первое еврейское поселение в Палестине	1878
Начало колонизационной работы бар. Эдмона де Ротшильда	1882
Дело Дрейфуса	1894
Начало иммиграции в Палестину. Первая «алия»	1888
Теодор Герцль выпускает свою книгу «Еврейское Государство»	1896
Первый Сионистский конгресс в Базеле	1897
Смерть Герцля	1904
Волна погромов в России	1905
Основан Тель Авив	1909
Начало Первой Мировой войны	1914
Декларация Бальфура	1917
Ген. Алленби входит в Иерусалим	1917
Период Британского мандата	1918–48
Основание первого кибуца и первого мошава	1920
Арабское восстание	1921
Открытие университета в Иерусалиме	1925
Арабские беспорядки	1929

Приход к власти наци; массовый исход германских евреев в Палестину	1933
«Белая Книга» Англии: сокращение еврейской иммиграции	1939
Гибель 6 миллионов евреев во время Второй Мировой войны	1939—45
Восстание в Варшавском Гетто	1943
Англо-Американская комиссия рекомендует впустить в Палестину 100.000 евреев	1946
Конец Британского мандата, 14 мая	1948

Государство Израиль

Провозглашение 14-го мая независимого Израильского Государства Давидом Бен Гурионом	1948
Вторжение арабских армий 15 мая	1948
Война Освобождения	1948—49
Хаим Вейцман, первый президент Израиля	1948—52
Перемирие с Египтом, Ливаном, Иорданией и Сирией	1949
Израиль принят в Объединенные Нации	1949
Иерусалим провозглашен столицей Израиля	1949
Ицхак бен Цви, второй президент Израиля	1952—1963
Синайская кампания ген. Моше Даяна	1956
Поимка Эйхмана	1960
В Израиле сконструирован первый атомный реактор	1960
Казнь Эйхмана	1962
Залман Шазар — Третий президент Израиля	1963
Закладка здания Тель-Авивского Университета	1964
Открытие Хайфского университета и Национального музея в Иерусалиме	1965
Нобелевская премия присуждена израильскому писателю Агнону	1966
Шестидневная война и победа Израиля	1967
Воссоединение Восточного и Западного Иерусалима	1967

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарон, первосвященник, 143
Абу Агейла 90; 93
Ав, месяц 12; 13; 167
Авессалом, 74
Авраам, патриарх, 131; 132; 143; 166; 167; 170
Айзенхауэр, Двайт Д., 182
Айша, жена Магомета, 168; 171
Акаба, 110
Акива, раввин, 136
Аккр, 155; 175
Александр III, 81
Александрия, 186
Александро-Невский храм, 27
Алексий, патриарх, 78
Алжир, 194
Алия (Иммиграция), 207-209
Амихан, Иегуда, 59
Аллах, 165; 168
Алленби, мост, 134; 192; 194
Аллон, Игал, 192; 196
Амман, 24; 149; 174; 192; 203; 206
Амос, пророк, 88-89
Анастасий, митрополит, 76
Андрей, апостол, 137
Антоний, архимандрит (Граббе), 78
Антонин, архимандрит (Капустин), 79-80
Антонин, паломник, 28
Антония, крепость, 23; 24; 25
Арабский Легион, 13; 52; 134
Арабы иерусалимские, 5-56; беженцы 97-98; террор 132; 158; 191; 196-198; 200-202; пассивное сопротивление, 190-191; взрывы в Иерусалиме 191
Ари, Ури Бен, 133
Аримафейский, Иосиф, 28-29
«Аркия» 88; 105
Ассуанская плотина, 103
Афины, 198-199
Афон, 83
Ашдод, 88-89; 111
Ашкелон, 89; 110
Багратион-Мухранский, Т. К., 76
Базилика Юстиниана, 174
Бальзак, 151
Баниасс, 147-148, 150
Бар Илан, университет, 155
Бар Кохба, 136
Бар Лев, Хаим, 57
Барселона, 186
Башан, Рафаэль, 139
Бедуины, 99
Бен Гурион, 177
Бен Иегуда, 61
Бейгин, Менахем, 181
Бершеба, 100
Бунин, И. А. 64-65; 145
Бытие, 131
Вавилон, 167
Вади Сужах, 202
Варавва, 24
Варвара, монахиня (Цветкова) 82-84
Верещагин, 82

- Вейцман, Хаим, 97; 211
 Вертеп вифлеемский, 67
 Виа Долороза, 16; 22; 25
 Визел, Эли, 17-18
 Вифания, 79
 Вифезда, 25
 Вифлеем, 63-70; 131
 Вифсагия, 75
 Вишневская, Галина, 139
 Вознесение, храм, 75; 77
 Вознесенский монастырь, 79
 Вьетнамская война, 186
- Гавиш, генерал, 96
 Гадо, 146
 Газа, 89-90; 93; 97-98; 107; 147;
 175; 180; 191; 193; 195
 Галилейское море, 136; 137; 142;
 148
 Галилея, 50; 142
 Гаон, 146
 Гейра, Игал, 9; 55
 Геризим, гора, 130
 Герцог, Хаим, 58; 179; 183; 205
 Гефсиманский сад, 77; 81
 Гиват Хаим, кибуц, 153
 Гистадрут, 207
 Гогара, Василий, 31-32
 Голан, высоты, 102; 138; 140;
 146; 148; 150-151; 177; 180; 201
 Голгофа, 25; 27; 28; 29-30
 Горен, Шломо, 16-17
 Горненский монастырь, 27; 80
 Греков, Юрий, 81
 Гроб Господень, храм, 28-31; 49
 Грэй Женни, 141
 Гур, Мордехай, 13; 15; 17
- Давид, царь, 74; 143; 170
 Давида башня, 135
 Дамаск, 136; 148-149; 152; 189;
 206
 Дамасские ворота, 14
 Дан, 146
 Даниил, игумеи, 73; 77
 Даян, Моше, 13; 61; 91; 100; 103;
 156; 182; 183; 184; 185; 193;
 202; 204
 Дегания, кибуц, 137; 184
 Дженин, 130; 192
 Джонсон, Линдон Б. 187-188
 Диаспора, 206
 Дисенчик, Арие, 57, 180
 Димитрий, архимандрит (Биак-
 кай) 78-79
 Долина Мертвых, 29
 Долина Пастухов, 63
 Доллес, 182
 Друзы, 149-150
 Египет, силы в Синае, 90; 93; на-
 рушение перемирия, 103; по-
 тери в Шестидневную войну,
 91; 94; 147; причины разгро-
 ма, 96; 109; египтяне в Газе,
 193
 Едиот Ахронот, 18; 202
 Елена, монахиня, 78
 Елена, царица, 28
 Елеонская гора, 74-75; 84; 135;
 171
 Елеонский монастырь 21; 75-87
 Елизавета Феодоровна, вел. кня-
 гиня, 82-83
 е-Сальт 191; 203
- Жаботинский, В. Е. 181

- Западная стена Храма Соломона 167
 Западный берег Иордана, 181; 183; 191; 192; 293
 Зелоты, 112
 Земля Обетованная, 133; 137; 143
 Змора, Охад, 139
 Золотые Ворота Иерусалима 74; 171; 172
- Иаков, патриарх, 132; 143
 Иван Васильевич, царь, 81; 106
 Игнатий, диакон, 84
 Ид Абу Абуллах, шейх, 99
 Иемен, 194
 Иеремия, пророк, 8, 59, 89
 Иерихон, 105; 133; 134; 192; 202
 Иерусалим, 9-21; 22-49; 50-61; 165-175; сотрудничество с арабами 189; арабское население 205; бомбардировка во время Шестидневной войны 129; вид на Иерусалим 134-135; будущее Иерусалима 86
 Иерусалимский Талмуд, 136
 Измаил, 131
 Израиль, план кампании в Синае, 91; 95; тактика авиации во время Шестидневной войны 57-58; 91-92; силы в Синае 90; военные потери 149; перспективы мира 177-180; будущие границы 180-182; жертвы арабского террора 200-201; репрессии 103; 108; 196; 197; 199; арабы Израиля 205; расходы на оборону 206; алия 207-208; ассимиляция иммигрантов 194; население 192-193; земледелие 135; 142; безработица 206; экспорт 206; варницы на Мертвом море 112; нефть 107; экономическая конференция 206-207; идея Третьего храма 173; дух израэли 178
 Иисус Христос, 22-26; 31; 74; 81; 83; 84; 137; 168; 171
 Иконы, 82
 Илья пророк, 170
 Индийский океан, 110
 Индия, 110
 Иоанн Креститель, 137
 Иоиль, пророк, 20
 Иона, черный диакон, 74; 106
 Иордан, река, 73; 103; 129; 134; 137; 142; 183; 192; 196
 Иордания, потери во время Шестидневной войны 91; 102; 109; 134; 147; 175; 181; беженские лагеря 194; торговля с Западным берегом Иордана 191
 Иорданская граница, 51; 183
 Иосиф Праведный 13; 143
 Иософатова долина, 19; 20; 74
 Иоффе, Авраам 90; 93; 101
 Ирак, 91
 Ираклий, император, 171
 Иракские танкисты, 133
 Ирбид, 203
 Ирод, 23; 68; 89; 129
 Исаак, патриарх, 131; 132; 143; 166
 Исая, пророк, 62
 Иск, полковник, 101

- Исмаилия, 90; 100; 103
 Исход, книга, 102; 105
 Иудейские горы, 134-135
- Кааба, 175
 Каббалисты, 143
 Каир, 103, 149; 188; 189; 206
 Карамэ, лагерь террористов, 158; 191; 203
 Каро, Иосиф, 143
 Кедронская долина, 84
 Кедронский поток, 74
 Кеннеди, Джон Ф., 187
 Киниерет, 137; 142
 Кир, цар. 168
 Кнут, Довид, 19
 Коган, Леонид, 139
 Кодекс Синайтикус, 106
 Коллек, Тэдди, 16; 59-62; 191
 Кол Израэль, 147; 179
 Константин Великий, 66-67
 Константинополь, 169
 Коран, 165; 170-171
 Корейская война, 186
 Коробейников, Трифон, 81; 106; 111
 Косыгин Алексей, 187-188
 Кошелев, академик, 27
 Красное море, 100; 107
 Крест Животворящий, 171
 Крестный путь, 23
 Крестоносцы, 172; 173
 Крым, 175
 Кувуклия, 30
 Кунейтра, 148; 150; 151; 201-202
 Кунтилла, 91
- Лазарь, 83
- Ламбарене, 154; 159
 Ландау Моше, 54; 56
 Латрун, 52
 Ливан, 198; 199; 200
 Лифостротон, 24
 Лобное место, 22
- «Лук», журнал, 185
 Лурия, Ицхак, раввин, 143
 Львиные ворота, 15
- Маади, Джабар, 150
 Маарив, 180; 189
 Магомет, 165; 167-168; 170; 171; 175
 Маймонид, 136
 Малек, Абд Эль, Калиф, 168
 Мамврийский дуб, 78; 80
 Манхэттан Гилд, 162
 Марголин, Ю. Б., 200
 Мария Александровна, императрица, 81
 Мария, игуменья, 82
 Мария Магдалина, храм, 74; 81
 Марк Антоний, 23
 Марс Эль Кебир, 186
 Масличная гора (Елеонская), 20; 73
 Массادا, 112; 129
 Махпела, 131-132
 Медина, 171; 175
 Меир, раввин, 136
 Мекка, 165; 167; 170; 175; 176
 Мертвое море, 110; 111; 133; 196
 Мефодий, епископ, 30; 79
 Митла Пасс, 94; 101
 Миражи, 92

- Мишна, 136
 Модест, игумен, 79
 Моисей, 104-105; 143; 168
 Монастырь св. Екатерины, 105-106
 Мориа, гора, 10; 20; 166; 167; 173
 Москин, Роберт, 185
 Московская патриархия, 80
 Музей Рокфеллера, 14
 Муса, гора в Синае, 107
 Мусульмане Волги, 175
- Наблус, 130-131; 132
 Навин, Иисус, 28; 133
 Навуходоносор, 167
 Нагорная проповедь, 137
 Надлер, Аннетт, 162
 Назарет, 70-71; 193
 Нассер, 55; 92; 102; 103; 107; 108; 178; 182; 184; 194; 196
 Натанья, 130
 Наркисс, Юзи, 14
 Нахалал, кибуц, 184
 Национал Палас отель, 53
 Небесный огонь, 31
 Негев, 110; 111; 193
 Нектарий, архимандрит, 79
 Никодим, 29
 Нил, 103
 Новое Русское Слово, 200
- Объединенные Нации, 20; 98; 181; 195; 197
 Одесса, 186
 Омар, калиф, 167; 168; 175
 Омара мечеть, 10; 135; 165-168; 170-173; 190
- Орлова, Ханна, 141
 ОРТ, 61; 179
 «Отче наш», храм, 83
- Паз, 128
 Палестина, 85; 153; 154; 167; 181
 Палестинская армия Освобождения, 98; 195; 198; 201; 202; 203
 Палестинские арабы, 85; 183
 Палестинское Общество, 75
 Персидский залив, 110
 Персия, 110
 Перст Магомета, мыс, 107-108
 Петр, апостол, 137
 Петр Великий, 186
 Петропавловская церковь, 80
 Пилат, 23-25
 Помазание, камень, 29
 «Правда», 201
 Претория, 23-25
 Пятикнижие, 11
- Рабин, Ицхак, 100
 Рамат Рахиль, 63
 Рамалла, 130
 Рамбан, 19
 Рамла, 51
 Раскопки Палестинской Миссии, 79; 85
 Рафа, 93
 Рахиль (могила) 63-64; 68
 Рамат-Ган, 155
 Рамадан, 175
 Ревекка, 131
 Рейзенберг, Надя, 61; 141
 Римляне (Массада), 129
 Робинзон, Барбара, 82

- Розенблюм, Г., 180; 202
 Рокмор, Клара, 61; 141
 Ростропович, Мстислав, 139
 Русская Православная Церковь за Рубежом, 80
 Русское подворье, 80
 Руфь, моавитянка, 65
 Рязанцев, Александр, 86
- Саладин, 172-173
 Самаритяне, 130-131
 Сапир, Пинхас, 206
 Сарра, 131
 Саудовская Аравия, 107; 109; 204
 Сафед, 142-145
 Сакер, Абраам, 97
 Святые места, 18; 21; 73; 190
 Св. София, мечеть, 169
 Серафим, архиепископ, 26; 27; 78; 79
 Серафим, архимандрит, 79
 Сергей Александрович, вел. князь, 27; 82
 Сефарды, 143-145
 Синайская гора, 104-105; 106
 Синайская пустыня, 88; 98; 100; 106; 107
 Сион, 59
 Сионская гора, 20; 135
 Сионские сестры (монастырь), 23
 Сирия, 72; сирийские потери в Шестидневную войну, 91; 148; сирийская кампания, 146-149; на высотах Голан, 149-152; сирийские друзья, 150; террор 195; 201-204
 Скопус, гора, 14-15
- Скорбный путь, 16; 22; 25; 26
 Совет Безопасности, 57; 181; 197-200; 203
 Сов. военное снаряжение, 57
 Содомское море, 111
 Соломон, царь, 65; 166; 170
 Соломоновы Столбы, 111
 Соломоновы рудники, 111
 С. Штаты: 182; 186-188; 207-210
 Сорок Мучеников, церковь, 29
 СССР, вооружение Египта, 58; 118; вооружение Сирий, 150; сов. инструктора в Сирии, 150; возможность вмешательства в конфликт, 185-189
 Средиземное море, 110; 193
 Средний Восток, 97
 Средняя Азия, 175
 Старый город в Иерусалиме, 22; 102; 134; 147; 165; 172
 Стейнбергер, Аамат, 139-142
 Стейнбергер Яков и Батя, 138
 Стена Плача, 9-21; 147; 174; 175
 Стефан, игумен, 79
 Стефан, первомученик, 22
 Стопочка, 83-84
 Судные врата, 26-27
 Сулейман Великолепный, 9; 172
 Суэц, порт, 118
 Суэцкий канал, 90-91; 96; 100; 101; 103-104; 147; 177
- Талмуд, 130
 Таль, генерал, 90
 Тамара, игуменья, 21; 75-79; 85
 Татьяна Константиновна, княгиня, 76

- Тель Авив, 50; 88; 130; 154; 155;
 179; 184; 186; 188; 201
 Твэн, Марк, 137
 Тель Хашомер, 153-164
 Темплум Домини, 172
 Тивериада, 80; 136; 142
 Тимна, 111
 Тиранский остров, 108-109
 Тиранский пролив, 100
 Тит, император, 168
 Третий храм, 173
 Троицкий собор, 80
 Трубников, Александр, прот. 79
 Тора, 143
 Тфилин, 11

 Уахабе, О. А. 78
 Успение Божией Матери, храм,
 83
 Успенский, епископ, 79
 Усышкин, 61
 У-Тан, 57; 107

 Федаиен, 198; 200
 Филистимляне, 88-89
 Флавий, Иосиф, 89
 Франция, 208-209

 Ха'ари, 143
 Хагана, 52; 144; 154-155
 Хадасса, госпиталь, 14; 155; 164
 Хайфа, 175; 193
 Халепин, Я. П. 85
 Харам эш Шериф, 166; 171; 172;
 174
 Хассас, Хамди Ахмад, 166; 169
 Хеврон, 71; 79; 80; 131; 132
 Хермон, 136

 Ход, Мордехай, 91-92
 Хозрой, царь, 28
 Храм Гроба Господня, 28-31; 49
 Храм Рождества Христова, 63;
 66-68
 Храм Соломона, 19; 166-167; 168
 Храм Юпитера 167; 172
 Хрипунов, Г. М., 78; 86
 Хрущев, Никита, 188
 Хула, долина, 142
 Хурва, синагога, 19
 Хусейн, король, 55; 92; 129; 134;
 183; 184; 194; 196; 204

 Цаккай, Иоханаан Бен, 19
 Царская долина, 74
 Цуран, Бен, 15

 Часовня Адама, 30
 Черкесы, 149
 Черчилль Рандольф и Уинстон, 96

 Шарм Эль Шеих, 100; 107-108
 Шарон, Ариэль, 90-91; 93; 94; 101
 Швайцер, д-р Альберт, 154; 159
 Шерман, Анна и Меир, 53; 56;
 112
 Шестидневная война, 50; 132;
 138; 139; 142; 146-149; 177-
 178; 187; 190; 194
 Шестой американский флот, 92;
 188
 Шибба, д-р Хаим, 153-164
 Ширдан, Леон, 198
 Шукри, 114
 Шулхан Арух, 143

 Эбан, Абба, 178

Эйлат, 91; 108; 109-110; 158
Эйн Гев, 136; 138-142; 148
Элизар Давид, 147
Эл Ал, 198
Эль Акса, мечеть, 172-175
Эль Ариш, 90; 93; 98-100
Эль Борак, 167; 168; 170
Эль Исра, 170
Эль Сайках, 204

Эль Фатах, 55; 109; 158; 189;
196; 197; 200; 201; 202; 203
Эмек, долина, 142
Эшкол, Леви, 18; 179; 182
Юнайтед Джуиш Аппил, 185
Юстиниан, император, 105; 172
Яффа, 193

Pictures courtesy of:

Government Press Office, Jerusalem

Israel Information Services

Israel Government Tourist Office

Collection Gershon Geyra

Collection Dr. Chaim Sheba

J. D. Lewitan

N. S. Bogolubov

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>стр.</i>
От автора	7
Стена Плача	9
Место, называемое Лобное	22
И буду радоваться об Иерусалиме	50
Вифлеем Иудейский	63
Русская свеча на Святой Земле	73
Над Синайской пустыней	88
Исрихон без трубного гласа	105
Дорога на Дамаск	136
Доктор с двумя сердцами	153
Нет Бога, кроме Бога...	165
Беседы — выводы — прогнозы	177
Важнейшие события в истории Еврейского Народа	212
Указатель имен	215
Малюстрации	33-48; 113-128
Photograph credits	222

Printed by WALDON PRESS, INC.
150 Lafayette Street, New York, N. Y. 10013

Am d'u

КНИГИ

АНДРЕЯ СЕДЫХ

имеющиеся

НА СКЛАДЕ НОВОГО РУССКОГО СЛОВА

ДОРОГА ЧЕРЕЗ ОКЕАН	2 долл.
СУМАСШЕДШИЙ ШАРМАНЩИК . .	2 долл. 50 с.
ТОЛЬКО О ЛЮДЯХ	3 долл.
ДАЛЕКИЕ, БЛИЗКИЕ	4 долл.
ЗАМЕЛО ТЕБЯ СНЕГОМ, РОССИЯ .	4 долл.
ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ	4 долл. 50 с.
ИЕРУСАЛИМ, ИМЯ РАДОСТНОЕ . .	5 долл. 50 с.
THIS LAND OF ISRAEL	5 долл. 95 с.

Заказы направлять по адресу:

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

243 West 56th Street, New York 19, N. Y.

Чеки следует выписывать на:

Novoye Russkoye Slovo

За пересылку каждой книги добавлять 25 с.